

БИБЛИОТЕКА АКТУАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Выпуск 12

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
О НАСТОЯЩЕМ
И БУДУЩЕМ
РОССИИ И МИРА**

Красноярск 2012

ББК 71
УДК 87
Р 17

Красноярское отделение
Российского философского общества
Сибирский институт проблем глобализации

Ответственный редактор выпуска **Иванов В.И.**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Москвич Ю.Н., председатель, Красноярск
Арлычев А.Н., Москва
Иванов В.И., Красноярск
Колмаков В.Ю., Красноярск
Кудашов В.И., Красноярск
Чумаков А.Н., Москва
Фунтусов В.С., Владивосток

Р 17 **Размышления о настоящем и будущем России и мира:** кол. монография, отв. ред. В.И. Иванов [Серия: Библиотека актуальной философии] – Вып. 12. – Красноярск: «ЛИТЕРА-принт», 2012. – 238 с.

Лейт-мотивом этой книги является мысль о том, что достойное, светлое будущее народов России и всего мира будет реально приближаться в той мере, в какой человечество будет отказываться, изживать в себе такие пороки как ложь, лицемерие, эгоизм и, соответственно, насилие и принуждение. Эти пороки человечество приобрело в силу недоосознания своей общественной сущности. Альтернатива такова: или осознаем преимущества своей общественной сущности и будем жить мирно и дружно, или вечно будем жить под угрозой рукотворных катастроф.

Работа предназначена для широкого круга читателей: преподавателей, аспирантов, студентов, для всех кому дорого будущее страны и планеты.

В оформлении обложки использована картина Жан-Доменика Энгре «Портрет мадам Девосей».

ББК 71

© Красноярское отделение Российского философского общества
Сибирский институт проблем глобализации
Исследовательский Центр современных гуманитарных
технологий при СибГТУ.
© Москвич Ю.Н., дизайн обложки, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Лейт-мотивом этой книги является мысль о том, что достойное, светлое будущее народов России и всего мира будет реально приближаться в той мере, в какой человечество будет отказываться, изживать в себе такие пороки как ложь, лицемерие, эгоизм и, соответственно, насилие и принуждение. Следует заметить, что такие два порока как эгоизм и насилие человечество приобрело в ходе процесса своего развития вследствие недоосознания своей общественной сущности. Общественная сущность человека предполагает, что отдельные индивиды и группы людей должны относиться друг к другу как друзья, товарищи и братья. Однако, в силу относительной самостоятельности отдельных личностей и групп населения разной степени общности, противоречия между ними зачастую приобретают антагонистический характер, когда злость и ненависть застилают умственное зрение. Люди перестают “видеть” свое общественное предназначение и ради своей частичной выгоды готовы уничтожать друг друга.

Более того, истоками войн и военных действий был обыкновенный разбой в угоду чрезмерных appetитов и чрезмерного нахальства князьков и царьков. Разбойная т.е. военная профессия стала преподноситься как героическая, воспеваться поэтами и музыкантами. Имена самых крупных убийц-разбойников увековечены славой. Агамемнона, Ахиллеса, Александра Филипповича, Наполеона, Сталина знает каждый школьник на земле. Но это ложная слава. Это слава по меркам людей недоразвитых, людей предыстории (Маркс) человечества. Это подобно тому, как если бы взрослые, солидные мужчины гордились тем, что в младшие школьные годы разбили больше всех носов и наставляли больше всех синяков своим сверстникам. Это не

может быть гордостью человеческой, т.к. это свидетельство трагических ошибок и заблуждений исторического процесса.

Первую главу “Об актуальных методологических концепциях философских исследований” открывает статья профессора А.Н. Арлычева. Автор убедительно и доказательно утверждает, что истинные философские исследования никогда содержательно не должны противоречить здравому смыслу. Да, в процессе познания необходимо пользоваться абстракциями отвлеченными от здравого смысла для достижения знаний о сути вещей, но в конечных выводах, если теория противоречит здравому смыслу, она оказывается неверной. В основном рассуждения ведутся на примерах физики и космологии, но они как никогда актуальны и в исследовании социальных процессов. Так теория и практика марксистско-ленинского преобразования общества в XX веке потерпели поражение именно из-за того, что противоречили здравому смыслу. Они делали ставку исключительно на насилие, пренебрегая естественно-историческими интересами и чаяниями большинства людей. Они принудительно пытались внедрить общественную собственность на орудия труда и средства производства в то время, когда общественно-историческая ситуация для этого не созрела. Более частным примером является судьба самолетов “Конкорд” и ТУ-144. Научно-технически-технологически их можно было создать. Но практика жизни, здравый смысл их отвергли. Поэтому создатели современных общественно-политических теорий и практик должны это учитывать.

Продолжает первую главу статья профессора В.С. Фунтусова о роли и значении конструктивистского подхода в современных российских и мировых идентификационных процессах. Используя добротный историко-философский материал, автор показывает всё возрастаю-

щую роль конструктивистского подхода в созидании общественной жизни, а главное, обращает наше внимание на возрастающую ответственность “конструкторов” за свои детища перед людьми, перед народом, перед судьбами человечества. Перекликаясь с основной мыслью первой статьи главы, автор выражает уверенность в том, что предлагаемые и воплощаемые “конструкции” при всей их новизне не должны противоречить здравому смыслу, не должны нарушать морально-нравственных норм, а наоборот способствовать их развитию в сторону справедливости. В противном случае, предлагаемые и воплощаемые “конструкции” могут способствовать дестабилизации, хаосу, нарастанию враждебности в обществе.

Завершается глава статьями «Семантика Родины в современном искусстве» и «Искусство, политика и философия – индексы метальности». Авторы обращают наше внимание на то, что смешанность, суспензия экзистенциального, постмодернистского, не исключая славянофильства, русской почвенности могут порождать и действительно порождают ряд уникальных образований сложного смыслового порядка; показывают важность проблем философии современного искусства, в особенности российского, так как оно находится в состоянии поиска ответов на современные актуальные социальные вопросы.

Вторая глава “Некоторые идеи и тенденции развития современного общества” открывается статьей “Гламур – культура человека массы и техногенной цивилизации”. Авторы обращают внимание на опасность “ухода” человека от своей истинной, достойной сущности. Это может произойти в том случае, если развитие человечества “остановится” на этапе массовой культуры, когда устремленность к изобилию красивых вещей и к комфортным условиям жизни заслоняет возможность перехода к истинной красоте и доброте человеческих отношений. Такому ходу

вещей способствует чрезмерное увлечение успехами техногенной цивилизации без надлежащего развития “человеческого фактора”, без воспитания и образования человека по образцам разумного, доброго, вечного.

Продолжает главу статья А.Н. Арлычева “Социал-гуманизм как вариант обустройства будущего общества”. Следует заметить, что автор давно и увлеченно работает над решением этой проблемы, о чем говорят его содержательные публикации в нашей серии “Библиотека актуальной философии” (см. статьи “Социал-гуманизм – желанное и необходимое будущее человечества”, выпуск 7 и “Современная Россия, обреченность капитализма и перспективы будущего”, выпуск 11). Автор твердо убежден в том, что капитализм, начиная с рубежа XIX и XX веков, вступил в полосу постепенного и неуклонного саморазрушения и в наши дни фактически находится на заключительной стадии своего существования. По его мнению для России остается только один путь – построение в нашей стране подлинного социалистического общества, базирующегося на единстве государственной и коллективной собственности. Дальнейшее развитие реального социализма должно привести к социал-гуманизму, системе ассоциаций, которые будут состоять из духовно свободных и ничем социально независимых друг от друга людей.

В третьей статье главы автор пытается осмыслить изменение экономических отношений в период глобального финансового кризиса. Он показывает, что без уточнения истоков экономических качеств трудно понять сущность экономических процессов сегодня.

Завершает монографию статья “Будущее: наука, религия, общество”. Размышляя о настоящем и будущем, автор приходит к следующим выводам.

– Без воспитания людей, детей и взрослых, в духе честности, порядочности, взаимоуважения друг к другу добротного, светлого будущего в России и на Земле не будет.

– Морально-нравственное здоровье человека, нации, человечества еще более важно, чем физическое здоровье. Только в этом случае человек сможет овладеть своей собственной достойной сущностью.

– Для построения достойного будущего человечества необходимо перераспределить силы и средства с превалирующего сейчас предметно-технологического прогресса в пользу прогресса человеческого фактора, развития душевно-духовных качеств человека.

– Достаточно развитый интеллект без соответственно развитых душевно-духовных качеств – неполноценен, зачастую является просто “безделушкой”, а то и приносит вред человечеству. Примерами тому являются все техногенные катастрофы.

– “КРАСОТА СПАСЕТ МИР” только тогда, когда истинным высоким искусством будут пронизаны сердца и души большинства людей, а так же тогда, когда люди научатся с благоговением восхищаться красотой природы.

– Если люди научатся придерживаться прежде всего совести, взаимного уважения, товарищества и любви, тогда все институты (и светские и религиозные) очистятся от скверны предыстории и недочеловеческого состояния общества.

В авторский коллектив монографии вошли философы Владивостока, Красноярска, Москвы, Самары и Ярославля.

*Ответственный редактор выпуска
В.И. Иванов*

Глава 1. ОБ АКТУАЛЬНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ФИЛОСОВСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Арлычев А.Н.

1.1. НЕОБХОДИМОСТЬ И РОЛЬ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА В ФИЛОСОФИИ, ФИЗИКЕ И КОСМОЛОГИИ

Если взглянуть на реальный мир и на все, что в нем существует, без каких-либо особых предубеждений, но, при этом, с единой вполне определенной точки зрения, то при самом первом приближении можно дать следующий однозначный ответ – все это есть не что иное, как существование бесконечного множества самых разнообразных вещей. И если, к тому же, мы прибегнем к своему воображению, то сможем также дать не менее однозначный ответ о способе существования любой вещи. А именно, всякая реально существующая вещь проявляет себя в трех ипостасях: субстратно (т.е. в виде физического тела), динамично (т. е. находящееся в состоянии непрерывного процесса изменения) и структурно (т. е. находящееся в условиях внутренних и внешних связей и отношений). А самое главное, из этого следует вполне определенное суждение о том, что все эти три ипостаси находятся в вещи в неразрывном единстве по отношению друг к другу. И что если мы не будем придавать этому единству абсолютного значения и за существующими вещами признаем только какую-то одну или даже две ипостаси, то мы будем иметь дело не с реальным миром, а только с той или иной его абстракцией. Всякое такое абстрактное рассмотрение мира само по себе не только не включает в себе ничего предо-

судительного, но даже, наоборот, как показывает практика научного познания, является весьма полезным и необходимым при углубленном постижении сути вещей. Однако в этом случае мы должны четко и ясно отдавать себе отчет в том, что мы имеем дело не с самими реальными вещами, а всего лишь с их абстракцией. А потому, хотя эти наши абстрактные представления необходимы и полезны для познания сути вещей, но относиться к ним надо только как к вспомогательным конструкциям и не более. В противном случае происходит явная подмена реального мира той или иной его абстрактной конструкцией и подобную подмену, я называю не иначе, как отступлением от здравого смысла в самом широком смысле этого слова.

В философских работах по гносеологии здравый смысл, как правило, относят к обыденному уровню познания и это, как мне представляется, совершенно справедливо. Ведь здравый смысл есть не что иное, как знание о действительности, полученное человеком в результате обобщения непосредственного жизненного опыта. Между тем человек, располагая этим видом знания, можно сказать, совсем не задумывается над его внутренней природой, он ограничивается только тем, что целенаправленно его использует в своей жизненной практике. Но представим себе, что кому-то захотелось бы подшутить над нами, и этот некто задал бы, скажем, такой вопрос, может ли существовать тело вещи отдельно от его динамики или структуры, а динамика и структура в свою очередь в отрыве друг от друга, а вместе в отрыве от тела вещи? Если мы с вами находимся в здравом рассудке и не предрасположены к легкому помешательству, то, вне всякого сомнения, со всей убежденностью ответили бы, что такого в реальной жизни в принципе и ни при каких обстоятельствах быть не может, это полностью исключено. Подобным ответом мы бы в полной мере продемонстрировали свою прямую причаст-

ность к здравому смыслу, а также свою уверенность в его абсолютной непогрешимости.

Однако если мы обратимся к научному познанию, которое с точки зрения подавляющего большинства философов, вне всякого сомнения, и, опять-таки, совершенно справедливо расценивается как высшая форма проявления познавательной деятельности человека, мы сплошь и рядом сталкиваемся с избыточными фактами не только отхода от здравого смысла, но иногда и явного пренебрежения к нему. А если мы обратимся к философии, то обнаружим еще более странную картину, когда в ряде философских течений и школ само понятие здравого смысла интерпретируется как нечто противоположное самой его изначальной сути.

Наиболее ярким примером подобной философской трактовки здравого смысла может служить логическое построение доказательства исходной позиции субъективного идеализма, проделанного его родоначальником в философии нового времени в начале XVIII века английским философом Дж. Беркли. Им была поставлена цель, во что бы то ни стало опровергнуть материализм как философскую основу атеизма и вместо него утвердить в сознании людей философию, которая бы, по его представлениям, полностью соответствовала христианским религиозным воззрениям. Острие своей критики он направляет главным образом против основополагающего понятия материализма – понятия материи, в котором, как он считает, содержится вопиющее противоречие якобы со здравым смыслом, а именно в том ее пункте, где она рассматривается как физический носитель всех существующих в мире процессов, свойств, связей и отношений. В качестве доказательства своей позиции он использует известный в логике прием – подмену одного понятия другим, опираясь на факт их тождества по происхождению, но, при этом, игнорируя суще-

ственное различие по их семантическому содержанию. За основу доказательства он берет понятие чувственного образа, но интерпретирует его не просто как наглядный образ, внешне фиксирующий в сознании человека воспринимаемый им объект, а как проявление непосредственно здравого смысла. Короче говоря, Беркли отождествил понятие единичного чувственного образа с понятием здравого смысла, не замечая того, что чувственные образы, взятые сами по себе, даже если мы будем иметь дело с любой их совокупностью, то это всего лишь наглядные слепки с вещей, которые как таковые никаким здравым смыслом не являются. Под здравым смыслом понимается, как уже было сказано, эмпирическое знание, полученное в результате обобщения жизненного опыта, на основе которого человек способен осуществлять свои практические действия. Чувственный образ безусловно присутствует в здравом смысле и его роль в нем заключается в том, что он фиксирует вещь со стороны ее внешней структуры как совокупности свойств. Но главное его назначение в здравом смысле состоит в том, что он, будучи слепком, объективно существующей вещи, выполняет функцию ее заместителя в функционировании и проявлении здравого смысла. Но, при этом, очень важно обратить внимание на то, что было полностью проигнорировано Беркли: здравый смысл как знание не сводится исключительно к чувственному слепку вещи и к ее внешней структуре как совокупности свойств. Кроме, взятых самих по себе, чувственного слепка и совокупности свойств вещь обладает еще некой динамикой и знание о ней в здравом смысле не менее важно, чем знание о внешней структуре вещи. Но самое важное место в здравом смысле занимает знание о физической субстанции вещи, о вещи как носителе всех ее свойств и проявлений, без чего все рассуждения о структуре или о динамике повисают в воздухе. Более того, без констатации физического

носителя вещи, здравый смысл как знание лишается своей познавательной уникальности и тем самым теряет свой только ему одному присущий гносеологический статус подводить итог в познании объективной реальности. А потому этот элемент знания является центральным в здравом смысле, но именно его-то всеми силами и пытается опровергнуть в своей философии Дж. Беркли.

Что касается науки, то ее знание является не конкретно-чувственным, а абстрактно-логическим, она оперирует не чувственными образами, а абстрактными понятиями и в соответствии со своей спецификой, она в чем-то превосходит здравый смысл, а в чем-то, наоборот, ему уступает. Знание абстракций позволяет вникать в сущность вещей, вскрывать причинно-следственные связи и тем самым не только описывать явления, но и объяснять их – в этом ее преимущество перед здравым смыслом, знание которого ограничено лишь описанием единичной чувственной конкретности. В то же время абстракции способны схватывать, причем во всех возможных и невозможных вариациях, но, при этом, только одну, структурную, сторону бытия. Что касается непосредственно динамики протекания процесса, а также субстратного начала вещей, то они для абстрактного знания совершенно не доступны. Но зато они являются основной компетенцией здравого смысла – именно в этом состоит его главное преимущество перед абстрактно-логическим знанием науки.

В связи со сказанным выше возникает риторический вопрос, может ли наука существовать в отрыве от здравого смысла, а здравый смысл соответственно без участия науки или нет? На этот вопрос, как мне представляется, есть только один и, причем совершенно очевидный, ответ: наука без здравого смысла в принципе существовать не может, здравый же смысл не только может, но и фактически существует без науки. Кроме того, он на протяжении мно-

гих тысячелетий, пока не возникла наука, был у человечества единственным источником позитивного знания о действительности. Наука же, особенно естествознание, наоборот, с момента своего возникновения и на протяжении всей своей истории существовала и вплоть до сегодняшнего дня существует в неразрывном единстве со здравым смыслом, без которого ее развитие было бы просто невозможным. Однако характер связи науки со здравым смыслом не был в научном познании однотипным, а тот тип связи, который на тот или иной исторический период сложился в науке, имеет для нее принципиальное значение. Если мы обратимся, например, к истории такой науки, как физика, то обнаружим, что одним из определяющих факторов замены физики Аристотеля классической физикой Галилея, Ньютона в XVI-XVII вв. послужила именно кардинальная смена типа связи этой науки со здравым смыслом. Физика Аристотеля покоилась на стихийных обыденных представлениях об окружающем мире, например, ее автор при анализе причин природных процессов часто использует наглядный образ причинных связей, наблюдаемых при строительстве дома. Классическая же физика опирается на целенаправленные эмпирические методы исследования – научное наблюдение, эксперимент, измерение и т.д., – используя их, непосредственно в процессе изучения тех или иных конкретных явлений природы. В первом случае здравый смысл играл роль внешнего стихийного эмпирического фона для науки, во втором же случае он превращается в самостоятельный раздел самой науки и будет обозначен в ней как ее эмпирический базис. Этот тип связи здравого смысла с физической наукой сопровождает последнюю на протяжении всей ее последующей истории и по сегодняшний день он по своей сути остается неизменным.

Но в таком случае возникает вполне резонный, но уже не риторический, а самый, что ни на есть актуальный, осо-

бенно для нашего времени, вопрос, почему в науке вообще, и в первую очередь в физике, наблюдаются факты явного отклонения и даже пренебрежения если не по отношению к здравому смыслу в целом, то, по крайней мере, по отношению к отдельным его сторонам? Говоря о естествознании и прежде всего о физике, то, как мне представляется, ответ надо искать не столько в типе связи науки со здравым смыслом, сколько в тех исходных методологических установках классической науки, которые были в свое время заданы ее основоположниками Г. Галилеем, Р. Декартом, И. Кеплером, И. Ньютоном и др. Впервые они в полном объеме были высказаны Галилеем в его знаменитом «Диалоге о двух главнейших системах мира», где он выдвигает три основополагающих правила (положения), которых необходимо придерживаться при постижении сущности природных явлений: строго следовать опыту (или, что одно и то же, здравому смыслу, о чем мы только что говорили), использование математики и принцип идеализации. Этот подход к познанию природы явился альтернативой прежнему, в основном аристотелевскому, натурфилософскому взгляду, который носил умозрительный характер и нацеливал на изучение только качественного аспекта природных явлений. Его можно в определенном смысле рассматривать как методологическое основание собственно научного познания в противоположность сугубо философским основаниям прежней натурфилософии.

При ответе на поставленный вопрос нас будет интересовать в основном одно из названных правил – использование математики при изучении природных явлений. Но речь пойдет вовсе не о критике этого правила, наоборот, я считаю, что благодаря синтезу математики и опыта классическое и современное естествознание смогло достигнуть невероятных успехов не только в познании природы, но что не менее важно, он позволил научные результаты ши-

роко применять в практической деятельности. Имеется в виду совсем другое, что вместе с утверждением этого правила в физической науке будет господствовать так называемый количественный подход в исследовании природных явлений, и что именно он, будучи односторонним, является основной причиной отхода этой науки от ряда существенных моментов здравого смысла. Его можно рассматривать как альтернативу аристотелевскому, качественному подходу, у которого также есть свои плюсы и минусы, но, как и количественный подход, он является также односторонним.

Каждый из подходов – качественный и количественный – имеет свои особенности, оказывающие существенное влияние на характер научного исследования. Качественный подход сводится в основном к категориальному анализу, который предполагает раскрытие семантики понятий и выявление системных отношений между ними. Классическим образцом подобной науки является обширнейший разнородный комплекс квалитативного знания не только о природе, но и об обществе и человеке, созданного патриархом качественного подхода Аристотелем. Он обозначил в «Метафизике» почти все (если не все) виды универсальных понятий (философских категорий), создал науку об отношениях между понятиями различной степени общности (формальную логику), и на этой базе положил начало исследованию качественной стороны действительности, охватив все ее основные природные и социальные формы. Этот качественный подход, безусловно, заложил основы развития собственно научного знания на все последующее время. Но в то же время в нем четко высветились слабые стороны. В трудах Аристотеля мы найдем бесчисленное множество плодотворных идей по пониманию сущности явлений, они отличаются глубиной логической аргументации, а также исключительной строгостью в определении

понятий, но, вместе с тем, в них слабо просматривается связь знания с практикой. Причиной тому служит полное отсутствие математического анализа. Такого рода науку можно было бы обозначить как абстрактно-логическое квалитативное знание.

Начиная с XVII в. и до наших дней, естествознание, особенно физика, находятся на диаметрально противоположном пути своего развития по сравнению с предшествующим, аристотелевским, периодом. Физика стала заниматься преимущественно количественным анализом, придавая, при этом, решающее значение опыту (наблюдению и эксперименту) и, кроме того, находясь в прямой взаимосвязи с человеческой практикой. Это, конечно не означает, что в точном естествознании отсутствует качественный аспект, без которого в принципе невозможно никакое знание. Качество просто перестало рассматриваться как нечто самодовлеющее и тем самым потеряло самостоятельную значимость в определении научных понятий, а также при интерпретации научных фактов. Ему уделяется внимание только в той мере и в тех долях, которые необходимы для получения положительных результатов в количественных выражениях.

Специфика количественного подхода заключается в том, что при изучении любого объекта или явления познавательной целью является описание и объяснение, относящееся непосредственно к двум разнородным по содержанию количественным параметрам: размерности и структурности, под которой понимается отношение или связь материальных точек. Во многих случаях суть познания сводится к определению размерности посредством структурности, либо, наоборот, к определению структурности посредством размерности. Например, в классической механике ставится задача определить величину изменения скорости перемещающейся материальной точки через от-

ношение двух других величин – силы и массы. Иначе говоря, посредством структуры двух величин (отношение силы и массы) определяется размерность третьей величины – ускорения. В итоге получаем систему отношений (структуру) между тремя величинами – силой, массой и ускорением. Но это уже не просто структура, а физический закон (второй закон механики), посредством которого можно определить любой из названных физических величин, если известны величины двух других. В третьем законе, наоборот, структурность устанавливается посредством размерности. Равенство величин действия и противодействия определяет устойчивую структуру между ними.

Что касается качественной стороны дела, то для взаимопределиения количественных параметров требуется обширный набор абстрактных понятий. Существует пять видов этих понятий, познавательная функция которых четко просматривается. Во-первых, это такие понятия, которые, выражая суть какого-либо явления, служат эмпирической основой для количественного анализа. В классической механике, например, таким понятием является «инерция», в электродинамике эту роль выполняет понятие «электромагнитная индукция», а в теории относительности – принцип относительности. Подобные понятия могут быть использованы как исходный эмпирический плацдарм для определения и измерения количественных параметров. Понятие инерции выполняет эту функцию в классической механике, где оно сформулировано в форме первого закона. Оно может также служить материалом, по отношению к которому проводится количественный анализ, что характерно для понятия «электромагнитная индукция» в электродинамике или «принцип относительности» – в теории относительности. Во-вторых, это понятия, определяющие физическую специфику материальной точки. В классической механике – «инерциальное тело», в электродинамике

– «заряд», «электромагнитное поле»; в теории относительности – «событие». В-третьих, это понятия, характеризующие качественную специфику какой-либо размерности. Их обычно делят на две категории – скаляры и векторы. Величины, не имеющие направления, называются скалярами; величины, имеющие направление, называются векторами. В-четвертых, это понятия, относящиеся к тем явлениям, по отношению к которым описывается динамика материальной точки. Обычно их называют «системой отсчета» или на языке математики – «системой координат». И, наконец, в-пятых, – это понятия-идеализации, необходимые для количественного исчисления как нулевые отметки. Функцию нулевой отметки выполняют также так называемые константы, например, постоянная скорость света в специальной теории относительности или постоянная Планка в квантовой механике.

Односторонность количественного подхода проявляется прежде всего в том, что качественные понятия в данном случае используются не столько для того, чтобы с их помощью раскрывать содержательную суть изучаемых явлений, сколько для решения сугубо формальных задач и носят они, при этом, исключительно инструменталистский характер. Это находит свое подтверждение в первую очередь в обозначении субстанциального начала изучаемого предмета, т. е. той материальной основы, которая выступает как носитель всех его свойств и отношений. В качестве таковой здесь, как правило, рассматривается не реально существующий субстрат, а заменяющий его условный символ, представляемый понятием «материальная точка». Бывают случаи, когда так называемое точное естествознание пользуется такими инструментальными понятиями, семантическое содержание которых фактически является фиктивным, но без них количественное описание было бы невозможным. Классическим примером подобных понятий

являются «абсолютное пространство» и «абсолютное время», без которых механистическая теория И. Ньютона вообще не смогла бы состояться. Это доказывает лишь то, что при описании количественных параметров не безуспешно пользоваться даже фиктивными понятиями.

Сосредоточенный на решении сугубо формальных задач, количественный подход, взятый сам по себе, в принципе не способен схватить некоторые весьма важные реальные стороны качества явлений. К таким сторонам необходимо отнести в первую очередь непосредственно осуществляемую динамику (процессуальность) любого какого-либо физического явления. Количественный анализ позволяет схватить структуру протекания процесса, но он совершенно не способен воспроизвести сам ход его протекания, который доступен исключительно интуитивно-чувственному восприятию человека. Это означает, что математическому описанию, сконцентрированному в основном на фиксировании соотношения количественных параметров – размерности и структурности, – совершенно безразлично, в какой конкретно форме протекает динамика процесса – в форме, скажем, прямолинейного перемещения или в форме кругового движения или в форме колебания, будь это вибраторное или осцилляторное колебание. Другая не менее важная сторона качества, не охватываемая количественным подходом, – это субстратное (телесное) начало изучаемого предмета. Роль носителя всех возможных свойств и отношений в данном случае выполняет, как уже было сказано, материальная точка, которая как таковая лишена каких бы то ни было субстратных характеристик. Поэтому для количественного подхода совершенно безразлично, находится ли изучаемый объект в том или ином агрегатном состоянии, его телесность проявляется актуально или виртуально и т.д.

Между тем эти две важнейшие стороны качества предмета в точном естествознании обычно выявляются методами наблюдения или эксперимента, обозначаются соответствующими понятиями, а затем для их математического описания вводятся дополнительные количественные параметры. Так, например, перпендикулярное взаимодействие электрических и магнитных явлений в электродинамике в противоположность параллельному действию силы на тело в классической механике было экспериментально зафиксировано Фарадеем в сделанном им открытии электромагнитной индукции. Позже этот феномен был обозначен Максвеллом понятием «электромагнитная волна» и количественно описан в терминах классической электродинамики. Приведенный пример, как мы видим, относится к определению процессуальной характеристики изучаемого предмета. Тот же способ применяется при определении его субстратных характеристик. Например, агрегатные состояния вещества, как правило, фиксируются в опыте, его специфические признаки обозначаются соответствующими понятиями и переводятся на язык дополнительных количественных параметров.

Однако опыт далеко не всегда обеспечивает выявление процессуальной и субстратной характеристик предмета. Его возможности принципиально ограничены рамками наглядности этих качественных сторон, реализуемых только на уровне макромира. На уровне же микро- и мегамиров опыт оказывается не способным напрямую решать эту проблему. В этом случае на помощь приходят воображение и интуиция, продуктивность которых зависит, конечно, от таланта и личных качеств ученого, но также в значительной мере обуславливается мировоззренческой позицией ученых и в первую очередь их онтологической и гносеологической ориентацией. Можно сказать, что именно в этом пункте точное естествознание вынуждено непосред-

ственно вступать на путь качественного анализа предмета, который во многом определяет весь ход научного исследования.

Впервые физика столкнулась с этой проблемой в процессе изучения теплоты при создании классической термодинамики. Построение теории термодинамики с самого начала и до конца было во многом гипотетическим и неопределенным. Если теория Ньютона, базируясь на твердом эмпирическом фундаменте, объясняла очевидный наглядный феномен – ускорение, то теория термодинамики, опираясь на предположения, была призвана объяснить данные, лишённые наглядности. Перед ней стояла задача объяснить факт равновесия газовых систем, выраженный через отношение двух ненаглядных (температура и давление) и одного наглядного (объем) параметров. Подобное объяснение можно было сделать только на базе какого-либо представления о субстратном начале теплоты. Но в силу отсутствия наглядности это представление нельзя получить посредством наблюдения или эксперимента, и потому изначально оно должно было быть гипотетическим. Ученые долгое время руководствовались гипотезой о существовании особого теплового вещества, названного теплородом. Однако эта гипотеза вошла в противоречие с эмпирическими фактами и, прежде всего, с фактами, подтверждающими связь тепловых явлений с механической работой. Учитывая эту связь, они пришли к выводу о существовании общего механического эквивалента между теплотой и работой, назвав его энергией. После чего представление о теплоте как об особом субстрате было заменено пониманием ее как механического процесса, что положило начало появлению новой науки – термодинамики.

Следующим шагом должно было стать раскрытие природы механического процесса, специфичного для теплоты, а также не снимается с повестки дня и решение вопроса о

субстрате теплового процесса. Первый шаг на этом пути сделал Максвелл. Он представил наглядную модель газа, которая состоит из большого числа твердых и упругих шариков, действующих друг на друга только во время столкновений, допустив также, что они перемещаются с разными скоростями. Отсюда он сделал вывод о распределении микротел по группам в соответствии с их скоростями, предполагая в каждой отдельной группе постоянную среднестатистическую скорость. Постоянной среднестатистической скоростью он объяснил факт равновесности термодинамической системы. Кроме того, он предложил новый метод вычисления скоростей, получивший название вероятностного метода. Работу, начатую Максвеллом, продолжил и завершил Больцман. Во-первых, он расширил трактовку распределения скоростей, и в таком виде она вошла в физику под названием «распределение Максвелла – Больцмана». И, во-вторых, что самое главное, он, воспользовавшись древней философской гипотезой об атомах и пустоте, по сути, решил проблему субстратного начала теплового процесса. В итоге была создана молекулярно-кинетическая теория теплоты, под которой стали понимать хаотическое перемещение огромного множества микро-частиц.

Из опыта создания этой теории вытекают принципиально важные гносеологические выводы. Прежде всего, было показано, что наука не ограничивается внешним феноменологическим описанием, что она способна к познанию глубинных сторон бытия, того, что характеризует реальное существование мира. Был также продемонстрирован научный подход к познанию реальности, который отличается от всех прочих подходов тем, что опирается на все три основных вида познания – интуицию, логику и эмпирию. При этом каждый из названных видов занимает определенное место и выполняет вполне конкретную по-

знавательную функцию при построении теории. Так, эмпирия (или говоря иначе, то, что собственно относится к здравому смыслу) служит исходным материалом и гарантом достоверности теории, но этим самым она ограничивается по отношению к ней лишь внешней функцией. Внутреннее же содержание теории – это вовсе не простое обобщение эмпирических фактов, а стройная система логических связей и понятий, относительно самостоятельных по отношению к эмпирии. Теория теплоты, как видим, строилась интуитивно-логическим способом. Определяющей идеей этой теории явилась интуитивно введенная гипотеза о существовании микрочастиц (атомов и молекул), находящихся в состоянии хаотического перемещения. Она требовала абстрактно-логического доказательства. Соответствующее доказательство впервые применяет Максвелл, а Больцман дальше его развивает, используя для этого вероятностно-статистический метод, который впоследствии полностью себя оправдал. Через описание факта броуновского движения, произведенного А. Эйнштейном и М. Смолуховским в 1905 г., эта идея получила также, хотя и косвенное, эмпирическое подтверждение.

Можно с полной уверенностью сказать, что интуитивно-логическое решение проблемы процессуального и субстратного начала в классической термодинамике оказалось успешным, чего нельзя сказать о классической электродинамике. Незаконченность решения этой проблемы в электродинамике позже рикошетом отзовется в ряде других фундаментальных физических теорий: теории относительности (специальной и общей), квантовой механике и квантовой теории поля. Это, в частности, послужило причиной возникновения, как мне представляется, таких весьма сомнительных космологических конструкций, как модель расширяющейся Вселенной и так называемой теории большого взрыва. Именно в отсутствии этого решения и

кроется, на мой взгляд, ответ на вопрос, почему современная физическая наука склонна отходить от здравого смысла, и даже им пренебрегать. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к истокам классической электродинамики и последующими за ней фундаментальными теориями современной физики и космологии.

После того как Фарадеем было открыто явление электромагнитной индукции, встал вопрос о ее математическом описании, а соответственно и о создании теории. Так как при возникновении индуктивного тока отсутствует прямой телесный контакт проводника с магнитом, то надо было либо допустить в соответствии с механикой Ньютона возможность их взаимодействия через пустоту (идея дальнего действия), либо предположить существование отличного от вещества какого-то другого субстрата (идея ближнего действия). Фарадей пошел по второму пути, интуитивно допустив, что магнит с проводником связан тончайшими невидимыми упругими силовыми линиями (нитями), посредством действия которых и возникает электрический ток. Представленный Фарадеем чувственный образ был первым шагом на пути исследования, так сказать, нового вида материи. Однако многие физики и математики того времени отвергли идею ближнего действия как таковую, а чувственный образ, предложенный Фарадеем, расценили как чистую фантазию. Физики отрицали этот образ, потому что он ненагляден, а математики, потому что у него бесконечное число неизвестных величин, не позволяющих его описать в количественных параметрах. Проблему, как известно, разрешил Максвелл, который, как и Фарадей, руководствуясь единственно интуицией, заменил представление о невидимых нитях понятием «электромагнитное поле», образный прототип которого также остается невидимым. Но его преимущество по сравнению с невидимыми нитями заключалось в том, что он позволил Максвеллу математически

описать явление электромагнитной индукции, а самое главное, создать электромагнитную теорию, объединяющую в одно целое три природных явления: электричество, магнетизм и свет. После того, как Герц в 1888 г. посредством эксперимента получил феномен электромагнитной волны, было доказано реальное существование электромагнитного поля и тем самым подтверждена теория электродинамики.

Между тем теория электродинамики Максвелла, состоящая из четырех уравнений, относится к разряду чисто математических теорий, а это значит, что в ней не было дано никакого ответа о субстратной основе (носителе) электромагнитного поля. Если в случае с термодинамикой такая же проблема успешно решилась благодаря удачному использованию Больцманом атомистической гипотезы, то в электродинамике она не решена еще до сих пор. Ориентация ученых на количественный подход первоначально привела к гипотетической идее о существовании неподвижного эфира, выполняющего роль системы отсчета при математическом описании динамики электромагнитной волны.

Неподвижный эфир занял место абсолютного пустого пространства, характерного для классической механики, и его назначение в электродинамике определялось прежде всего тем, что он должен был играть роль субстратной основы (носителя) электромагнитной волны.

Гипотеза о субстрате электромагнитного поля как о неподвижном эфире очень скоро вошла в противоречие с эмпирическими фактами и логикой, и в итоге была опровергнута вначале эмпирически (опыты А. Майкельсона и Э. Морли), а затем и логически теорией относительности А. Эйнштейна. Важнейшее методологическое значение специальной теории относительности для физической науки состоит в том, что она раз и навсегда покончила с пред-

ставлением ученых об электромагнитном поле как неком неподвижном феномене. Но вместе с тем само электромагнитное поле мыслится в ней крайне упрощенно, только как прямолинейное перемещение электромагнитной волны, причем для свободного перемещения в вакууме была однозначно определена ее скорость – постоянная скорость света. В этом отношении специальная теория относительности так же, как и электромагнитная теория Максвелла, является чисто математической теорией с той только разницей, что количественные параметры при описании перемещения тел в пространстве будут теперь рассматриваться не по отношению к абсолютной системе отсчета (неподвижному эфиру), а по отношению к постоянной скорости света. Что же касается проблемы субстрата электромагнитного поля, то она как бы сама собой отпала и можно с полным правом сказать, что, начиная со специальной теории относительности, точное естествознание, фактически, абстрагировалось от этой проблемы и замкнулось исключительно в рамках формального математического анализа.

Вслед за специальной теорией относительности Эйнштейн формулирует общую теорию относительности и в ней уже нет даже намек на проблему существования субстрата как такового. Так, для объяснения всемирного тяготения в общей теории относительности выдвигается идея о существовании так называемого гравитационного поля, под которым понимается четырехмерный пространственно-временной континуум и которое при наличии тяжелых масс¹ приходит в состояние искривленности, вызывающей

¹ К сожалению, в научной литературе понятие массы часто отождествляется с телесностью вещества, что, фактически, не соответствует истинному положению вещей. По Ньютону, масса, это не тело и даже не количественный его параметр, а это всего лишь инерциальный параметр, характеризующий способность тела противостоять воздействию на него внешней силы. Подобное заблуждение приводит, в част-

в нем энергетическую напряженность. Напряженность гравитационного поля – это и есть тот физический фактор, который собственно порождает, по мнению Эйнштейна, силу тяготения. Образуется своеобразная цепочка взаимосвязанных величин: от величины массы тел зависит степень искривленности четырехмерного пространства, вызывающая в свою очередь соответствующую напряженность гравитационного поля, которая в итоге и обуславливает проявление силы тяготения.

С точки зрения функционального (формально-математического) метода, эта цепочка является блестящей научной находкой для описания процесса тяготения. Некоторые качественные моменты этой теории, на наш взгляд, также не вызывают сомнения. Исходя из взглядов Ньютона о том, что тяготение не является существенным свойством вещества², оно безусловно может быть понято только как свойство некоего другого отличного по своей физической природе от вещества, объекта. Такая постановка вопроса не только уместна, но и неизбежна. Можно признать также, что в качестве фактора, вызывающего силу тяготения,

ности, к неверной трактовке известной формулы Эйнштейна $E = mc^2$. Ее почему-то принято интерпретировать как пропорциональное соотношение между энергией и массой как количеством вещества, иногда даже подчеркивают, что якобы эта формула указывает на неразрывную связь между энергией и материей. На самом же деле эта формула констатирует открытый Эйнштейном физический факт: энергия любого тела равна величине его силы инерции, помноженной на постоянную скорость света в квадрате, и энергия, конечно, пропорциональна массе, но только как инерциальной способности вещества.

² Вот что пишет по этому поводу сам Ньютон: «Всеобщее тяготение подтверждается явлениями даже сильнее, нежели непроницаемость тела, для которой по отношению к телам небесным мы не имеем никакого опыта и никакого наблюдения. Однако я отнюдь не утверждаю, что тяготение существенно для тел. Под врожденною силою я разумею единственно только силу инерции». (Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М., 1989. С. 504).

берется напряженность некоего искривленного физического поля, кривизна которого порождается присутствием в нем тел, обладающих массой. Однако взятый сам по себе пространственно-временной континуум является всего лишь геометрическим феноменом, оторванным от какого бы то ни было материального носителя³, и потому его нельзя рассматривать как самостоятельно существующий физический объект. Говоря иначе, в общей теории относительности фактически отсутствует какое-либо представление о материальном начале гравитационного поля, и потому эта теория носит формальный характер. По существу, общая теория относительности вернулась к прежним, свойственным механике Ньютона, представлениям о пространстве и времени с той лишь разницей, что они берутся в едином континууме. Если заменить принцип дальнего действия, характерный для классической механики, принципом ближнего действия, то ее совершенно спокойно можно рассматривать в рамках дорелятивистской физики.

Отрицание субстрата в общей теории относительности сыграло негативную роль для современной космологии, это сказалось прежде всего при решении проблемы построения космологической модели Вселенной. Первый, кто занялся этим вопросом, был сам Эйнштейн. Задачу ее построения он видел в том, чтобы соединить в единое целое обозначенные в общей теории относительности три мировых компонента: гравитационное поле, электромагнитное поле и тела, обладающие массой. По мнению Эйнштейна, гравитационное поле образует главную составляющую, электромагнитное поле – это материал для образования тел, а сами тела – это тот фактор, который создает кривиз-

³ На односторонний геометрический характер общей теории относительности указывают некоторые физики (см., например, Бриллюэн Л. Новый взгляд на теорию относительности. М., 1972).

ну пространства. Так как у него не было никакого представления ни о субстратном начале обоих полей, ни о специфике их процессуальности, то при построении модели он вынужден был руководствоваться исключительно одними формальными требованиями. А это привело к тому, что его модель будет фактически основываться на трех совершенно произвольных допущениях: пространство и время однородны, общая масса вещества постоянна, средняя плотность вещества равномерно распределена в пространстве. В итоге Эйнштейн построил модель, которая представляет собой некий цилиндр с ограниченным трехмерным пространством, имеющим положительную постоянную кривизну, причем радиус кривизны соответствует общей массе вещества. Что касается времени, то оно, образуя четвертое измерение, направлено в бесконечность вдоль длины замкнутого в ширину цилиндра. Конечно, подобную модель в реальности представить фактически невозможно. Но главная трудность возникла не в этом, а в том, как установить равновесие между телами, которые обладают, по признанию всех без исключения физиков, включая самого Эйнштейна, свойством притяжения, но лишены свойства отталкивания. Для решения этой проблемы он вводит еще одно произвольное допущение – так называемую космологическую постоянную (λ), призванную обеспечить равновесие сил притяжения и сил отталкивания. Вообще говоря, факт введения этой постоянной указывает лишь на несостоятельность традиционного взгляда в понимании сути тяготения. Если даже придерживаться только одного здравого смысла, то совершенно очевидно, что сила отталкивания такая же реальность, как и сила притяжения, и потому для ее утверждения не требуется никаких произвольных констант. Но как бы то ни было, в итоге была создана модель, получившая название «стационарная модель Вселенной». В 1923 г. Эйнштейн под влиянием

А.А. Фридмана откажется от своей модели, а несколько позже и от космологической постоянной.

В начале 20-х годов прошлого века наш соотечественник, выдающийся математик А.А. Фридман, отбросив космологическую постоянную, сумел установить функциональную зависимость между двумя параметрами в уравнении общей теории относительности: параметром протяженности трехмерного пространства и параметром длительности одномерного времени. Пространство он стал рассматривать как функцию времени, а само время как независимую переменную. В результате образовалась динамическая модель Вселенной, которая должна либо расширяться, либо сжиматься. Самым главным следствием, вытекающим из этой модели, явилось то, что стабильность Вселенной рассматривается с позиции динамичности, стационарное же состояние может быть только как момент перехода от расширения к сжатию или, наоборот, от сжатия к расширению. При этом динамичность возможна только при наличии вещества, порождающего кривизну и напряженность пространства; при отсутствии вещества динамичность исключается. В то же время Фридман отмечает: «Знание кривизны пространства еще не дает нам непосредственных указаний на его конечность или бесконечность»⁴. Иначе говоря, для динамической модели безразлично, будет ли Вселенная рассматриваться как конечная (т. е. с положительной кривизной пространства) или как бесконечная (с отрицательной кривизной). Кроме того, Фридман высказывает идею об исходных пунктах зарождения динамической Вселенной. Он пишет: «Переменный тип Вселенной представляет большое разнообразие случаев; для этого типа возможны случаи, когда радиус кривизны мира, начиная с некоторого значения, постоянно воз-

⁴ Фридман А.А. Избранные труды. М., 1966. С. 243.

растает с течением времени; возможны далее случаи, когда радиус кривизны меняется периодически: Вселенная сжимается в точку (в ничто), затем снова из точки доводит радиус свой до некоторого значения, далее опять, уменьшая радиус своей кривизны, обращается в точку и так далее»⁵. Эти последние высказывания Фридмана лягут в основу будущей так называемой теории «большого взрыва».

Итак, А.А. Фридман, базируясь на представлениях общей теории относительности, чисто математически решил проблему построения модели Вселенной. Правда, сам он, хорошо осознавая формальный характер этой модели, весьма осторожно к ней относился. Он считал, что она должна быть подтверждена астрономическими фактами, а пока о ней можно говорить только как о математической гипотезе.

Но, как обычно в подобных случаях говорят, было бы желание, а факты всегда найдутся и они, как это, ни странно, якобы нашлись. В начале XX в. американский астроном В. Слайфер в межгалактических туманностях обнаружил эффект красного смещения в видимой части спектра – это когда спектральные линии оказываются смещенными к красному концу. Аналогично смещаются спектры в диапазоне радиоизлучений. В 1929 г. другой американский астроном, Э. Хаббл, занимаясь измерением лучевых скоростей, установил связь между расстоянием и лучевой скоростью во внегалактических туманностях. Он пришел к выводу, что по мере удаления луча от галактики его скорость перемещения пропорционально возрастает. Этот вывод был назван как закон красного смещения, или иначе его называют законом Хаббла ($v = Hr$, где v – лучевая скорость, H – постоянная Хаббла, r – расстояние до галактики). Одновременно с этим ученые продолжали работать

⁵ Там же. С. 317.

над моделью Вселенной. Так, в 1927 г. бельгийский ученый Ж. Леметр, как и Фридман, пришел к заключению о нестационарности Вселенной. Но он, кроме того, получил линейную зависимость между скоростью и расстоянием, аналогично той, которую на два года позже установит Хаббл для лучевых скоростей, но только у Леметра речь идет не о красном смещении, а о разбегании самих галактик. Дело в том, что по представлениям динамической модели, основанных на общей теории относительности, разбегание галактик есть следствие расширения однородного пространства. Галактики, будучи сами по себе неподвижными, удаляются друг от друга благодаря расширению однородного и изотропного пространства.

Таким образом, возникла весьма примечательная ситуация. С одной стороны, налицо эмпирический факт красного смещения, зафиксированный в межгалактических туманностях, а с другой, формальная динамическая модель, из которой следует вывод о расширении Вселенной. На первый взгляд, вроде бы нет никакой проблемы, ибо теория однозначно подтверждена фактом, а факт соответствует теории. Но все дело в том, что, факт напрямую связан не с расширением Вселенной, а с динамикой электромагнитного излучения. Поэтому неизбежно встал вопрос об интерпретации феномена красного смещения. Ясно, что только при понимании красного смещения как следствия расширения Вселенной (что означало бы не что иное, как утверждение известного в физике так называемого эффекта Доплера) можно с уверенностью говорить о доказанности динамической модели, в противном случае эта модель бесперспективна. И тогда, часть ученых без всякого на то основания, попросту говоря, совершенно произвольно взяла да и провозгласила эффект Доплера как единственно возможный способ объяснения феномена красного смещения. Эффект Доплера – это, конечно, ближайшее, и весьма

кстати для динамической модели, основанной на произвольных допущениях об однородности и изотропности пространства и однородности времени, объяснение красного смещения. С некоторых пор такое объяснение для подавляющего большинства ученых стало единственно возможным, что, на мой взгляд, не только не является самоочевидным, но и противоречащим здравому смыслу и логике.

Сторонники динамической модели, стремясь во что бы то ни стало ее отстоять, выдвинули, так сказать, «убийственный» аргумент против всякой альтернативы доплеровскому объяснению красного смещения. Они считают, что все иные объяснения приводят к представлению о различии красного смещения в разных участках спектра. А, наблюдения, по их мнению, показывают, что красное смещение якобы не зависит от частоты различных спектров и что относительное изменение частоты совершенно одинаково для всех частот излучения. Такое изменение частоты, как они считают, характерно только для доплеровского смещения и потому исключает все другие интерпретации красного смещения.

Может быть, для доплеровского смещения это и так, но это далеко не так для красного смещения, ибо данные наблюдений показывают как раз с точностью наоборот. Если красное смещение и на самом деле есть следствие доплеровского эффекта, то согласно формуле $v = Hr$, скорость (v) должна изменяться только относительно расстояния (r), а H (постоянная Хаббла) должна оставаться неизменной, т. е. она и на самом деле должна быть космологической постоянной. Иначе говоря, при одновременном (однородном) времени, а также, находясь в условиях однородного и изотропного пространства, разбегание галактик, галактических систем или квазаров, а соответственно и весь спектр мирового излучения должны изменяться совершенно оди-

наково. В действительности же, как это видно из наблюдений, у разных спектров постоянная Хаббла весьма существенно колеблется, о чем написано даже в школьном учебнике по астрономии: «По современным оценкам значение H заключено в пределах $50 \text{ км}/(\text{с} \cdot \text{Мпк}) \leq H \leq 100 \text{ км} (\text{с} \cdot \text{Мпк})$ »⁶. Доказательством этому может служить также и то, что ученые не могут измерить расстояние до квазаров по той простой причине, что квазары в отличие от звезд или галактик имеют разбросанный диапазон спектров. Этого достаточно, чтобы сказать, что красное смещение не имеет никакого отношения к эффекту Доплера и что, следовательно, это явление совсем другой природы. Кстати, важно отметить, что сам Хаббл не исключал недоплеровское объяснение красного смещения, о чем, в частности, пишут российские физики, впрочем сторонники доплеровского объяснения А.С. Шаров и И.Д. Новиков: «Хаббл и Толмен в 1935 году заявили, что «...оба мы склонны к мнению, что если красное смещение вызвано не удалением, его объяснение, вероятно, содержит некоторые совершенно новые физические причины»»⁷.

В ряде своих работ⁸, опровергая доплеровское объяснение феномена красного смещения, я предлагаю его объяснить с позиции корпускулярно-волнового дуализма, и совершенно убежден, что это единственно возможное объяснение. В наше время всякий сколько-нибудь грамотный человек знает, что космический луч представляет собой не что иное, как перемещение квантов света – фотонов. Очень

⁶ Левитан Е. П. Астрономия. Учебное пособие для 11 классов общеобразовательных учреждений. М., 1994. С. 171.

⁷ Шаров А.С., Новиков И.Д. Человек открывший взрыв Вселенной: жизнь и труд Эдвина Хаббла. М., 1989. С. 91.

⁸ См., например, Арлычев А.Н. Формально-механистическая модель Вселенной: миф и реальность // Философские исследования, № 3-4, 2006. С. 13-42.

многим также известно, что фотон наделен одновременно двумя видами энергии, – кинетической и волновой, – из чего нетрудно заключить, что эти виды энергии, как и любые другие виды, согласно закону сохранения и превращения энергии, способны переходить друг в друга. А потому по мере удаления фотона от любого источника света, в том числе это относится и к космическому излучению, вполне допустимо, что его колебательная энергия теряется, но не исчезает бесследно, а эквивалентно переходит в кинетическую энергию поступательного перемещения. Именно этим объясняется закон Хаббла, согласно которому скорость перемещения луча увеличивается в соответствии с тем, как возрастает его расстояние от источника. Красное смещение, таким образом, есть не что иное, как переход колебательной энергии фотона в его кинетическую энергию.

На мой взгляд, закон Хаббла можно рассматривать как частный случай общего закона, относящегося к динамике материальных объектов субатомного уровня, включая все виды динамики физических полей и все виды динамики элементарных частиц. Специфика динамики субатомных объектов заключается в том, что она во всех без исключения случаях носит корпускулярно-волновой характер, а это значит, что она содержит в себе соответствующее соотношение двух динамик – динамики корпускулы и динамики волны. Это соотношение можно рассматривать как закон, согласно которому кинетическая энергия субатомного объекта находится в обратно пропорциональной зависимости к его колебательной энергии.

Итак, я прихожу к выводу, что феномен красного смещения в космических излучениях не может служить эмпирическим обоснованием динамической модели Вселенной. Однако независимо от того, идет ли речь о динамической модели типа Фридмана – Леметра или о стационарной мо-

дели типа Эйнштейна, главный их недостаток состоит в том, что они являются всего лишь математическими конструкциями, основанными на сугубо формальных принципах общей теории относительности. Преимущество динамической модели по сравнению со стационарной состоит лишь в том, что в ней дано адекватное решение уравнений общей теории относительности. Как видим, такое преимущество носит, опять-таки, чисто формальный характер.

Совсем не так динамическую модель оценила в основном своем составе научная общественность. Несмотря на то, что общая теория относительности до сих пор не является общепризнанной, вызывает сомнение и критику у ряда ученых, тем не менее, динамическая модель после, прямо скажем, сомнительной интерпретации красного смещения и открытого Хабблом закона признается подавляющим большинством ученых как безукоризненная научная истина. На основе этой модели выдвигаются идеи о зарождении Вселенной, по сути дела, из ничего, на что обратил внимание еще сам Фридман. Но если Фридман об этом говорил как о курьезном факте⁹, то другой автор динамической модели, Леметр, будучи протестантским священником, связывал этот факт с божественным актом творения мира. Именно Леметр впервые выдвинул идею о том, что поскольку в настоящее время Вселенная расширяется, то, мысленно переносясь в прошлое, мы должны представить себе уменьшение объема Вселенной и в то же время увеличение ее плотности. Поэтому, по его мнению, к началу расширения вещество Вселенной было сжато в объеме одного сверхплотного проатома. Конечно, леметровский термин «проатом» не прижился в науке, но зато, не изменяя существа дела, в научный обиход вошел другой термин – «сингулярность», под которым понимается состоя-

⁹ См.: Фридман А.А. Указ соч. С. 317.

ние вещества с предельной плотностью ($\rho = 1 \times 10^{96}$ кг/м³). При такой плотности теряет свой обычный смысл пространство и время, а, следовательно, бессмысленно задавать вопрос, сколько длилось сингулярное состояние и что «было до этого». Именно это состояние и было принято как некоторый нуль (ничто), как начало расширения и, соответственно он будет рассматриваться как исходный пункт творения мира, согласно церковным представлениям, или как исходное начало эволюции и истории Вселенной в ракурсе научной интерпретации. Так библейская религиозная догма о божественном творении мира из ничего в XX веке сольется в одно целое с якобы научными воззрениями эволюции Вселенной тоже из ничего. Тут невольно возникает риторический вопрос, о каком вообще здравом смысле после этого может идти речь в современной фундаментальной науке!?

Но на этом история вопроса о возникновении и развитии Вселенной не заканчивается, наоборот, она приобретает в физике и космологии широкий размах. Отталкиваясь от нулевого состояния, ученые стали предлагать различные гипотезы зарождения и эволюции Вселенной пока, наконец, одна из них не получила всеобщего признания. Имеется в виду так называемая гипотеза «большого взрыва», выдвинутая в 1946 г. американским ученым русского происхождения Г.А. Гамовым. Если до него нулевому состоянию Вселенной приписывалось два фундаментальных, причем оба механических, свойства – расширение и предельная плотность, то Гамов добавил к ним еще одно, на этот раз термодинамическое, свойство – предельную температуру (10^{13} градусов по шкале Кельвина). Сингулярность, таким образом, он стал рассматривать как соединение двух свойств – предельной плотности и предельной температуры. Вещество, находящееся в таком нулевом состоянии, неизбежно взрывается (это и есть то, что в на-

ши дни принято называть «большим взрывом») и тем самым порождает расширение, сопровождаемое охлаждением и рождением различных вещественных форм, начиная от элементарных частиц и кончая Метагалактикой.

Из гипотезы Гамова следовал один примечательный факт – она предсказывала в сегодняшней Вселенной существование особого космического фонового микроволнового излучения. Это излучение советский астрофизик И.С. Шкловский назовет реликтовым (остаточным), ибо предполагается, что оно должно было остаться от той эпохи, когда якобы происходил «большой взрыв». Предполагается, что в ходе расширения это излучение остыло, и сегодня должно иметь температуру 1-30 градусов по шкале Кельвина с радиоволной сантиметрового и миллиметрового диапазона. В 1965 г. названное излучение было обнаружено американскими астрофизиками Р. Вильсоном и А. Пензиасом, что в значительной мере способствовало утверждению в науке гипотезы «большого взрыва». Однако, несмотря, казалось бы, на первый взгляд на очевидное эмпирическое подтверждение, гипотеза «большого взрыва» породила много проблем в объяснении эволюции Вселенной, на что обращают внимание даже ее сторонники. Много вопросов вызывает прежде всего первоначальное сингулярное состояние вещества. Во-первых, как отмечает Л.Э. Гуревич, «...сингулярность есть приближенный способ описания кратковременного по космологическим масштабам процесса, кинетику которого мы не знаем»¹⁰. Г.И. Наан по этому вопросу пишет: «Для исследований же состояния вещества при бесконечной плотности (и бесконечной кривизне пространства-времени) пока нет даже надлежащих математических средств»¹¹. Во-вторых, неясно, что послу-

¹⁰ Гуревич Л.Э. О происхождении Метагалактики. Киев, 1976. с. 3.

¹¹ Наан Г.И. Космология // БСЭ. Т. 13. С. 258.

жило причиной расширения, которое началось с большого взрыва? В-третьих, как отмечает Гуревич, существует причинная несвязность Метагалактики от исходного состояния до современного состояния¹². Возникает также проблема космической турбулентности, «...наличие которой необходимо предполагать для объяснения возникновения структурных образований различного масштаба в Метагалактике»¹³. Наблюдаемый астрономами факт космической турбулентности гипотезой большого взрыва фактически исключается. Наан, кроме того, отмечает, что сведение Вселенной, согласно гипотезе большого взрыва, к одной единственной Метагалактике не является обоснованным. Далее он пишет: «Не исключено, что столь же трудно будет объяснить зарядовую асимметрию во Вселенной: в нашем космическом окружении (во всяком случае, в пределах Солнечной системы, а, вероятно, и в пределах всей Галактики) имеет место подавляющее количественное преобладание вещества над антивеществом. Между тем, согласно современным теоретическим представлениям, вещество и антивещество совершенно равноправны. Космология пока не дает достаточно убедительного объяснения такого противоречия»¹⁴. Мне представляется, что эти и другие проблемы, возникшие в связи с гипотезой большого взрыва, вытекают не столько из ее собственного логического несовершенства, сколько из тех концептуальных оснований, на которые она опирается. Это относится непосредственно к динамической модели Вселенной, построенной в свою очередь на формалистических началах общей теории относительности. Что же касается феномена реликтового излучения, предсказанного гипотезой Гамова и

¹² Гуревич Л.Э. Указ. Соч. Там же.

¹³ Там же. С. 4.

¹⁴ Наан Г.И. Указ. Статья. Там же.

подтвержденного данными наблюдений, то, я считаю, для его обоснования вовсе не обязательно ссылаться на так называемый большой взрыв, который якобы возник в момент зарождения Вселенной. Достаточно предположить, что взрывы, способные порождать реликтовое излучение, вполне возможны на начальном этапе эволюционного процесса, но только это относится не к Вселенной как таковой, а к возникновению каких-либо новых галактик или квазаров во Вселенной.

1.2. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ И МИРОВЫХ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Динамичные и по большому счету революционные процессы, протекающие в последние десятилетия в науке, технической, экономической, образовательной деятельности демонстрируют возрастающий интерес к идеям конструктивизма первых десятилетий прошлого века. Актуализации, пересмотру и переоценке творческого наследия конструктивистского движения способствуют успешные и во многом обнадёживающие результаты в исследовании генетики, искусственного интеллекта, в физике элементарных частиц, в вычислительной технике, в информационных, нано-, био-, техно, когнитотехнологиях, создание новых композиционных материалов с заданными свойствами, которых нет в естественной среде нашей планеты. Техническая и технологическая деятельность демонстрирует масштабный рост в освоении самоорганизующихся процессов материи и внедрение механизма самосборки от наноматериалов до космических летательных аппаратов. Не исключением является и сама политическая арена, где жесткие мегатенденции глобализации за короткий по историческим меркам времени срок сметают старые политические режимы и «конструируют» в силовом режиме новый политический мировой порядок на планете. Все эти процессы формируют острую потребность в осмыслении самого объективного «механизма» конструирования и переосмыслении всего теоретического наследия человечества с целью выявления в нем действенного, прагматическо-позитивного и

проективно-конструктивного элемента, необходимого в строительстве новой жизнедеятельности человечества в информационную эпоху [2, 11-14, 20, 32 – 40].

В то же время, как свидетельствовал Эрик Х. Эриксон, современная эпоха демонстрирует невиданный по масштабам кризис идентичности человеческой личности. Практически весь двадцатый век – это экзистенциальный крик одинокой личности, заброшенной в среду нестабильности и хаоса, неопределенности и релятивности социального пространства, охваченного огненными бурями мировых войн. Вместе с отчаянием и упадком духовных сил в этом «крике» концентрировалась и твердая антропологическая решимость найти ту культурную, цивилизационную основу, ту питательную ментальную почву, которая могла бы дать возможность самостоятельным человеческим началам ощутить свое жизнетворящее единство с Целым. Ведь сам масштабный процесс разрушения XX века целостных, традиционных антропологических основ изнутри «включал» в действие оборотный потребностный механизм поиска восстановления этого утраченного единства – процесс формирования «новой» идентичности.

Мировоззренческо-теоретическое оформление конструктивистских идей органично связано с указанными тенденциями. Стараясь вкратце сделать общий набросок идей первого движения конструктивизма как элемента европейской и российской культур, акцентируем внимание на том, что это движение может быть понято только в контексте многообразного вектора мировых трансформационных процессов в человеческой культуре в целом на всех континентах [1]. Внутри этого движения был заложен мощный содержательный заряд свободонаправленной антропологической гуманитаристики, осознавшей в себе историческое призвание: указать необходимость ликвидации дряхлой и консервативной повседневности социального бытия, найти

перспективные пути построения, как нового общества, так и гуманного преобразования облика человека.

В первую очередь в самом культурном движении концептуальные идеи конструктивизма стали формироваться и успешно тематизироваться в таких сферах, как искусство, эстетика, литература, технический дизайн, архитектура. Теоретико-практическая деятельность таких имён, как Ш.Э. Ле Корбюзье, Вальтер Гропиус, В.А. Веснин, И. Леонидов, К.С. Мельников, Вс. Мейерхольд, И.Л. Сельвинский, В.Г. Шухов, И. Г. Эренбург, А.Г. Эйфель формировала новое *индустриальное мировидение*, новые идеи теоретико-методологического подхода к действительности. Промышленная революция XIX столетия дала мощный импульс в формировании базовых идей индустриальной культуры, которая могла сформироваться лишь на *новых идеалах практической ценности и рационалистической целесообразности* результатов человеческой деятельности.

Индустриально-технический рывок стран, вступивших на путь индустриальной модернизации, создал питательную среду, где формировался, *конструировался креативно-позитивный образ техники*, способный преобразовать и освободить человека от консервативного классического мира прошлого. Идеи технического «преобразования» человека, общества буквально пронизывают творческие поиски ученых, инженеров, философов, искусствоведов, архитекторов, писателей, политиков. Позитивная проективность конструктивистских идей становится доминантой интеллектуального творческого движения во всей культуре. «Новаторство конструктивизма, - отмечает И.П. Фарман, - включая его радикализм, было проявлением креативности не только его приверженцев: он впитал многие смыслы и идеи, выдвинутые такими авангардными направлениями начала XX в., как модернизм, кубизм, футуризм и др., credo которых было не отображать и воспроизводить (основ-

ные принципы искусства) а *преобразовать действительность, создавать новое*, стремясь к конечной цели – ни много, ни мало – революционному преобразованию мира и человека» [14, с. 320].

Необходимо отметить и то, что в русле конструктивистских идей оформляется активно-энергетическая парадигма мышления, которая силовые поля деятельности центрировала вокруг человека, превращая его из пассивного, вещно-объектного элемента эволюционного процесса в *существо субъектно-деятельное*, созидательное и стоящее вровень с Демиургом Вселенной. Этот мировоззренческий сдвиг наглядно фиксирует речь, язык конкретной эпохи, времени. К примеру, если «Толковый словарь живого великорусского словаря» В.И. Даля содержит одну словарную статью - «конструкция», то «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова включает в себя уже одиннадцать лексических единиц. Появляется даже особая статья, посвященная конструктивизму как особому направлению в искусстве. И что примечательно, в слове «конструктивный» поясняются два его значения в качестве прилагательных: «Конструктивный замысел», т.е. в смысле: «положительный», «созидательный» и совсем новое политическое значение: «Конструктивный социализм». К сожалению, последнее значение растеряно в политической лексике. Если вспомнить тяжеловесный аналог горбачевских времен «социализм с человеческим лицом», то с грустью понимаешь, что был и «социализм не с человеческим лицом». Окружающий мир всегда раскрывается шире с помощью новых единиц языка и язык не только начинает отражать действительность, но и ее моделировать, творить, конструировать.

Интеллектуальное же сознание XX века пошло именно в этом созидательном векторе гегелевской феноменологии, где мыслящая субстанция в своём напористом дерзнове-

нии стремится полностью поглотить и подчинить себе протяженную субстанцию Р. Декарта. Огненная лава Диалектического Духа Гегеля в когнитивном порыве не знает границ и остановок. Ведь согласно Гегелю «скрытая сущность Вселенной не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания, она должна перед ним открыться, развернуть перед его глазами богатства и глубины своей природы и дать ему наслаждаться ими» [8, с. 82].

Духовно-практическая и духовно-теоретическая деятельности буквально пронизаны проективным мышлением космических масштабов. Парадигмы Человека как Творца, Мастера, Инженера, Конструктора, способных найти и создать *новый материал* в строительстве Нового Мира становятся суперцелью в концептуальных построениях всего русского космизма от Н.Ф. Фёдорова до В.И. Вернадского и В.Ф. Купревича. Набирающая обороты индустриальная эпоха формировала новую почву техносферы, на основе которой прорастали и стимулировались новые ожидания, надежды и образы будущего. Социальные проекты переустройства человеческого общества, включая и конструктивную переделку биологической природы самого человека, широко тиражируются и находят всеобщую поддержку в зарождающейся массовой культуре. Идеи конструктивизма быстро проникают в широкие сферы человеческой деятельности и из высших ярусов культурного творчества спускаются в низовые пласты человеческой жизни. Эта тенденция соответствовала демократическому настрою научного знания того времени. Философия русского космизма, экономико-социалистические проекты, эмпирическое и теоретическое углубление эволюционной теории, открытие радиации, расщепление атома, концепции энергетизма, теория относительности носили экзотерический характер: эти идеи находили широкую поддерж-

ку в общественном сознании, молниеносно переводились с языка науки на массовый язык, активно транслируясь в СМИ, становились неотъемлемыми элементами социальной политики и, разумеется, - научной фантастики.

В результате начинает происходить парадигмальный *макросдвиг* в десакрализации классической картины мира, утверждается *активно-деятельностный, конструирующий* взгляд на действительность. Устойчивые каноны классической картины мира рушатся и начинают уступать место неклассической картине мира, пронизанной идеями относительности, конструктивизма, эволюционизма, нестабильности, активизма. В свою очередь, смена картины мира всегда коррелируется с характером определенной культурной деятельности человека в исторически конкретной социальной реальности. Поэтому она – *социальная реальность* – не выстраивается помимо человека, его целей, задач, потребностей, идей и моделей будущего, а формируется, *конструируется* им самим в соответствии с его же верифицируемыми образами, идеалами, ценностями, духовными доминантами в повседневной жизни и в целом принимаемой картиной мира. Глобальное социальное переустройство мира на всех континентах, включающее в себя геополитические притязания средствами мировых войн, разделение человечества на два противоборствующих лагеря – результат общенаучной картины мира. Картина мира конструируется человеком, но она же и «конструирует», направляет человеческую деятельность в определенное русло реальности [13, с. 93; 25, с. 147-170].

Как отмечалось выше, идеи конструктивизма становятся знаковым элементом эпохи, проникают в различные области человеческого познания и общественной практики, становясь латентным ее элементом. Так в 20-30-е годы в нашей стране в полной мере заработал восстановительный от разрухи народнохозяйственный механизм, идеологиче-

ски насыщенный перспективными планами социалистического строительства, где философской основой выступал не только «воинствующий материализм» В.И. Ленина, но и деятельностная, активная диалектика немецких философов. В это время стали издавать труды И.Г. Фихте и собрание сочинений – наиболее полное на сегодняшний день – Г.В.Ф. Гегеля. Где в редакторских предисловиях и отмечался «идеалистический недостаток» авторов, но зато в полную силу акцентировалась сильная активно-деятельностная сторона диалектической немецкой мысли, столь необходимая советскому народу, вступившего на путь строительства, созидания (читай: конструирования) социалистического общества. Поэтому акцент на *конструирующую*, деятельную силу Трансцендентального Субъекта перевесил все «идеалистические недостатки» немецких философов.

В этой связи необходимо отметить, что диалектический «проект» Гегеля в российском интеллектуальном сознании имел давнюю историю, и в каждом новом поколении искаание глубины его философской рефлексии достигало новой высоты [31, с. 380-383]. Ведь заслугой немецкого диалектического идеализма было не только открытие объективных законов саморазвития всемирного абсолютного духа как субстанциального целого, способного производить все его атрибутивные состояния, но в то же время и открытие глубинной взаимосвязи индивидуальных сознаний, которые имманентно соотносены своими отношениями, а потому нуждаются друг в друге и выступают тем внутренним единством, способным воспроизводить через совокупное «Я» целостную сферу социального «Мы». Весь этот духовный комплекс «Я» и «Мы» диалектическими моментами интегрирован в надындивидуальное и интересубъективное состояние абсолютного духа. В парадигме диалектического единства индивидуальных сознаний «Я» Гегель на-

следовал ту самую перспективную идею нерасторжимого единства сознаний Фихте, в которой он особо актуализирует такой концепт свободы индивидуального самосознания, согласно которому подлинная свобода предполагает свободу для всех. Все индивидуальные самосознания только в качестве «свободных» объективно вовлечены в нравственные, интересубъектные обязанности по отношению друг к другу – взаимно признавать и активно поддерживать свободное сосуществование всех сущих в их правах и обязанностях. Историзм же гегелевской диалектики доводит это признание до объективного условия в движении человеческой культуры, включающей в себя все этапы опыта прошлых поколений. Эта связь многообразия коммуникаций предстает у него в образе священной цепи традиции, в которую включены все ее звенья, все исторические этапы как «свое иное». Любое посягательство, любое «зряшное», «пустое» отрицание какого-либо этапа из этой цепи чревато конкретным отрицанием самого «отрицателя». Развивая это гегелевское положение о философском отрицании, Г. Башляр назвал его таким «отрицанием», которое определяет перестройку знания на основе расширения его связей с внешним миром. Диалектическая связь интересубъективного сознания выступает скрепляющей основой всех моментов единого потока культурной трансляции. Этот жизнетворящий, деятельностный поток абсолютной идеи не только непрерывно закрепляет и транслирует духовный опыт, но и непрерывно, говоря современным языком, идентифицирует индивидуальное сознание со всеобщим, тем самым конструирует состояния будущих этапов креативности абсолютного духа.

В этом ракурсе позиция И. Канта, по идеологическим критериям, не заслуживала внимания, из-за большой доли агностицизма. В свою очередь, английская философская традиция в лице Г.Г. Прайса, У.Т. Стэйса, Л. Вуда, Н.К.

Смита, А.К. Юинга, Р.М. Чизома в 40 – 50-е годы открыла в наследии Канта (через эмпирические идеи Дж. Локка, Дж. Беркли, Д. Юма) сложную природу субъектного, опытного восприятия и стала активно разрабатывать конструктивистскую теорию познания. Ведь с позиции философского наследия Канта, наше познание имеет дело не с независимой от субъекта реальностью, не с вещами в себе, а с теми предметами, которые произведены самим субъектом. Нам можно знать лишь то, предмет чего существует в опыте. Но опыт – это конструкция, это организация субъектом материала чувственности (ощущений) с помощью априорных форм чувственного созерцания и априорных категорий рассудка. Как считает В.А. Лекторский, у Канта «субъектной конструкцией оказываются оба типа опыта: как опыт внешний, относимый индивидуальным субъектом к внешнему миру, так и опыт внутренний, характеризующий индивидуальные переживания» [16, с. 13]. Но в этом соотношении внутреннего опыта к внешнему приоритет принадлежит все-таки второму, так как внутренний лишен существенных черт внешнего и принципиально невозможен без него. С кантовской позиции, это значит, что если речь идет о конкретном индивидуальном сознании, то мы обязательно должны соотносить его с теми процессами, которые осуществляются внешними ему материальными объектами. Сознание самого себя, «внутреннее чувство», должно быть опосредовано сознанием внешних объектов, реальных материальных предметов. Это первое кантовское положение дополняется его второй мыслью, которая заключается в следующем. Для того чтобы конструирование познаваемой реальности было возможно, должен иметься *материал для конструирования* и тот, кто осуществляет этот процесс, т.е. *субъект конструирования*. Материал не может даваться миром объектов опыта, так как, хотя они и выступают как реальные для индивидуального сознания, в

действительности они являются конструкциями [См.: 14. с. 42-63].

Креативным этапом в понимании диалектической и конструирующей связи «Я» и «Мы» явилось появление на российской культурной почве в 20-х годах прошлого столетия концепции *диалогизма* М.М. Бахтина. Концепт «Я-Другой» предстал в статусе гносеологической и онтологической необходимости в понимании ядра социальной реальности и альтернативы к теоретическому осмыслению проблемной природы идентичности. Справедливости ради следует отметить и то, что концепция диалогизма во многом обязана диалектике Гегеля, но сама концепция Бахтина на многие годы опередила появление «Другого» Э. Левинаса и создала тот теоретический инструментарий в понимании объективных диалогических процессов социального мира человека [18].

Следующим поворотным моментом в расширении сферы понимания конструирующей роли сознания явилась феноменологическая концепция Э. Гуссерля. Рефлексивная деятельность сознания выступила той операциональной основой в конституировании идеальных предметностей, которая в каждом акте сознания созидает и творит каждый раз новую *смысловую реальность*. Как отмечает Н.М. Смирнова, Гуссерль, находясь в топике развития гегелевской идеи активности сознания, место Абсолютного духа у него теперь «занимает трансцендентальное сознание, а место объективного мира – предметный мир, коррелятивный трансцендентальному субъекту» [14, с. 150]. Жесткая оппозиция субъекта и объекта значительно уступила позиции мягкой их взаимообусловленности, в которой они предстают в качестве когнитивной целостности, способной непрерывно трансформировать друг друга, обогащать себя в каждом новом акте осмысления. Сознание *интенционально*, поэтому оно потенциально «заряжено»

ценностными свойствами предметного мира. Сознание «включено» в предметный мир – оно всегда в нем в качестве неотъемлемого момента присутствия человека в нем, поэтому этот мир и есть всегда «жизненный мир».

Понимание, анализ и интерпретация сложного, противоречивого процесса взаимодействия внешнего и внутреннего факторов, участвующих в процессе познавательного отношения человека к миру, приведет к оформлению различных течений, как внутри философии конструктивизма, так и к появлению новых течений внутри традиционных видов знания: психологии, социологии, антропологии, архитектуры, экономики, валеологии, машиностроения, теории сплавов и мн. других [2, 4, 6, 10, 12, 14, 15, 18, 19, 26, 37-40].

В гуманитаристике идейное пространство парадигмы конструктивизма принято делить на три направления [24]: конструктивизм в узком значении, радикальный конструктивизм и социальный конструктивизм. Все эти направления развивались относительно самостоятельно друг от друга, опираясь на различные принципы и традиции.

Конструктивизм в узком значении. К этому направлению современные исследователи относят: генетическую эпистемологию Ж. Пиаже, личностный конструктивизм Дж. Келли, теорию категоризации Дж. Брунера, феноменологическую социологию знания П. Бергера и Т. Лукмана, теорию социальных систем Н. Лумана, культурно-историческую психологию Л.С. Выготского. В качестве базовой идеи выступает положение о познании не как об отражении и репрезентации, но как об активном построении в сознании субъекта образа познавательных предметов и событий. «Сами естественные события не ставят в зависимость от себя наши истолкования этих событий; мы можем смотреть на них так, как нам заблагорассудится, – поясняет Дж. Келли позицию конструктивизма. – Разумеется,

если мы хотим точно предсказывать естественные события, нам нужно создать некую конструкцию, которая будет отвечать этой цели. Однако события не приходят к нам и не говорят, что и как надо делать, - они просто идут своим чередом. Если что-то и управляет нашими мыслями и действиями, так это созданная нами структура» [12, с. 32]. Центральным понятием этого направления выступает понятие «конструкт», который понимается как способ истолкования мира, классификационно-оценочный шаблон, созданный для предсказания событий и через который он воспринимает мир и обеспечивает субъекту контакт знания с реальностью [28]. В качестве конструкта часто выступают индивидуальные биполярные значения: «добрый - злой», «надёжный - безнадёжный», «красивый – безобразный» и т.п.

Радикальный конструктивизм обычно представляют следующими наиболее известными именами такими, как Э. фон Глазерсфельд, Х. фон Фёрстер, У. Матурана, Ф. Варела, Г. Рот. Это направление представлено эпистемологической позицией, основанной на идеях конструирования воспринимаемого мира живой системой, информационной замкнутости и самореферентности когнитивных систем, принципе пригодности и жизнеспособности знания, неотделимости наблюдателя от наблюдаемого, идее автопоэза – способности живых систем к автономному поддержанию целостности. Центральной идеей радикального конструктивизма выступает аксиома о том, что наше знание представляет собой не картину объективной действительности, а способ организации и согласования собственного опыта в процессе жизнедеятельности. «Пригодность», «жизнеспособность» – понятия, которые начинают конкурировать и заменять фундаментальное понятие «истина», которое, как считается, начинает терять своё назначение и становится излишним в эпистемологических конструкциях. Понятие

«истина» можно безболезненно элиминировать из концептуального аппарата теории, сохранив при этом её рабочую функциональность [20].

Социальный конструктивизм представлен работами К. Гергена, Р. Харре, Дж. Поттера, Г. Херманса, Дж. Брунера, Дж. Раскина, где проводится основная идея о том, что мы конструируем мир не индивидуально в своем сознании, а совместно, коллективно – в беседах, соглашениях, обсуждениях, социальных практиках. Они активно оппонировать позиции представителей других направлений конструктивизма за их излишнее акцентирование индивидуалистических позиций познающего субъекта и абсолютизацию роли индивидуальных конструкторов в построении образа мира. Главными понятиями для социального конструктивизма выступают понятия сообщества, общения, творчества, социальных конвенций, языка, дискурса, диалога, нарратива, социальных практик. Поэтому с их точки зрения, все, что мы считаем ценным, красивым, реальным, правильным, нравственным, конструируется посредством языка в отношении с другими людьми. Различные конструкции мира, которые нашли опредмеченность в социальных практиках, прямо вытекали из ранее существующих внутригрупповых соглашений (этнических, профессиональных, научных, религиозных, партийных). Некоторые идеи социального конструирования поддержаны отечественными психологами, социологами, антропологами, эпистемологами. Так, к примеру, Л.С. Выготского считают одним из основателей этого направления и его идеи о том, что интрапсихическое производно от интерпсихического, что высшие психические функции человека есть те же социальные отношения, отношения между людьми, перенесенные внутрь человека. Социальные антропологи, социологи Дж. Келли, Г. Мид, А. Шюц используют его идеи о знаковой, символической опосредованности (восприятия, запоминания), употребле-

ния знака как решающего фактора в развитии сознания человека, зависимости осознания субъектом мира от сложности организации языковых значений, которыми он оперирует в процессе деятельности. Идея об активной роли метафоры в познании и изменении мира, многие положения теории Л.С. Выготского нашли продолжение в работах А.Н. Леонтьева, П.И. Зинченко, А.А. Смирнова, Э.В. Ильенкова, где теория деятельности получила широкую разработку и подтверждение в педагогическом процессе о зависимости восприятия, мышления, эмоций от действий и деятельности субъекта. Эти идеи перекликаются и используются представителями социального конструктивизма: в частности с идеей о познании как образе действия, как о результате целенаправленной деятельности субъекта, об оперировании как свойстве любой когнитивной сущности. Идеи А.Н. Леонтьева активно развивают А.Г. Асмолов, В.В. Знаков, В.Ф. Петренко, В.А. Лекторский, В.С. Стёпин и многие другие [2, 15, 19, 24, 25]. Его концепты «образа мира», «значения» прочно вошли в конструктивистский дискурс. К примеру, в теории «значения», понимаемого как исторически сложившуюся форму фиксации общественного опыта доказывалось, что через нее человек воспринимает мир и преломляет мир в сознании человека. Им отмечалось, что через овладение значением человек усваивает некоторую систему идей, идеологическое содержание своего времени, эпохи. Следовательно, индивидуальное «Я» во всех своих ипостасях может быть адекватно понято как существующее исключительно общественно-коммуникативное, *деятельное*, как продукт и одновременно условие *социально-культурного конструирования*.

Суммируя направления конструктивизма можно отметить некоторые общие позиции, общие точки пересечения различных взглядов на природу познания в конструктивизме. *Во-первых*, знание – это всегда построение и вы-

страивание позиций, аргументов, теорий. Мы участвуем в «построении перцептивного образа», «картины мира», «структуры доказательств» и т.д. Мы особым образом классифицируем, структурируем объекты знания, исходя из специфики нашего организма, наших действий, языка. В этом выстраивании мы используем метафоры, присущие только нам, нашей культуре. Следующая особенность состоит в том, что мы создаем специфические конвенциональные социальные реальности, которые управляют нами и на которых стоят все наши институты общественной жизни – брак, семья, образование, порядок. Поэтому нет знания вообще, а есть знание исторически обусловленное; есть знание контекстуально верифицируемое, но нет знания универсально валидного.

Во-вторых, истина всегда множественна, альтернативна, контекстуальна, ситуативна и культурно-исторически локальна. Данная позиция означает то, что не существует универсальных истин вне отношения позиции наблюдателя, конвенции. Парадигма конструктивизма основывается на том, что наблюдатель не отделим от объекта наблюдения, природа значения, смысла относительна, а феномены контекстуальны.

В-третьих, практически все представители конструктивизма сходятся в том, что основной критерий знания состоит в его пригодности, полезности, жизнеспособности. Но знание не может быть пригодно для всего. Для этого вводится понятие «зона пригодности» знания – т. е. конкретное пространство мира, где данный конструкт или теория обеспечивает зону полезного действия. Познание в этом случае направлено не на поиск абсолютного соответствия с онтологической действительностью, но лишь стремится найти подходящий, пригодный образ действия для познающего субъекта. Так К. Дж. Джерджен соотносит эту позицию с неопрагматизмом конструктивизма, когда, к

примеру, «описания личности принимаются не потому, что они истинны, а потому как осмысленные интерпретации предполагают нужные варианты деятельности» [35, с.59]. В этой позиции акцентируется и определенный момент выигрыша как способа получения результата познания. В процессе достижения результата познания мы должны научиться преследовать основную цель - *выигрыш* и рассматривать эту цель как альтернативу *потери*. «Выигрыш» как понятие в конструктивизме выполняет большую когнитивно-практическую ценность и является синонимом «*польза*», что сближает его когнитивные стратегии с прагматизмом. Следующая особенность заключена в наличии *вариативности* в достижении цели, как объективного условия при выборе когнитивного «материала» при строительстве знания и при выборе надежных «*средств*» конструирования, так и в достижении «*цели*» конструирования и получения нужного и *выгодного* «*результата*» познания. По большому счету *вариативность* и *прогностический элемент*, как и *результативно-практический*, в конструктивизме играют большую ценностную функцию, пронизывающую собой эпистемологический и социальный векторы субъектов деятельности. Наличие всех этих компонентов познания фиксирует наличие развитых рыночных отношений в общественной системе и социально-демократическую атмосферу формирования конструктивистского мировоззрения.

По существу идеи социального конструктивизма направлены на осознание существования общества как *рефлектирующей системы* и попытками понять их как системы, не замкнутые на себя, а открытые миру – *динамические системы*. В этих системах *психика, тело познающего существа* и окружающий *реальный мир* – это *три аспекта определенной единой деятельности*. В этой деятельности граница между «внешним» и «внутренним» снимается.

Наше познание изначально включено в познаваемую реальность. Реальность же существует объективно, а не является только лишь нашей конструкцией. Но вместе с тем, наше познание «берет» из этой реальности именно то, что соотносимо с нашей, конкретно-исторической деятельностью, с присущими ей словами, понятиями, идеями, образами, лозунгами, мифами, а не с деятельностью вообще, абстрактно-всеобщей – вне меня и окружающей меня группы людей находящейся. Мы не можем «взять» из реальности то, что не включено в наши цели, задачи, потребности, заботы, язык, смысла нашего бытия. *Эта реальность – наша, человеческая, принадлежащая нам и только нам и сконструированная нашей человеческой, культурной деятельностью.* Но в то же время наше сознание «вплетено» в сеть объективного мира по-особому: оно способно дистанцироваться от этой «вплетенности» и представлять себя и мир как самосущие, обладающие своим детерминационным объективным механизмом активности. Представители социального конструктивизма не ставят задачу сделать акцент на степень валидности этих двух направлений объективации: замкнутые только на материально-вещные процессы, включая общественные, или – только на личностно-деятельностную, замкнутую на «Я», но стремятся рассмотреть тонкие, ментальные процессы взаимосвязи этих детерминаций. Этот акцент особенно приобретает актуализированную окраску, когда мы приступаем к анализу именно открытых, нелинейных, динамично-рефлексивных систем как социальные системы, и особенно когда они находятся в стадии нестабильного, проблемно-поискового состояния.

Так, к примеру, весьма репрезентативным выглядел академический дискуссионный процесс между примордиалистами в этнологии: Ю.В. Бромлеем и Л.Н. Гумилевым в 80-х годах прошлого столетия. Разность их концептуальных

позиций заключалась в анализе природы этноса. Если позиция Бромлея базировалась на культурно-исторической трактовке этноса, связанная общностью территории, языка и культуры, то позиция Гумилева исходила из географических, биологических характеристик этноса. Разность позиций объединяло единство эссенциальной трактовки этноса, как объективно существующего организма. Этносы в этом подходе выступали в качестве объективно-исторических или биосоциальных целостностей и мыслились по аналогии с живыми существами, развивающиеся по органицистской логике: рождение, стадия формирования, расцвет и упадок. Позиция объективизма подкупала своей простотой, объективностью и «железной» логикой. Эта «логика» быстро была подхвачена новым политическим истеблишментом и ловкими, красноречивыми СМИ для трансляции широкому населению СССР. В среде интеллектуальных элит заговорили о «пассионарности», о роковой предопределенности этносов, о национальном вопросе и т.д. Академические диспутанты, не зависимо от их воли и желаний, стали превращаться в объекты массмедиа, а потом и в консультантов политиков. Так академический дискурс стал элементом жесткой политики: *метафора распада этноса*, империи превратилась в реальность распада СССР и привела к кровавой бойне на территории страны, нежизнеспособность которой была заранее не предопределена никакими жесткими детерминационными процессами. Территориально административное управление страной, основанное на этнической составляющей при сильной централизованной системе управления не давало сбой, но, перестраиваясь в демократическое русло управления, не происходило системных реорганизаций в самой этнической конструкции управления. Этой «ахиллесовой пятой» быстро воспользовались «деконструкторы» перестройки, наполнив свои действия идеями «объективного распада» обреченных пас-

сионариев. Слабая структурная «сцепка» управления идеологически ослаблялась и новыми нарратологами перестройки, издававшими в то время новую череду «жертвенных историй» в национальных республиках СССР, в восточной Европе, тем самым конструировалась биполярная история «зла» и «добра». В этот процесс сознательного и стихийного «конструирования» образа врага втянулась вся государственная машина Запада, включая практически все ее социальные институты. Заметим, что всякое новое столетие наследует традиции, психологию и идеологию предыдущего. XX век – это наследник колониальной геополитики XIX века, и его идеологемы живо распространяются в географическом пространстве страны, вставшей на путь перестройки. За новое, конструктивно живое, преобразенное нужно всегда, не прекращая, бороться всеми сферами социального целого: от простейших элементов быта, производства до сложных абстрактно организованных теорий духовной деятельности. Но память традиции, напротив, хранит устойчивое чувство конфронтационной оппозиции, которое всегда живо в политическом дискурсе Запада: столетиями закреплялась географическая имажинация на Запад и Восток, воспроизводя ментально-идеологические карты существующих оппозиций [23]*. Так постепенно под звуки разоружения Рейгана - Горбачева конструировалось и новая социальная реальность – «новое средневековье» с русофобствующими поисками новых ведм, ссылками на магические цифры Нострадамуса и других ясновидцев, извлекавших из толщи веков необходимость распада СССР. Жажда падения обреченного «животного» стала навязчивой идеей политической элиты. Общественное сознание заворожено слушало речи новых «пророков», не находя поддержки своим сомнениям от официальных, государственных кругов и по старинке надеялось на власть, и думало, что «все само собой образуется». Власть же в лице

«основателя нового мышления» в ответ посылало смутные, невнятные установочные фразы о необходимости расширения «перестройки». В то же время уже в полную силу реконструкции, осмеянию и широкому сарказму подвергались практически все сферы общественной жизни советского строя.

В действие начинал вступать тот самый *карнавал*, который по талантливой мысли М.М. Бахтина, начинает релятивизировать все устойчивые, внешние, сложившиеся моральные устои, верования, а крепкие формы общественного бытия, узы единства превращает в «гнилые веревки». Эта дикая *карнавализация* обнажает вовсе не светлый логосный лик человеческой природы, а вскрывает глубинные темные и в эволюционном процессе незавершенные, амбивалентные пласты его животного вектора. В этой карнавализации «не только люди и их поступки, но и идеи вырвались из своих замкнутых иерархических гнезд и стали сталкиваться в фамиллярном контакте «абсолютного» (то есть ничем не ограниченного диалога) [3, с. 194, 195]. В этом случае требуется лишь небольшой «укол», тот самый, который, по мнению Г. Хакена, приводит к резкому повороту всей системы и на который вначале, как правило, не обращают внимание карнавализирующиеся субъекты. Заметим, что сам М.М. Бахтин, зная трагичность и амбивалентность жизни изнутри, по всей видимости, не ставил цели романтизировать и универсализировать характер реальной карнавализации в социальной жизни. Карнавализация предстает у него в качестве аналитического средства, позволившего ему вскрыть полифонизм художественного творчества Ф.М. Достоевского. Ведь одно дело заключается в художественном приеме, способного вскрыть глубинную полифоническую природу диалога героев, обнажить скрытый «нерв» их поступков. И совсем другое дело заключено в самой реальной *карнавализации* общественного

бытия, которая зачастую протекает в абсолютном монологовом режиме, вскрывая, не сущностные глубинные живые смыслы диалога действующих исторических субъектов, а лишь – их искусственные эпифеномены, зачастую хорошо отрежиссированные Другим. В этом случае карнавализация, из глубин жизни идущая, превращается в нечто иное, как социальную *конструируемую клоунату*, но с трагическими последствиями для большинства участников и свидетелей этого реального процесса.

Возвращаясь к теме влияния теории на жизнь, отметим, что сам характер влияния теорий, научных дискурсов не носит однонаправленное влияние: от теории к лозунгам и массовым действиям. На самом деле существует и влияние встречного процесса: от массы к авторам научных теорий. Обыденное сознание и действие начинает мобилизовать на свою сторону ученых, политиков с целью создания *нужной теории*, которая могла бы сконструировать безупречную, правдивую охранительную зону их действий, границы которой можно и наделить даже сакральным знаком. В итоге авторами (субъектами социального действия) конструирования новой реальности оказываются все: от ученых, политиков до низших слоев социальной мобильности, включая и харизматического лидера и маргинала, не способного назвать даже тот политический режим, в котором ему приходится осуществлять свое жалкое существование.

Социальный конструктивизм исходит из того, что существующие на основе историко-культурных различий *общности* представляют собой социальные конструкции, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов. Особенность этих общностей, или социально *конструируемых коалиций*, составляют разделяемое индивидуумами представление о принадлежности к общности, или идентичность, а также возникающая на основе этой

общей идентичности *солидарность*. Это положение разработано школой Фр. Барта и активно поддерживалось в отечественной антропологии В.А. Тишковым [26].

Во-вторых, авторы исходят из того, что *границы общностей*, которые избраны на основе культурных характеристик, и *содержание* самой идентичности являются *подвижными* и изменяющимися понятиями не только в историческом, но и в ситуативном планах, что делает существование этнической общности *реальностью отношений*, а (и это важно) не реальностью набора объективных признаков. Излишняя детализация и идеологически невыверенное акцентирование архаических этнических признаков в эпоху распада СССР и трансформационных процессов в период становления новой России привела к волне националистических протестных выступлений, к тенденциям националистического изоляционизма и появлению даже нового этноса – аллюторцы. Этнический «казус» новоизобретения явился на самом деле оборотным результатом отстаиваемых эссенциалистами объективных качеств этноса. Критикуя конструктивизм за субъективность, они выступили в роли этнических конструкторов, «разогревая» этническое воображение новоявленных политиков. Так придерживаясь «демократических» рекомендаций советских стандартов в этнополитике, китайские власти, проводя перепись населения, получили почти 400 «этносов», дальнейшее уточнение зафиксировало не более 55 народов, а последующие коррективы дали еще меньше [См.:26, с. 15-16].

Следующее положение заключается в том, что основанная на индивидуальном выборе и сконструируемая солидарность социально-культурных коалиций определяется их *целями* и стратегиями, среди которых важное значение играет *организация ответов* на внешние вызовы через *солидарность*, общий контроль над ресурсами и политическими институтами, а также обеспечение социального

комфорта для людей, осуществляющих и поддерживающих социальные нормы жизни. В этой связи, как пишет В.А. Тишков, этнические группы как общность «*определяются на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях*, - далее добавляет он то, что, - «*признаком этнической общности является не «общее происхождение», а представление или миф об общей исторической судьбе членов этой общности*» [26. Там же.].

Сложный идентификационный процесс, особенно в информационную эпоху, зачастую зависит от рынка культурных маркеров в формировании этнически целого, от таксономических конструкций ученых специалистов, от господствующих на данное время теорий и политической линии государственной власти. Поэтому *этническая идентичность* не есть абсолютная постоянная в культурной специфике, но в то же время она и не есть абсолютная переменная, релятивная в динамике исторической жизни. *Этническая идентичность – это практически всегда борьба за дефиницию, за миф, символ, которые очерчивают и сохраняют границы идентификации.* В этой борьбе не малую роль играют и субъекты государственной власти, а, следовательно, и несут историческую ответственность за идентификационный процесс своего народа, гомогенного или гетерогенного по составу.

Разделяя озабоченность зарубежных и отечественных социальных антропологов, считающих, что тезис о многонациональности в рамках того или иного государства это признак гуманности и этнической толерантности и продуманная политика по развитию полиэтничности всегда дает положительные результаты в комфортном бытии социума. Не снимает вопросов и озабоченности тезис о *поликультурной* политике государства. За политикой культурного многообразия часто скрывается консервативный, академи-

ческий налет исследовательской мысли прошлых лет, ещё до постиндустриальных эпох. Тезис о культурном разнообразии, напротив, расслабляет исследовательскую мысль и ответственность политиков. В то время как этот тезис говорит об опасной трагической нестабильности социума, готового в любое время сорваться в пропасть культурно-исторического распада.

С точки же зрения социального конструктивизма тезис о культурном разнообразии зовет к непрерывной, ни на минуту не прекращающейся *деятельностной борьбе* всех участников *социальной коммуникации* за ответственное *конструирование стабильной жизни* в каждом фрагменте культурного разнообразия. Равноправие культурного многообразия содержит в себе не только гуманизм глобального масштаба, но и таит в себе «мину» распада, расщепления и как результат – агрессии меньшинств. Как показала практика последних лет, в Европе, в Америке, в России, Китае и Индии, реликтовые, локальные, культуры этнических меньшинств конструируются. Они конструируются нередко недалёковидной академической мыслью и безответственными политиками, СМИ (по наивности считая, что слово не обладает энергетической, материальной силой) с лёгкостью разбрасываются словами, идеями, символами и, тем самым конструируют, творят новые конфликты, теракты, этнические напряжения.

Концепция социального конструирования реальности, напротив, *общественную жизнь рассматривает как результат действий, языка, образов, понятий, целей, ожиданий, предпочтений, символов, мифов* всех субъектов *социальной коммуникации* и потому нагружает общение между ними глубинными, экзистенциальными, исторически значимыми ответственными поступками. В общественное бытие активно вторгается *идеальное, понятийное, знаковое* и *начинает его структурировать, формообразовывать*[2,

7, 9, 19]. Культура человечества широко иллюстрирует это положение конструктивизма, когда ученый может выступать одновременно и в роли эксперта мира, так и его драматургом. И. Ньютон явился творцом «своего» механического Универсума, как и А.Эйнштейн «создателем» опять же «своей» Вселенной, пронизанный релятивным космологическим континуумом. Французский режиссер Жан Ренуар заметил, что после картин своего отца улицы французских городов наполнились лучезарными лицами героев его полотен [19, с. 118]. З. Фрейд вывел из «подполья» человека, зажатого комплексами «Оно», и социум наполнился потенциальными клиентами для психоаналитиков. Ч. Дарвин, открывая объективный механизм саморазвивающихся видов в биологическом мире, сделал обезьяну героем предчеловеческой истории, и в ней увидели главного предка человека. Продолжая данную иллюстрацию, с полным основанием можно сказать и то, что именно социалистические идеи О. Конта, а конкретнее, - идеи о пролетарской революции К. Маркса, В.И. Ленина вывели на историческую арену образ пролетария, о котором Н.А. Бердяев сказал как о «новом антропологическом типе», который вдруг возник, изменив выражение лица русского человека и заполнил собой новое пространство русской истории [30, 5, с. 278 - 279]. Публицистическая же дискуссия о судьбах России в начале двадцатого столетия между либералом В.А. Маклаковым и националистом, монархистом В.В. Шульгиным продуцировала целую плеяду амбивалентных «социальных деятелей», которые по настоящее время образуют непримиримые политические движения единого российского бытия.

Таким образом, коммуникативная повседневная деятельность людей, оперирующая обыденным сознанием, бессознательно испытывает на себе влияние образов, понятий, символической рефлексии теоретического сознания,

теоретических конструктов, - это с одной стороны, а с другой стороны, - обыденное сознание, органично включенное в социальные процессы, само «создает», не ведая того, в своей повседневности свои мыслительные, чувственно-образные, языковые конструкты. «Человек биологически предопределен к конструированию мира, в котором он живет с другими» [4, с. 295]. Это положение включает в себе два необходимых вывода. *Первое*: повседневные конструкты тотальны в социальном мире и первичны по отношению к «конструктам» теоретической деятельности, которые, в свою очередь, должны учитывать их действие. *Второе*: если одни повседневные «конструкты» начинают доминировать над другими, то они и начинают определять основной вектор движения и создавать детерминационную основу общественного процесса. Если же ни один из «конструктов» не доминирует над другими, то создается определенное социальное равенство социальных потенциалов, что в конечном итоге может создавать не устойчивый динамизм, а ситуацию «общественной неопределенности», которая, в свою очередь, усиливает потенциал нелинейности движения и увеличивает возможность влияния на общественную систему случайных, хаотических факторов. Актуализация этих моментов в движении социальной системы может привести к ее бифуркации и далее – объективного процесса слома системы или - необходимости выхода из состояния нестабильности с привлечением в действие всеохватного идентификационного процесса со стороны личностных, субъектных сил, охваченных и несущих в своей деятельности обновленные смыслы и ценности.

Процесс идентичности всегда сопровождает процесс непрерывного конструирования личностью принимаемых, понимаемых и предпочитаемых ею основополагающих *ценностей жизни*. Этот процесс потенциально содержит в себе *два вектора: сохранение, сбережение, охранение*

прежней, традиционной идентичности и одновременно поиск нового, *тяга к обновлению* и преобразению мира повседневности, трансцендентальный порыв к будущему. Все два вектора скрепляет из глубин веков идущая воля к сакральному, тянется невидимая связующая нить личностного с этническим, с регионально-географическим и цивилизационно-отечески-родным (т.е. Родиной, Отечеством) одновременно. *Этот скреп и есть идеал Целого - Абсолют*, без которого, по мнению Л.П. Карсавина, русский человек может явить «образец неслыханного скотоподобия». Двадцатилетний период после СССР (даже по историческим меркам срок немалый) явил не образец модернизационного рывка народнохозяйственного комплекса страны, а этот постыдный образец «скотоподобия» от верхних эшелонов власти до самых низших: от прилюдного оправления «малой нужды» «первого президента РФ», публичных драк в парламенте до выбрасывания детьми своих престарелых родителей на улицы, лишения их элементарных жизненных условий. Скотоподобная фантазмагория из приватной жизни, повседневного быта демонстративно мигрировала на экраны ТВ, каналы с упоением, смакованием транслируют образцы «чернухи», тем самым конструируют свою «демократическую» идентичность, как бы внушая: «видите, мы ничем не отличаемся от обезьян и свиней»! Все это лишь свидетельствует о социальной трагедии «новой российской цивилизации», о потере ею того *культурного кода, аксиологического ядра* духовной традиции русского социума, без которого рвется связь с традицией и меркнет перспектива будущего.

Практически все эти годы, даже начиная с горбачевской перестройки, идет тотальная критика и карикатуризация прежнего советского режима. Заметим, что идет критика того «режима», субъекты которого не стали строить гигантские личные особняки, переводить миллиардные ва-

лютные средства за рубеж, а собрали их и пустили их в дело созидания. НЭП, план ГОЭЛРО стали тем объединительным российским Мегапроектом, который креативно мобилизовал трудоспособное население и сплотил нарастающую гетерогенизацию нашего общества в единое целестремительное и организованное Целое. Именно Общее Дело из неминуемого распада России на самостоятельные регионы дало основу сознательного «конструирования» нового Отечества – СССР, и большинство населения активно включилось в новую идентичность. Всего четыре года этого Общего Дела вывело страну из экономической разрухи и тотальной нищеты и дало бесплатное образование и медицинское обеспечение, подъем производства, «золотой червонец» как средство международной торговли. Сегодня таких Мегапроектов нет – есть лишь ежегодные послания Президента, публичные демонстрации, возглавляемые оппозиционными лидерами и, что парадоксально, - самой властью, которая до слез радуется, что она «победила». Вдумаемся над этим прямым дистанцированием от «других». Можно ли после этого говорить о «всемирно избранном», который способен идентифицировать себя со всем (именно со всем) народом и всей страной? Разумеется, речь не идет о той аморфной гомогенности социальной псевдоструктуры, потерявшей свой цивилизационный, исторический лик. Ведь величина национального, исторического героя заключается не в том, на какую возвышенность (броневик или танк) взобрался лидер, чтобы бросить в гущу собравшихся вокруг него соотечественников свои политические тезисы. Пожалуй, величина лидера в том и состоит, что он в лихую годину, когда центробежные потоки мутных вод готовы смыть, разрушить основы социальной почвы, смог сконцентрировать вокруг себя такую жизненную энергию, понимание и волю, которая способна была бы конвергировать эти потоки в новое жизнестреми-

тельное трансформационное русло, объединяющим в себе все воды, все ее этапы исторически былой цивилизационной реки. Формирование, конструирование в себе чувства политической, этнической, цивилизационной элитности есть непрерывный процесс взращивания, воспитания в себе *исторического чувства благодарной памяти, интуиции принимающего понимания необходимости всех социальных этапов* как своей расширенной биографии. Этот подход не может быть кроме целостного, непрерывного и целенаправленного, скрепленный выверенной по созидательной энергии *исторической памятью*, в которой исторические события предстают в качестве социальных скрепов и мобилизаторов духовных ресурсов общества.

Разумеется, лично я далек от мысли, что это единственное условие и единственное препятствие в полноценной идентификации современного российского человека. К большому сожалению, таких препятствий и подлинных идеологических заторов множество. Среди них особое место занимает «оскорбленное историческое самосознание», воспитанное на формационном превосходстве над капиталистическим бытием, которое, как воспитывала идеология и практика действительных социальных достижений осталось позади, что во многом соответствовало статистическим данным. Этому самосознанию практически «мгновенно был нанесен удар»: системное обрушение динамики развития во всех сферах жизни, государственный развал Державы, необратимое сползание страны на уровень «третьих» стран, нищета основной трудоспособной массы населения, бегство и прямое предательство политическим и элитами национальных ресурсов международному глобализму [6]. Все это в конечном итоге затрудняет процесс идентификации населения страны с новым политическим режимом, его экономическим курсом и, в свою очередь, обуславливает необходимость широкомасштабной, под-

линно народной (и во имя народного благополучия) трансформации социальной жизни и свободной идентификации «россиян» с теперешней Россией.

В заключении хотелось бы еще раз акцентировать внимание на той важной тенденции в общественной мысли последних лет, которая демонстрирует возрождающее внимание исследователей, управленческих структур, экономистов, политиков к активно-практическому потенциалу конструктивизма. Поворот к конструктивизму как индикатор сигнализирует во многом о том, что в интеллектуальном сознании происходит пресыщение от идей, как наивного реализма, так и от прекрасных утопических метафор социальных ожиданий. Конструктивизм как метод, понимаемый в органическом единстве с другими подходами, направляет когнитивную установку на творческую энергию мысли-действия, на активно-ответственное созидательное строительство при всестороннем учете и при максимальной возможности всех потенциально созидательных сил, тенденций общественной жизни. При этом, необходимом указанных выше позиций понимания, конструктивизм может в полную силу выявить свою селективную функцию, освобождая духовно-практическое движение от «заторов», устаревших догматических преград, прежних иллюзий и вместе с тем, не давая возможности прорастать новым фантомам и заблуждениям, что будет свидетельствовать о подлинном демократизме, толерантности и «положительной конструктивности» этого метода и образа мысли.

Библиографический список

1. Авангард в культуре XX века (1900-1930). Теория. История. Поэтика. В 2-х т. М.: ИМЛИ, 2010.

2. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж: Институт практ. психологии. 1996.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. М.: Сов. Россия, 1979.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
5. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002.
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999.
7. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
8. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1975.
9. Гирц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. М.; СП.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2006. С. 115-138.
10. Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. - Минск: БГУ, 2003.
11. Искусство и цивилизационная идентичность. М.: Наука, 2007.
12. Келли Дж. Теория личности: психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000.
13. Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2008.
14. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. акад. РАН В.А. Лекторский. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009.
15. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
16. Лекторский В.А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // Вопр. филос. 2005. № 8.
17. Матурана У., Варела Ф.Х. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

18. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
19. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.
20. Петренко В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // Вопр. филос. 2011. № 2. (электр. вар.).
21. Раунинг Г. Искусство и революция: художественный активизм в долгом двадцатом веке. СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2012.
22. Режабек Е.Я. В поисках рациональности. М.: Академический проект, 2007.
23. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. * В 70-х годах автор этих строк, находясь в «логове» мирового капитала, увидел карту своей страны, окрашенную в красный цвет, на которой было только две надписи: Moscow и Siberia. На вопрос: «Почему не обозначены другие города?» - Следовал изумленный вопрос: «А разве они есть?». Как и «положено» по конструируемой для американцев ментальности другие страны: Польша, ГДР, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Румыния окрашивались в один серый цвет как нечто единое и невыразительное.
24. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М.: «Канон +», РООИ «Реабилитация», 2010.
25. Стёпин В.С., Кузнецова, Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФРАН, 1994. С. 147-170.
26. Тишков В.А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003.
27. Труфанова Е.О. Человек в лабиринтах идентичностей // Вопр. филос. 2010. № 3. (электр. вар.).
28. Швырёв В.С. Конструкт / В.С. Швырев, Новая философская энциклопедия. 2-е изд. М., 2010. Т. 2. С. 291-292.
29. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. -München: Verlag Munchen, 2000. (на русск. яз.)

30. Чайковский Ю.В. Наука о развитии жизни. Опыт теории эволюции. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2006.
31. Чижевский Д.И. Гегель в России. – СПб.: Наука, 2007.
32. Эволюция. Проблемы и дискуссии / Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Маркова, А.В. Коротаева. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
33. Burr, V. Social Constructionism. London/N.Y.: Routledge, 2003.
34. Constructionism in Practice. Designing, Thinking and Learning in A Digital World / Ed. by Y.B. Kafai, M. Resnick. L. and N/Y.: Routledge, 1996.
35. Gergen K.J. Realities and relationships: soundings in social construction - Cambridge (MA): Harvard University Press, 1994.
36. Hermans H.J.M. The Dialogical Self: Toward a Theory of Personal and Cultural Positioning // Cultural Psychology. 2001. Vol. 7 (3). P. 243-281.
37. Modern Construction. Learn Project Delivery and Integrated Practices / Ed. by L.H. Forbes, S.M. Ahmed and others. London and N.Y.: Routledge, 2010.
38. Modern Construction Economics. Theory and Application. / Ed. by G. de Valence and others. London and / N.Y: Routledge, 2010.
39. Ryan C. Traditional Construction for a Sustainable Future. London / N.Y.: Routledge, 2011.
40. Santorella G. Lean Culture for the Construction Industry. London/ N.Y.: Routledge, 2010.

e-mail: socmar@vladivostok.ru

Шубский М.П., Колмаков В.Ю.

1.3. СЕМАНТИКА РОДИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

Многогранность драматичности человеческого бытия заставляет задуматься над современностью не только как над брэнностью жизни, но и как над новой формой существования смысла. Ведь сущность современного общества и человека невозможно свести к неким простым схемам, человек есть сложное, слишком сложное существо. И одна из задач современного искусства, современной философии заключается в том, чтобы хотя бы немного приблизиться к пониманию этого сложного феномена. Логика понимания важна, ведь она определяет поведение людей, но важно понять и саму эту логику понимания. А формы выражения и формы понимания порождают градации сложных и, может быть, необычных смыслов.

В итоге смыслы должны быть упорядочены и работа, способная обеспечить это – духовная работа. Двадцатый век породил самые страшные зверства, насилие над человеком. Что человечество сделало с человеком? Готовы ли мы получить те ужасные ответы, которые нас ожидают? Что ожидать от двадцать первого века? Сегодня можно увидеть, можно почувствовать, что в обществе витает идея нового человека, идея нового общества, нового типа гражданского общества, которое должно прийти на смену неадекватному старому. Новый сложный человек поставлен в оппозицию и новых ещё более сложных проблем, которые должны быть решены.

Такое впечатление, что ментальность власти в России осталась на уровне девятнадцатого века, причём, на уровне ещё до отмены крепостного права. Эта странная менталь-

ность в тоже время достаточно активная. Она пока не задаёт себе вопросы: править или понимать? Понимать и править, понимать, чтобы править ещё не осмысливается такой властью как ментальная необходимость. Она мыслит: побеждать, мочить всех, кто её не поддерживает. Она не задумывается, может быть, настало время понимать. Победить – побить – растоптать – посадить в тюрьму – вот её логика. И эта логика катастрофична.

Издатель престижного глянцевого журнала «Искусство» Леонид Лернер пишет, что «Мир искусства – сооружение в равной степени эфемерное и жёстко структурированное. С одной стороны, Мир искусства служит как бы приложением к Искусству. Эту его функцию очень точно обозначил в своём эссе *The Artworld* (1964) известный американский арт-критик и философ Артур Данто: «Искусство нуждается в чём-то таком, что глаз не может обнаружить, – в атмосфере художественной теории, в знании истории искусства, то есть в художественном мире».¹⁵

Истина Родины сегодня, в чём она? Смысл Родины, семантика Родины необходимый аспект выстраивания смысловой картины мира. Семантика Родины всегда парадоксально неоднозначна. Феномен осознания сущности современной Родины, современной культуры требует переосмысления, если и не кардинального переосмысления, то всё же существенного изменения направляющих координат понимания сущности Родины. Когда в шутку говорят, вспоминая о мамонтах, что Россия – родина слонов, то в этом есть шутка, но почти нет значимого смысла. В чём и как проявляется смысл? Смысл во многом зависит от конкретных реальных обстоятельств, которые требуют своего осмысления, требуют неординарного понимания, возвышающегося над примитивной обыденностью.

¹⁵ <http://iskusstvo-info.ru/editor-post/item/id/2>

Семантическое, смысловое обесценивание понятия и сущности Родины связано с аморальностью власти, стремящейся в своих целях использовать духовную энергию, проистекающую из ощущения Родины у людей. Родина это то, где ты живёшь, но искренняя Родина это время и место, где ты хотел бы жить. Важно отметить, что филологическая семантика понятия Родина будет отличаться от философской семантики феномена и сущности Родины. В филологическом анализе чего-то всегда принципиально недостаёт, может быть в силу того, что он более формален, совершается по некому алгоритмическому шаблону. Художественная форма выражения сущности может приобретать множество вариантов, которые почти не похожи друг на друга, могут разительно противоречить друг другу, казалось бы, не имея ничего общего между собой.

Философско-сущностный анализ, поиск направлен на выявление смысловой модели, принципиально важной и максимально значимой, хотя, может быть, в этом есть своя мистикология Родины. Концепт Родины всегда имеет мистический неустранимый аспект, Родина по своему существу всегда мистична.

Семантическое пространство связей выстраивается в более многомерном пространстве. Это система смысловых элементов подчас очень дифференцированного по разным основаниям, различного порядка, но связанных более широкими концептуальными выражениями, проявлениями сущности любви, счастья, может быть, долга, истины, разума, Бога. Каждая страна, каждая культура, регион мира играет свою важную роль как фактор формирования соответствующего типа понимания человеком своего места в том пространстве, которое он может назвать своей Родиной.

Интересен ряд работ посвященных данной проблеме, например, работы, посвященные проблемам лингвоконцептологии. В этом необычном термине и, соответственно,

подходе можно легко увидеть рациональное зерно. В таком подходе обобщаются лингвистические взгляды на концепт как на ментальное образование, отмеченное этнокультурной спецификой и находящее языковое выражение, исследуются понятийная, метафорически-образная и значимостная составляющие семантики концепта «счастье», а также описывается функционирование его семантического дублета «блаженство» в религиозном и поэтическом дискурсах.

Существуют различные точки зрения, пытающиеся прояснить смысл Родины. Например, мистическое понимание Родины приводит к тому, что Родина – неопределяемое понятие. Не может быть дефиниции Родины, Родина есть чувство Родины. И парадоксально то, что это чувство даже в каком-то отношении важнее, чем Родина как реальность, как поля, леса, география Родины.

Есть ли в этом некая наивность? Может быть, действительно, имеет смысл говорить об археологии Родины, хотя в этом процессе часто возникают механизмы герменевтического порядка, например, механизм «испорченного телефона» или любой другой, подобный механизм искажения смысловой чистоты. В чём и как проявляется смысл? Философия художественного концепта должна быть достаточно ясной, чтобы она могла воздействовать на действия художника. Но в целом художественный концепт Родины возникает в каждой эпохе неким наиндивидуальным образом, смешиваясь с идеологическими и различными семантическими конструктами. Такой концепт может использоваться не только индивидуальным, но, главным образом, массовым сознанием, и, что особенно важно, это всегда используется как то чувство патриотизма, которое справедливо или нет, называют последним прибежищем негодяев. Художественный концепт родины позволяет увидеть новые важные детали, которые в чисто абстракт-

но-теоретическом аспекты могут казаться неглавными, неважными.

Художественный концепт родины, например, «Concept Art homeland», значим во всех языках и во всех культурах, данное обстоятельство определяет философское наполнение этого инструмента мышления, смыслового пространства построения сложных и неоднозначных художественно-образных картин отражения и понимания сущности Родины как особого пространства, особого слоя бытия. Но идея Родины может трансформироваться в разных ментальных системах, приобретая некие дополнительные смысловые аспекты. Homeland – как смысловой концепт, как форма передачи смысла содержащей информации акцентируется не на том, что Родина-мать есть то место, где я родился, а это то место, где находится мой дом, моя собственность, где я живу. Концепт многостороннее ментально-семантическое образование. Далее будем исходить из данного понимания, конкретизируя его дополнительными аспектами по мере сопоставления с другими сущностями.

Родина как некий сложный объект может быть представлен через образ или совокупность образов. В таком подходе имиджеология Родины как подход приводит к пониманию того, что Родина имеет имидж, определённый конкретный имидж. Имидж, образ, визуально-эмоциональная конструкция первостепенна для дальнейшего, более глубокого осмысления и итогового понимания сущности феномена Родины. У каждого человека есть свой набор образов, через которые лично для него обозначается Родина как сущность его души.

Образное, художественное мышление обладает своими особенностями, которые делают его незаменимым, а потому правомочным наряду с философско-теоретическим мышлением. А, если «да», то какое количество образов? Или какой именно общий образ можно считать достаточно

полным, а тем более, истинным? Истинность построенных образов, их правота, морально-этическая корректность принципиально важны. Допустим, я создал художественное изображение, картину, скульптуру, любую инсталляцию, и кто-то другой говорит мне: твоё понимание Родины аморально и оскорбительно, немедленно убери это! Имею ли я право как художник на своё понимание Родины? Имею ли я право отстаивать своё видение, своё понимание?

Художественно-образное мышление формируется у человека раньше, чем формируется логически упорядоченное понятийное, категориальное мышление, более свойственное уровню философского и теоретического мышления. Это означает, что до того, как мы можем мыслить в ясных и достаточно точно определённых категориях, в нашем сознании укореняется образ, чувство, смысл той реальности, в которой мы появились на этот свет и стали полноценными социальными существами, личностями. Ощущение и понимание Родины является очень важным, интересным для анализа и понимания способа мышления на уровне невыразимых истин нашего бытия. Родина есть базовый архетип человеческого сознания, и истинная и ложная экзистенциальность здесь могут сочетаться удивительным образом.

Родина - понятие ноуменального порядка. Есть в этой смысловой конструкции запредельная трансцендентность, осмысление которой становится невозможной в силу её невыразимости. Легко можно согласиться с утверждением, что: «Устойчивость концепта Родина в массовом сознании опирается на то, что его ядро имеет древнейшее происхождение. Слова с корнем – род - находим во многих славянских языках. В русском языке слово родина имеет несколько значений, одно из которых «место рождения» наиболее близко к его архаичному корню, в котором за-

крепилось архетипическое представление о родине как матери, уходящее корнями в мифологию славянского язычества» и также с тем, что термин, категория, концепт Родина проявляется через определённые эмоционально-смысловые отношения, которыми могут являться: "Любовь к родине", "Красота родины", "Преданность родине", "Защита родины", "Деятельность на благо родины", "Благодарность родине", "Гордость за родину".¹⁶

Мышление через систему образов выстраивается индивидуально, и это очевидно, например достаточно интересной является постановка системы мышления и поиска понимания следующим образом. Ключевые словаре-репрезентанты художественного концепта «время-возраст-молодость-старость, вечность, жизнь, смерть, сон, песня, сердце, музыка» в индивидуально-авторской картине мира С.А. Есенина являются денотативно соотнесенными с ключевыми словами-репрезентантами пространственной семантики (дом, окно, сад, дорога, простор, природа, Россия, земля, небо).¹⁷

Правомерно говорить о том, что подобное отношение к Родине, к месту своего рождения не в меньшей степени присуще и другим народам, другим культурно-семантическим системам мышления. Есть, безусловно, неповторимость в различных языковых репрезентациях концептов РОДИНА, PATRIA, NATIVE LAND в русской, латиноамериканской и американской лингвокультурах. Но русская ментальная система остаётся одной из наиболее

¹⁶ См. например: Гимаев, Я. А. Актуализация концепта РОДИНА в школьных учебниках по литературе и в массовом сознании учащихся. - Диссертация Ученая степень: кандидат филологических наук, Москва. – 2010.

¹⁷ Кривошапко, С. А. Концепты время и пространство в лирической поэзии С.А. Есенина Дисер. на соиск. уч. Степ. кандидата филологических наук Ростов-на-Дону. - 2010

ёмких в данном отношении, вся российская культуры базируется на некой мистической любви к Родине, ко всему тому, что связано с русской экзистенциальностью.

Интересная мысль была высказана Азой Алибековной Тахо-Годи (доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, ученица и наследница А.Ф. Лосева) в небольшой статье «Алексей Фёдорович Лосев. Философия Родины». Она писала, что «он очень любил Россию. И современным положением дел в нашем Отечестве он вряд ли был бы доволен. Ведь абсолютной свободы, такой, к которой мы недавно стремились, действительно не может быть: вся жизнь построена на ограничениях, безграничной свободы нет».¹⁸ Думается в этой связи, что Родина это некая свобода и соответствие самому себе настоящему, всему истинному и светлому, жизнерадостному и вечному.

Можно сказать, что схематические теоретические представления о Родине являются информационно бедными и в основном неинтересными. К тому же часто возникает путаница в результате отождествления концепта со значением, дифференцируя в то же время понятия концепта и референта. Безусловно, сложные теоретические построения достаточно важны, такие мысленные образования имеют особую смысловую, онтологически-бытийную и когнитивную обусловленность. Но нельзя согласиться с тем, что познавательные концепты противопоставлены концептам художественным, они взаимодополнительны, художественные концепты тоже выполняют познавательные функции, в этом заключается понятийный модус художественного мышления, художественного познания мира.

¹⁸ http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/10/18/aleksej_fyodorovich_losev_filosofiya_rodiny/

Личность, в тоже время, есть художественный текст, основанный на соответствующем типе дискурса. Художественность, с другой стороны, всегда можно рассматривать и интерпретировать как личность, хотя бы в потенциальном смысле, но так и в вполне реальном. Является ли художественный концепт заместителем образа? Образ, по существу, несёт в своей структурной определённости структуру, макет художественного концепта. Потенции концепта варьируются в зависимости от системы усвоенного социокультурного опыта, освоенности и усвоенности практики практического использования выработанных, наработанных смыслов, необходимых в данной культурной ситуации.

Концептосфера современного общества, безусловно, становится многообразнее и сложнее, но это многообразие часто является лишь поверхностным, внешним и не существенным. Возможность выбирать из множества похожих артефактов современной культуры означает отсутствие выбора. Выбор оказывается иллюзорным, поверхностным, мнимым, симулякры культуры множатся, а смыслы уменьшаются.

Концепт души является показательным для каждой эпохи. Эпоха во многом зависит от способности общества, социальной ментальности, личностей, живущих в это время выработать собственное ясное понимание, осознание того, что есть душа. Можно согласиться с тем, что «наиболее сложным, неоднозначным можно считать соотношение понятия концепта и слова "душа", отражающих национально-культурную, ментально-психологическую специфику и ценностную ориентацию русского народа».

Концепт "душа" и концепт «Родина» взаимосвязаны. Душа есть субстанция. Аристотель называет ее первой энтелехией. Душа есть субстанция социальной реальности всегда тогда, когда от реальных свойств духовности на-

прямою зависит то, что возникает в рамках данной культуры. И это далее становится реальностью, которую нельзя не признавать, с которой необходимо считаться, если необходимо жить в рамках конкретных социо-культурных реальностей. Особенно это важно, когда человек приезжает в другую страну, но достаточно поменять регион проживания, и эта разница также может быть легко почувствована.

Интересна мысль о том, что «душа субъекта эксплицируется и определяется в художественном дискурсе через эмоционально-экспрессивное пространство, речевым языковым экспликатором которого выступает континуум особых образных, оценочно-ассоциативных лексических единиц». Не будем разделять, разводить концептивный и семантический аспекты, рассмотрим их как общее целое. Концепт всегда семантичен, семантические конструкции всегда можно отнести к тем или иным концептуальным формам и организациям. Безусловно, каждое новое состояние развития общества и культуры требует установления новым смысловых акцентов, неких важных маркеров. И, действительно, смысловая доминанта является важной составляющей любого мировоззрения, любой структуры сознания. Сознание становится хаотичным, неорганизованным, бессмысленным, если в нём не обозначена ясная иерархия смыслов. Смысл родины, наверное, не сводится к тексту Конституции РФ или любому другому официальному документу. Трудно найти и однозначный текст, который бы точно обозначил смыслы, с которыми можно согласиться всем и на все случаи жизни. Может быть какие-то образы, словесные конструкции могут казаться достаточно красивыми и глубоко осмысленными, даже глубоко чувственными.

Концепт как семантическая конструкция может быть построен различным образом и в зависимости от этого

возникают различные виды семантических концептов, например, знакомый пейзаж или элемент пейзажа – березка, сосна, поле, золотая рожь, река, озеро. Или дом, очаг или элемент домашнего убранства. Особый тип отношения – дружба, преданность, верность, чистота, любовь.

Физическая родина и Духовная Родина должны быть органично взаимосвязаны. Но, собственно, что является духовной Родиной? Это какое-то иное пространство, чем то, которое очевидно. Так, например, что означает известная строчка из песни? Ты мне Родина родная вольной волей дорога. Означает ли это, что там, где нет этой вольной воли, там нет и Родины? Где же такая Родина? Проблема воли и проблема Родины сливаются в одну целостную и почти неразрешимую проблему. Может быть, воля есть свойство того пространства, в котором ты хочешь жить?

Семантика Родины – многозначный смысл, который все почему-то пытаются свести к неким простым истинам, картинкам, образцам. Не получается это сделать, но попытки повторяются. И здесь необходимо отметить, что в конечном счёте способ такого понимания есть некая идея, метафизика России. Это есть вполне реальная, вполне конкретная форма российского осмысления исторической реальности, российское мышление устроено таким образом, что оно из всей системы важных взаимосвязей фиксирует аспект бытия в форме актуализированного философского понимания. В этом аспекте наиболее важным является способ представления о самом себе как мыслящем индивиде в системе связанных линий взаимодействий. Духовность есть результат условий, которые активно формируют реальные свойства социального пространства.

Семантический концепт Родины – центр осознания смысла Родины. Он необходим, он выполняет важную роль в становлении смысловой картины мира. Но всё изменяется. И может ли появляться новый концепт Родины?

Если Родина одна, то она остаётся таковой навсегда. Попытка формирования нового понимания концепта Родины возникает в силу изменения жизненных, экзистенциальных обстоятельств, изменения существенно-важных сторон реальной жизни, суммы всех условий, способных влиять на формирование современной психологии человека и общества. Например, интересный концепт предложил красноярский художник Василий Слонов, его композиция "РОДИНА-МАТЬ" (посвящается женщинам фронта и тыла прошедших и будущих войн). Василий Слонов, Красноярск (Металл, сварка, 2010 год. Объект выставки "ПОСЛЕБЕДЫ"). Эта инсталляция содержит следующее смысловое содержание: Родина – это огромная матрешка, в которой на смену одному поколению приходит другое. Название «матрешка» произошло от имени Матрена, а в его основе лежит слово “mater”, что в переводе с латинского означает «мать». Матрешка имеет глубокое символическое значение в контексте времени, истории и культуры русского народа. Она олицетворяет идею крепкой семьи, достатка, продолжения рода, несет в себе идею единства. Не в последнюю очередь благодаря этим свойствам удалось перенести все тяготы военных и послевоенных лет. И благодаря этим качествам мы можем надеяться на, что сможем выстоять и в будущем.¹⁹

Интересный подход предлагает И. Сандомирская в её произведении "Книга о Родине" Опыт анализа дискурсивных практик.²⁰ Отмечается, что в рассказах о Родине в качестве важных атрибутов присутствуют любовь к родине, долг перед Родиной, Величие Родины. По сути дела при этом делается акцент на некой наивности данного чувства.

¹⁹ <http://mira1.ru/doc.php?id=66>

²⁰ <http://culture.niv.ru/doc/culture/sadomirskaya-rodina/index.htm>

Современное искусство обладает сложными формами своего выражения, это, безусловно, связано с тем, что весь процесс развития мирового искусства искал и ищет новые формы своего выражения. Современное искусство очень неоднозначно, можно говорить, что изменилась оптика восприятия и выражения произведений искусства. Прimitивные однозначные формы визуальности стали неинтересными, слишком простыми и примитивными. А искусство внутренне имманентно всегда стремиться к сложности и многосмысловым конструкциям, выраженным в соответствующем концептуальном плане. Искусство должно иметь новую концепцию. При этом искусство старой концептуальной схемы, старой концептуальной философии тоже имеет право на существование и, действительно, имеет своих сторонников, которые говорят, вот, посмотрите, вот это старое, проверенное искусство и есть настоящее искусство, а это, новое, это, вообще не искусство, а не понятно что. Художник, выставляющий своё произведение, подчас осознанно конфликтно сталкивает эти разные концептуальные планы, разные смыслы, разные ценности.

Будем исходить из того, что концепт – ментально-семантическая концентрация. И можно согласиться с тем, что концепт во многом выступает как смысловой элемент, и, тем самым он есть основная ячейка культуры в ментальном мире человека. Но, вместе с тем, какие образы являются доминирующими? Очевидно, что реклама, создавая яркие и запоминающиеся образы, во многом вытесняет те, которые должны бы выполнять первостепенную смысловую функцию. Выставка показала модели-образы Родины матери, Родины дочки и Барби как Родины-внучки. Хорошо, допустим, художник или организатор, куратор выставки так видит, то есть ли в этом какой-то криминал морального или даже уголовного характера? Исходя из этого, действительно, задаёшься вопросом, какие концепты сего-

дня являются доминирующими? В целом доминирует некое колажное мышление, перемешивание образов, создание противоречивых картин и образов.

Естественно, художественное мышление отличается от всех других, оно есть арт-концептуальное мышление. Но может быть и философско-художественное мышление? Или, точнее, художественно-философское, то мышление, которое в художественной форме излагает философские идеи. Различие и сходство художественного и философского мышления осуществляются то по линии разделения противоположных сущностей, то оказываются неким одним образованием. Содержание и форма в художественном мышлении сочетаются своеобразным способом. Для художественного мышления форма несколько важнее содержания. Но что такое форма в данном случае? Нечто красивое, необычное, способное впечатлять, оказывать эмоциональное воздействие? А что такое форма в аристотелевском смысле? То, что устойчиво вне зависимости от материала. Если материалом является информация, то вне зависимости от содержательно-информационной стороны дела.

Действительно, если всё сводить к содержанию, то художественное мышление кажется примитивным. Например, нарисован пейзаж. Содержание картины – пейзаж. Можно уточнить – сибирский пейзаж. Далее уточняя, можно добавить соответствующую информацию – сибирский горный пейзаж, например, в горном экзотическом скальном районе Ергаки в Саянах. Но с точки зрения чувственности не принципиально где это и что это. Важно то, как данное произведение художественного творчества способно производить эстетическое эмоциональное воздействие. Выставка первоначально планировалась с подачи Марата Гельмана под названием Родина, но в силу того, что подход данного человека вызвал слишком болезненную

реакцию со стороны официальных властей, она была переименована.

Неизвестная страна художников - второй вариант названия большого проекта. В таком подходе, в рамках своей выставочной и проектно-исследовательской деятельности Красноярский культурно-исторический музейный комплекс презентовал новый комплексный выставочный проект «Неизвестная страна художников». Анонс гласил следующее: в экспозицию проекта «Неизвестная страна художников» вошли работы более 30 российских художников, передающих широкую панораму взглядов на современный художественный процесс. Красноярский культурно-исторический музейный комплекс в эту программу кроме части произведений выставки Пермского музея современного искусства включил ряд уже экспонируемых им продолжительное время паблик-арт-объектов, инсталляций, произведений живописи и графики, а также новую выставку современных сибирских художников «Горбыли».

Мышление в образах обладает своими особенностями, которые взаимосвязаны с осознанием глобализированного мира. Эти образы являются моделями понимания и они, естественно, могут быть точными или неточными, ясными или непонятными, но они имеют право на своё существование. Таково пока состояние постмодернистского типа мышления. Что предлагает постмодернизм в целом? Да ничего он не предлагает, он ставит вопросы, на которые необходимо найти ответы. И пока ответы не найдены ничего по существу не меняется. Христос был постмодернистом, потому что мы его не пережили. Да, можно сказать, что идея Христа в конкретной культуре находит очень глубокие и во многом истинные резонансы. И в этом, что очень важно, есть некая боль, которая, можно сказать, перерождается в новую парадигму мышления.

Наше мышление подчиняется многим факторам, регуляторам. Регуляторы могут выполнять не только полезную, но и весьма вредную роль, поэтому возникает проблема в определённой ситуации снять регуляторы. Роль регулятора действительно неоднозначна например мораль как регулятор, как инструмент регуляции социальных отношений, подчас принимает весьма странные, по сути дела ложные формы.

Что же произошло в Красноярске? Что это за событие? Что за явление? Мы попытаемся поговорить, сделать рефлекссию этого события. Что с нами произошло? Или не произошло? Решили сделать такое обсуждение с различными людьми, имеющими различные точки зрения. Важно попытаться понять, нужны ли мы друг другу? Или не нужны? И, очевидно, если мы поймём, что мы друг другу нужны, и, если мы поймём в Красноярске, что мы можем создать такой прецедент, создать такую модель понимания, где понимание выстраивается не по линии начальник-подчинённый, а по линии человек-человек, личность-личность. Может быть следует и дальше продолжать, думать, разговаривать, хотя бы раз в месяц встречаться, этот разговор продолжать.

Во-первых, о понимании. Хотелось бы несколько вопросов озвучить, они показались очень важными, чтобы разговор начать. Здесь важно слово, понятие «понимание». Всё другое нас будет разъединять. Понимание даёт возможность не только чисто рационально, не чисто на уровне абстрактной логики, функционально, а на уровне культурном, ментальном даёт возможность понять, понимать, объединиться, поняв друг друга. Поэтому поиск модели понимания для меня очень важен. Но для того, чтобы двинуться в путь дорогу в поиске этой модели понимания, мы должны для себя ответить, насколько мы готовы к пониманию. Так для самого себя я спросил: готовы ли мы вый-

ти из своих окопов? Важно расшифровать, что это такое. Каждый из нас наделён своей мерой мироощущения, каждый из нас наделён своим опытом жизни, знанием своей специальности, своими конкретными функциями в обществе, мы наделены многими свойствами. А готовы ли мы выйти из этого своего жизненного окопа и выслушать другого?

В нашем российском сообществе иногда, увы, происходит так: один говорит, а другой его совершенно не слышит. И, в конечном счёте, это диалог с глухим. Я не считаю, что это хорошо, но это происходит. Готов ли каждый из нас сегодня отрешиться от чего-то того, что мешает слышать другого? Кажется принципиально важным и этот вопрос обсудить. Может быть, кто-то скажет: нет. Потому что, например, в процессе предварительного нашего обсуждения прозвучало такое, что я пришел и поставлен здесь, чтобы блюсти нравственность! Такое высказывание меня пугает. А, если кто-то скажет: я пришёл сюда, чтобы здесь всё было правильно, а если будет неправильно, всех отстреляем.

Второе, тоже очень важное, исходя из этой модели понимания: обладает ли кто-то абсолютной истиной? То есть, есть ли кто-то из нас, кто может сказать: я знаю абсолютную истину! Можно знать, например, какие-то факты современной науки или какой-нибудь уважаемой книги, но является ли это знание абсолютной истиной? Обладает ли кто-либо этой абсолютной истиной. И если человек говорит: я обладаю этой истиной, то надо каким-то особым образом понять его. Принимаем мы это или не принимаем.

Кто мы? Нужно договориться, как мы понимаем себя. Есть население, это люди, которые живут, едят, ходят на работу. И есть люди, которые знают, для чего это население живет, и они должны жить поэтому так-то и так-то. Может это и хорошо. Но не хотелось бы делить народ на

население и личности. Мы все личности, мы имеем свои ценности, свои взгляды на жизнь. И мне не указ кто-либо. Может для многих это спорно. Но важно начать рассуждать, для того, чтобы начать друг друга понимать.

Хочется, чтобы мы задали себе эти вопросы о современных явлениях, об искусстве, о человеке. Здесь мы должны решить, что из себя мы представляем. Это достаточно понятная вещь или это достаточно сложная вещь? Дважды два может быть равно и не четырём? Если кто-то считает, что дважды два всегда равно четырём и не может быть не равно четырём, то это тоже позиция, и мы тогда точно будем знать, что это позиция определённого человека, определённой идеологии. Почему дважды может быть равно не только четырём, но и пяти и семи? Это возникает в силу вполне реальных сложностей нашей с вами жизни.

Есть вещи достаточно неоднозначные, и мы к этому должны быть готовыми, или в своём рассуждении должны понимать, что, если какой-то человек говорит что-то мудреное, или что-то то, что нам не понятно сейчас, то давайте всё же попытаемся его услышать. Может он в чём-то прав, а в чём-то не прав. Это основание диалога есть в российской культуре, есть в мировой культуре. Мы, так или иначе, должны это воспринимать. Поэтому задача попытаться выработать модель диалога как модель понимания. Выставка, которая получила название «Неизвестная страна художников» вызвала достаточно мощный социальный резонанс не только в Красноярске, но и других городах и даже за рубежом. Это является показателем того, что сегодня культурное пространство является открытым и то, что делается в одном городе, может находить резонанс, отклики в других городах и даже в других странах в очень короткие интервалы времени. Общество и мир изменились, и этот факт заставляет его учитывать. Но более важно то, что в российском обществе есть некие ментальные настроения,

ожидания. Это весьма значимые ожидания, их нельзя игнорировать. С одной стороны, это очень хорошо, в обществе есть активность, гражданская активность, есть движение, есть развитие общественного сознания, сознания людей, которые это общество составляют. А с другой стороны, что не очень хорошо, это есть социологический показатель ожидания конфликта. Конкретизирую эту мысль тем, как в интернет, в сетевом пространстве происходило восприятие этой выставки. Красноярский музейный комплекс представлен помимо официальной страницы ещё и страницами на Facebook, на Twitter, на других ресурсах. Возможности Facebook позволяют администратору отслеживать активность посещения.

Модель диалога видна при просмотре материалов выставки, представленной на странице сайта Красноярского музейного комплекса. С момента начала выставки рост количества людей составил 1400%. Затем постепенно происходило снижение активности посещения. В этом видится то, что общественность ждала некоего взрыва, некоего скандала, какой-то конфликтности. Но конфликт не реализовался в ожидаемой форме. А вот, в результате всего этого музей, его странички в сетевом пространстве попали под критику с различных сторон тех, кто по-разному видел возможность развития дальнейших событий, связанных с выставкой. Фразы часто были, мягко говоря, нелитературными. Пришлось удалять многие нецензурные выражения, в которых не стеснялись те, кто считал, что с выставки нельзя было убирать ни единого экспоната. Обратная критика состояла в криках и угрозах: да, как вы посмели, да, кто вам разрешил, да, вы попираете наши православные ценности. И пришлось столкнуться с такой сплошной критикой с двух сторон.

Социологу и философу в этом видится очень интересный прецедент, в этом проявляется специфика нашего времени. В обществе есть ожидание события, которое мо-

жет быть большим, сильным резонансным, которое может быть много следственным, может иметь несколько волн в результате реализации его следствий. И эта выставка, казалось бы, просто выставка, показатель того, что что-то выставили и что-то не выставили, в целом безобидная простая ситуация, но она оказалась показателем, важным индикатором общественного мнения.

В обществе есть агрессия. В обществе возникла такая точка бифуркации, которая означает, что дальнейшее развитие ситуации может иметь неконтролируемые, непредсказуемые следствия, ситуация готова к переходу в новое социальное качество. Может всё качнуться, как в одну, так и в другую сторону. Меня пугает агрессивность многих представителей тех или иных социальных групп. Откуда эта агрессивность? Общество устало от нереализованных ожиданий. В социологии групп есть такое понятие «ожидаемое поведение». Ролевые функции и социальные статусы порождают ролевые ожидания. Общество не получило то, что оно ожидало. В результате этого в обществе накапливается отрицательная энергия, отрицательная деструктивная активность, готовность что-то кому-то доказывать. И, когда не понятно, кому это доказывать, ситуация может актуализироваться в отношении явлений не самого главного порядка значимости.

На все общественные события РПЦ реагирует достаточно жёстко, на наш взгляд. А где же терпимость? Ведь и сама церковь прошла в советский, большевистский период времени те ситуации, когда власти к её деятельности относились очень нетерпимо. Должна ли РПЦ сегодня так нетерпимо относиться к различным социальным феноменам? Думается, нужна некая социальная ассамблея, социальный институт переговоров. Нужна особая ментальная площадка, где можно было бы создать условия для спокойного проявления различных взглядов и позиций. Необходимо особое ментальное пространство, где можно было бы дос-

таточно спокойно анализировать, что происходит в обществе. Это может помочь лучше понимать, каким образом современные медийные технологии воздействуют на наше сознание, заставляя нас даже не осознанно принимать радикально ту или иную сторону, хотя, если бы мы подумали и отнеслись к этому выбору более критично, более рационально, то и не сделали бы такой выбор.

Думается достаточно продуктивная мысль заключается в том, чтобы пытаться активно анализировать весь тот набор мнений, точек зрения которые мы обозначили термином «окопный метод мышления». В целом хочется предложить достаточно широкий и открытый диалог, который может быть важным социологическим, культурологический индикатором нашего времени. В этом видится некий проект ментально-социологической лаборатории, которая может работать в режиме выработки экспертных мнений.

Действительно, может быть не все ещё вышли из окопов. Давайте будем говорить о тех вещах, которые нас больше объединяют, чем разъединяют. Во много это связано с тем, что современные ценности русской культуры стали неоднозначными, слишком неоднозначными, в этом есть некая критическая черта, критическая масса. Смешанность, суспензия экзистенциального, постмодернистского, не исключая славянофильства, русской почвенности может порождать и действительно порождает ряд уникальных образований сложного смыслового порядка. И это обусловлено тем, что творчество есть инструмент, который подчас сводится к способности говорить странные вещи, искусство говорит своим языком, порождая правила выражения своего сокровенного смысла. Но в целом, хотелось бы привлечь внимание к проблемам философии современного искусства, в особенности современного российского искусства. Это искусство находится в состоянии поиска ответов на современные актуальные социальные вопросы.

Колмаков В.Ю.

1.4. ИСКУССТВО, ПОЛИТИКА И ФИЛОСОФИЯ – ИНДЕКСЫ МЕНТАЛЬНОСТИ

Политика, искусство и философия как единое целое, представленное в художественной форме создаёт объект, который может быть понят весьма неоднозначно. В этом проявляется эпоха и ментальность, которые складываются из того, что параметры современности проявляются как смыслы. Это смыслы, возникающие в отношении наиболее важных тем, проблем, вызовов, говоря термином А.Тойнби. Но в целом возникает такое впечатление, что есть «идиоты по должности», отвечающие за увеличение маразма в обществе.

Понимание – логико-герменевтическая операция раскрытия содержания и качественной характеристики смысла. И такая способность понимать сегодня становится и способностью решать сложные социальные задачи, без понимания которых невозможно позитивное разрешение всего комплекса современных реальных проблем. Соответственно, то, как мы понимаем, так мы и живём. И здесь важно также понять, то, кем мы не должны быть в процессе понимания, какие негативные позиции мы не должны занимать и, какие негативные следствия мы не должны порождать. Осмысление этих процессов задача сложная и, можно заметить, что современная социальная наука – заложница бизнеса, власти, собственных заблуждений. Остаётся надежда на некий независимый философский взгляд, способ мышления, который позволяет сохранять непредвзятость и адекватность мышления. Тип политика духовно продуцируется общественным сознанием и предметно материализуется, образно говоря, как булгаковский Воланд из воздуха. Ассоциации у Михаила Булгакова между Во-

ландом, Сталиным и всеми странными личностями говорит о некой общей ментальной форме социалистического бытия. Сталин это мы, это психологическая материализация советского менталитета. Можно ли повторить сталинский режим? Можно, если повторится ментальная ситуация. Хотя уже вряд ли. Действительно, многие психоментальные типы личностей остались, но произошли и существенные изменения. Ведь, например, во многом Берия – гениальный организатор наиболее сложных проектов сталинской эпохи. Представьте, какой из него мог бы получиться олигарх? Напрашивается мысль о том, что время уходит, а базовые типы личности остаются. Поэтому и Путин это тоже мы, это то, что есть, чему мы разрешаем быть, то, что мы поддерживаем, что мы терпим, чем мы восхищаемся, с чем смиряемся. Или чему иногда противостояем.

И, с другой стороны, понятно, что каждый политик поэтому есть немного медиум, который чувствует и реализует то, что народ хочет. И здесь не всё однозначно и не всё просто. Интересные аспекты выявляются в позиции Б.Гройса, размышляющего о феноменологии медиальной откровенности: «...обычное употребление слова "медиум" двусмысленно: обычно им обозначаются как медиальная поверхность, так и субмедиальное пространство, носитель этой поверхности, - причем границы этого пространства, в свою очередь, остаются подвижными, поскольку в зависимости от идеологических убеждений зрителя носителем картины объявляется холст, художественная институция, буржуазное общество, божественное вдохновение, художественный гений или элементарные частицы и мозговые центры. И все же, если мы употребляем слово "медиум" в оппозиции к слову "знак", то, как правило, имеем в виду носитель знаков - или, в терминологии данного текста,

субмедиальное пространство позади знакового слоя, покрывающего медиаальную поверхность».²¹

Искусство и родина, искусство, политика и свобода творчества оказались тесно взаимосвязанными, с одной стороны, вполне ожидаемым образом, а, с другой, возникла некая новая сочетаемость, новая смысловая пропорция степеней значимости искусства, политики и возникающих ценностей гражданского свободного общества, формирующегося в России в конкретном две тысячи двенадцатом году двадцать первого непонятного века. То, что искусство может быть подчинено политике и жестко заданной идеологической доктрине, мы уже видели. Всё или почти всё искусство в СССР было регламентировано идеологически, в искусстве были заложены ясные, хотя и во многом прямолинейные ценности коммунистического или, что парадоксально, псевдокоммунистического порядка. По крайней мере, схема соотношения искусства и идеологии была вполне понятна. Новая схема такой взаимосвязи формируется сейчас, государственная политика в сфере искусства стала другая, но во многом по-прежнему такой же жесткой.

Насколько мы стали гражданским обществом? Часть общества сильно изменилась, а часть осталась в некоем советском прошлом или породило модусы этого советского менталитета подчас даже более страшные, чем-то, что было раньше. Эта проблема достаточно неоднозначная, но проблема не в том, что показывать, а в том, как это воспринимать. Надо, конечно, предлагать новые программы, предлагать новые вещи концептуального порядка.

Нужно развивать современное искусство. Надо не писать доносы, надо создавать полноценное сообщество,

²¹ Гройс Б. Под подозрением. Феноменология медиа / Пер. с нем. А. Фоменко. - М.: Художественный журнал, 2006, с. 57-69

способное без гражданской войны решать имеющиеся проблемы. Уважение - базовая ценность гражданского общества. Дальше может идти разговор о том, как мы понимаем искусство, и это разговор, это размышление весьма важны. Парадоксально, когда люди имеют некое мнение, даже не ознакомившись с экспонатами выставки и при этом, что самое парадоксальное, их иногда невозможно заставить ознакомиться с экспонатами выставки, они в любом случае остаются при своём мнении. Это напоминает психологический штамп, возникший в советское время, когда по приказу сверху осуждали Пастернака после получения им Нобелевской премии - «не читал, но мнение имею». Не желание думать, не желание вдаваться в реальный анализ, но при этом иметь своё мнение – достаточно специфичный психоментальный показатель. Как мы живём? Почему мы так живём? Почему мы такие, а не какие-либо другие?

Необходимо войти в новую политико-правовую парадигму мышления, а для этого необходимо выйти за рамки конфессионального, группового мышления. Смысловое поле легко расширяется, если наряду с концептом Родина затрагиваются и другие важные феномены духовного порядка. Если я люблю свою Родину, то обязан ли я автоматически любить её политическое руководство? Эти разные психологические параметры могут сочетаться или не совпадать вовсе. Но они, всё же, связаны внутренне, сущностно, хотя не всегда эти связи очевидны и прямолинейны. Если, например, в электротехнической системе, где нельзя допускать ошибочных соединений, ошибка связей грозит аварией, то духовные связи не приводят к мгновенной катастрофе. Трагедия может длиться достаточно долгое время. Мир тесен, жизнь трудна, а родины у вас нет – говорил Янь Гуфей – не правда ли парадоксально звучит?

Философия гражданского общества в России приобретает новые важные в контексте современности черты. Во многом это связано с проблемой сложности общества и человека. Происходит переход к новой сложной логике. Во многом этот переход происходит через постмодернистское мышление, которое не является панацеей от спасения и не является методом решения социальных проблем. Можно, конечно, говорить об афте-постмодернизме или сверхмодернизме, как это предлагает Кургинян, но такой подход по существу ничего не меняет. Сегодня в выступлениях многих аналитиков можно увидеть много эмоциональности, думается, что эмоциональность мало, что решает и, поэтому как форма должна быть преобразована в некую иную форму смысла. В том числе в эмоциональной форме, как правило, рисуется образ врага, врага реального или выдуманного. Если враг есть форма смысла, который я не принимаю, то я и другие есть граница войны?

Многие политические и даже культурологические споры стали осуществляться по принципу рассмотрения оппонента как врага, которого необходимо рассматривать «на уровне прицела». В этом проявляется своеобразный стиль мышления. В этом проявляется характерная точка, позиция мышления это «оценка из окопа». И тогда в соответствии с этой позицией врагом является каждый, кто не находится в моём окопе. Я понимаю, что нельзя заставить другого быть как я. И что в этом мире много тех, кто не похож на меня, думает не так, как я, живёт не так, как я. Но вытекает ли этого с логической необходимостью? Можно ли такую позицию назвать «Философией доноса»?

Смысл Родины и философия доноса – весьма парадоксальное сочетание. И в силу этого философия доноса интересна как объект философского анализа в силу того, что позволяет подчеркнуть, отметить важные аспекты той формы ментальности, которые проявляются в современном

обществе. Почему вдруг политики полезли в искусство? Почему искусство вдруг стало предметом особо обеспокоенных политиков, которые пишут доносы с требованием запретить что-то в искусстве? Очевидно, или нет то, что искусство должно быть вне политики? И политика не должна оказывать чрезмерно прямолинейное давление на искусство, хотя, понятно, всегда такой соблазн, очевидно, имеется. Политики пытаются вольно или невольно использовать искусство в его различных формах в своих целях.

И доносчики как борцы за патриотическую чистоту искусства нашли свою востребованность, своё, фактически, признание и призвание. Донос получил свой социальный, точнее социально-политический заказ. Стали вновь модными политические доносы. Возник некий дух сталинских времён: на тебя напишут, тебя повяжут и с тобой не надо спорить, не надо доказывать правду, если можно оклеветать человека. Доносчики – борцы за политико-патриотическую чистоту искусства. Есть ли цивилизационный способ решения таких проблем? Если у меня есть другой взгляд, и это наш взгляд, мои убеждения. И надо сказать, что рабская психология, когда пишут, доносят. Например, доносят ли президенту США Бараку Обаме, что где-то в каком-то музее прошла не та выставка, какую хотелось бы кому-нибудь видеть? Это же смешно. Должен ли губернатор разбираться, почему музей это делает? Кто-то считает себя более нравственным, чем другие? Это холопский стукачи́зм или что-то другое? Нужно и необходимо действительно разобраться и показать, что это за элемент современной психологии. Если предложить выйти из окопа, то мы с удивлением увидим, что мало кто или вообще никто не хочет выходить из своего укрытия от мнимых врагов.

Что это за ценность быть нормальным человеком? И надо ли сегодня бороться с рабской психологией? Как

помните, Чехов говорил, что он из себя по капле каждый день выдавливал раба, то есть ту же рабскую психологию. Общество не может быть свободным обществом, и никто его не сможет сделать свободным обществом, если в этом обществе доминирует рабская трусливая социальная психология.

О выставке «Неизвестная Родина художников» можно высказать различные, прямо противоположные мнения. В данном отношении предмет нашего анализа, с одной стороны, является реальный и очень интересный прецедент, произошедший с некой экспозицией в Красноярском культурно-историческом и музейном центре в июле 2012 года. А, с другой стороны, в этом вопросе в интересном аспекте проявляются важные, можно сказать, базовые ценности гражданского общества, реального живого общества, которое формируется определённым образом, приобретает некие устойчивые характеристики, свойства, неповторимую специфику.

Наибольший спор вызвала инсталляция с использованием голубых клизмочек. Причём эмоций хватает, как у тех, кто их защищает, так и у тех, кто считает данное произведение оскорбительным для верующих. Конечно, весьма спорна идея представить куклу Барби как Родину-внучку, но в целом, можно, конечно говорить о том, что современная российская культура испытывает сильное влияние западной, в особенности американской культуры, сущность российской культуры, действительно, становится неоднозначной. Можно сказать, что, если ты посмотрел выставку «Неизвестная Родина художников» в Красноярском культурно-историческом и музейном центре, то и перестал понимать, что такое Родина. Родина как объект инсталляции в понимании концептуальных галеристов это нечто, это претензия на креатив, на то, на что можно обратить внимание. Я понимаю, у каждого человека своя Роди-

на, но есть ли Родина вообще в некоем метафизическом смысле? К сожалению или нет персонификация этой сложной выставки возникала в персонифицированной связи с человеком, который придумал этот проект. Автор выставки в её исходном варианте – Марат Гельман. Он пишет: «...До появления современного искусства музей не влиял на художественную жизнь. Он собирал и оценивал прошлое, и какой-нибудь владелец ресторана, который тем художникам, которые ему нравятся, бесплатно давал обеды за их рисунки, а другим не давал, куда больше влиял на художественную жизнь. Когда появился музей современного искусства, ситуация резко изменилась: нынешний художник ещё жив, он ещё работает, но уже музеефицирован, ему гарантировано место в будущем. Таким образом, музей стал основным участником художественной жизни». Цель выставочного проекта – знакомство с образцами актуального искусства. Среди авторов есть обладатели государственной премии «Инновация», их работы входят в состав коллекций Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея, Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Парижского Центра искусства Жоржа Помпиду и многих других. Можно заметить, что в это же время в Государственной Третьяковской галерее проходит выставка «Моменты и документы», составленная из работ участников данной выставки, большинство из них уже знакомо красноярскому зрителю по участию в ключевых проектах Красноярской международной музейной биеннале и других проектах Красноярского музейного комплекса.

"Красноярский культурно-исторический музейный комплекс около 20 лет формирует вокруг себя аудиторию, открытую творчеству современных художников. Активная музейная деятельность направлена на знакомство красноярцев с произведениями актуального искусства. Это под-

тверждает и цель проекта "Неизвестная страна художников". Фигура Марата Гельмана вдруг стала публично значимой, но в целом является весьма неоднозначной и во многом противоречивой. А, это означает, следовательно, каждый имеет право самостоятельно оценивать данную личность и то, что является результатом её деятельности. Есть те, кто «за» Гельмана и есть те, кто «против». Появились термины «гельманофилы» и «гельманофобы»

Не обсуждая взаимоотношений М. Гельмана с Единой Россией, можно сказать, что гельманновский проект «Родина» оказался весьма скандальным и приобрёл значительный общественный резонанс. Это привело к тому, что в игру вдруг вступили казаки, появились административные указания запрещать и «не пущать». Аргументы и факты дают следующую информацию: «Марат Гельман - публицист, политик/политтехнолог, коллекционер произведений современного искусства, галерист, основатель «Галереи Марата Гельмана», директор «Центра современного искусства», директор Пермского музея современного искусства «PERMM» "Родина" - выставка работ современных художников на темы последних 20 лет российской истории. Представлены: Александр Бродский, Виталий Комар, Александр Меламид, Анатолий Осмоловский».²²

Если в Эрмитаже висят картины, которые, по мнению кого-либо, могут восприниматься как реклама, если не блуда и разврата, то, по меньшей мере, некоей распущенности, фривольности. Надо ли в результате такого факта устраивать пикеты вокруг данного музея? Такое впечатление, что была дана команда против Гельмана и друг некое количество людей сразу стало ненавидеть этого человека и личность. Многие, может быть, и не знали, кто это такой и вдруг посчитали своим долгом высказаться против него.

²² <http://www.krsk.aif.ru/culture/article/26444>

Право искусства быть искусством. Искусство в гражданском обществе играет свою весьма важную роль. Люди, написавшие письмо к вышестоящим инстанциям, исходили из своих, может быть, достаточно искренних убеждений. Очистители ауры Родины – ещё один вид социальных активистов. Изгнание бесов, нечистой силы всегда привлекало общественное внимание хотя бы фактом своей эмоциональной напряженности. Один из журналистов, возжелавших себя пропиарить, после обсуждения просмотра выставки «Неизвестная родина художников» стал взывать к небесам с криком, что такое искусство дурно пахнет, и вытащил заранее припасенный баллончик с дезодорантом воздуха, стал очищать плохо пахнущую ауру выставки. Видимо он был заранее уверен, что воздух будет плохо пахнуть вокруг картин, и для этого пронёс с собой на выставку баллончик освежителя воздуха «Антитабак». Не понятно только, что он освежал? Воздух? Или ауру? Можно ли освежить ауру дезодорантом, крича, что вокруг летают нановирусы и психологически деструктивные идеи мира искусства? Давайте, всё же, оставаться адекватными людьми. Нужны ли такие «освежители» Родины? Журналист, считающий себя концептуалистом, назвал музей постмодернистским кубическим пространством. Имеет ли это какое-либо отношение к выставке или к определению её сущности? Не понятно.

Родина советского типа успешно формировала детские умы всей политикой партии и правительства, направленной на финансирование и развития детского отдыха, развития школьного образования. Ребёнок оказывался в той духовной среде, которая была создана искусственно, создана кем-то. Но она воспринималась им как его естественная, родная среда. Это было его детство, его жизнь, его пространство, в котором он жил и формировался. Родина нового периода изменила очень многое, государство отка-

залось от многих социальных программ, от которых, казалось бы, отказываться никак нельзя. Родина может проявляться в таких чувствах, как гордость за власть, Родина как-то, что установлено в качестве объекта официального почитания, как культ, как обязательный пиетет существующей власти. В чём сегодня проявляется гордость за Родину? Это гордость за Газпром или любую кампанию подобного уровня?

Разговаривая с разными людьми об оценке выставки, о Родине, о том, что всё очень странно, словно кто-то навязывает тебе своё понимание родины. Возникает ситуация, словно, кто-то тебе указывает, как и что ты должен правильно понимать. И в этом случае возникает вопрос, а есть ли у тебя свобода в понимании сущности Родины?

Родина явление духовного порядка и, таким образом, Родина соответствует духовности личности. Родина это некая свобода и соответствие самому себе настоящему, всему истинному и светлому, жизнерадостному и вечному. Особо важно то, что русская культура не проявлена целиком, проявлена словно бы частично и в силу этого непредсказуема, потенциальна. В этом заключается её дионисийский, иррационалистический, природно-инстинктивный характер.

Русская культура по-своему космична и теургична. Можно, на наш взгляд, говорить о русском теургическом космизме. В этом проявляется особое ощущение единства творческих сил, сущностей человека и того, что является творческим началом Вселенной. Космизм русской культуры выражается в особом вселенском мироощущении, он имеет особый вселенский характер.

Вселенский характер русской культуры во многом был выражен в философии В.С. Соловьёва. В этом смысле идея космополитизма как принадлежности человека не столько к некой ограниченной территории, а принадлеж-

ности ко всей Вселенной присуща не только античной культуре. Именно такая вселенская принадлежность вела казаков через дикие сибирские территории к далёкой Аляске, которая тоже становилась их Родиной. Русские первопроходцы – люди, шедшие подчас не зная куда, искали свою Родину взамен той, от которой бежали. А бежали от чего? Бежали от рабства, крепостничества, холопства. Бежали от унижений и невыносимых условий жизни. Бежали от возвышенно надменного идиотизма власти, презирающей всех кроме себя. Бежали, чтобы на новых территориях пытаться строить новый тип общественной организации. По сути дела, это был реальный эксперимент как попытка уйти от власти, которую нельзя изменить.

Большевики, коммунисты противопоставили страну всему остальному миру, но сумели сконцентрировать все силы на развитии индустрии и военных технологий, создали особый тип советского человека, особый тип культуры. Сталинская империя возникла на подавлении свободомыслия и прав личности как всемогущая партийно-государственная машина, способная раздавить любого человека, не согласного с тем, что есть коммунистическая идеология в любой её абсурдной модификации. Но далее крах СССР как крах советской культуры снова изменил тенденции развития страны.

Перестройка как попытка создать социализм с человеческим лицом породила хаос и абсурд, развал единого пространства, образования новых государств и одновременно новых проблем того, что является для них культурной и идеологической идентификацией.

Начало второго десятилетия двадцать первого века снова актуализирует вопросы, связанные с поиском понимания сущности русской и российской культуры в целом. В этом видится проблема русской культурософии, которая является уникальным феноменом, существующим уже не

одну сотню лет. В этом акте самосознания заключён важный опыт анализа сущности русской культуры, в конечном счёте, её современной сущности. Это философия русской культуры и философия истории, философия самосознания народа, это и ментальная модель способа мышления и самопонимания. Рассматривая культурную целостность российского бытия по отношению к таким характерным социокультурным регионам, как Восток или Европа, определяется её соотносительность как самобытность, самобытность как отличительность от чего-то, но при этом теряется собственная внутреннее состояние самобытности вне каких-то внешних параметров других культур.

А так же, можно заметить, что Чаадаев, К. Леонтьев, Хомяковы, Бердяев, Ульянов-Ленин выстраивали своё размышление о современных проблемах как дискурс о самой России. Чаадаевский поиск России начался или просто усилился после его знакомства с Европой, с культурой, которая во многом не похожа на российскую. Чаадаев начал размышлять о том, что истинная Родина отличается от некой формальной идеи или образа, и, тем более, Родина отличается от того, чем является власть, у которой есть средства для того, чтобы диктовать всем, что является формально-официозной Родиной.

Власть сходит с ума от неограниченной возможности духовного насилия над верноподданными, заставляя всех признать в имидже власти то, чем должна являться Родиной. Чаадаев - кто он как личность? Важно понять этого мыслителя как особый тип личности. Во всяком случае, я думаю, очень важно понять реальные черты личности этого мыслителя. При этом, важно отметить, что это эпоха российской культуры, эпоха формирования новой ментальности, нового типа личности, возникающей в России, в российской культуре начала девятнадцатого века. И далее, исходя, из этих результатов, будут формироваться после-

дующие характеристики культуры России второй половины и завершения двадцатого века. Есть сведения, что он участник Бородинского сражения, но почему-то нет его воспоминаний об этой битве, но я лично не встречал его воспоминаний о войне и Бородинском сражении, хотя понятно, что такое сражение должно было остаться в его памяти. Очевидно, что он эмоционален, но сдержан. Возможно, во многом он противоречив и непоследователен, но в нём есть искренность поиска некоего особого важного для него смысла России. Он искренен, но пытается это не показывать. Он образован, но нет, не чувствуется в нём широкого системного образования. Он пытается самостоятельно понять истины, которые он по-своему предчувствует. Религиозный детерминизм русской культуры, отмеченный Чаадаевым, проявляется в склонности русских всё воспринимать более на веру, нежели осмысливать это рационально критически.

Русский философ Иван Ильин в эмиграции писал: «В чужой стране, далеко от родных пределов, исстрадавшиеся и утомленные, но не забывшие и не разлюбившие, собираемся мы здесь, отторгнутые сыны, живые обломки нашей чудесной и несчастной России. Собираемся для того, чтобы сказать друг другу, что мы – по-прежнему ее верные сыны; что по-прежнему мы ею живем и дышим; и что алтари ее будут святы в наших сердцах до последнего нашего земного вздоха...».

Уходом от борьбы с властью была эмиграция, люди не добровольно покидали Родину, потому что понимали, что новая власть их просто уничтожит. И можно полностью согласиться со следующим положением русского философа Ильина И., высказанных в его работе «О России. Три речи»: «Воистину не от человеческого произволения зависит иметь Родину или не иметь ее, оторваться от нее или переменить ее. Одни хотели бы уйти и не могут; дру-

гие хотели бы приобрести ее и знают, что для этого сделать... Здесь могут не помочь ни усилия сознания, ни решения воли; здесь может обмануть и мечта, и всякая бескрылая теория; и быт здесь не свяжет, ибо к быту можно привыкнуть; и даже начало расы и крови не сможет сказать здесь последнего, решающего слова».

К сожалению, русская интеллигенция существует в отрыве от народной русской культуры. Вместо западного рационализма в России доминирует активное смирение с абсурдом, который чисто по-русски рассматривается как испытание. Вместо европейского индивидуализма в России доминирует личность, подавленная или даже раздавленная общегосударственными идеалами и нормами. Это не означает, что нет других типов личности, есть и бунтари и сумасшедшие, но доминирует количественно личность с установкой на безразличие к большинству принципиально важных вопросов современного бытия. Такая личность вынуждена уступать перед активными, но аморфными групповыми ценностями. В этом есть и некое добровольное самоунижение, отказ от своего права бороться за то, что ты личность. Общинное сознание может приводить к тому, что личность растворяется, принимает аморфные формы в некоем аморфном социальном фоне.

Постсоветская ментальность - формирование нового типа ментальности, в котором происходит выход, осуществляется переход из старых канонов обостряет проблему самоидентификации, проблему определения новых методов и парадигмы мышления в целом, поэтому современные проблемы русской культуры ещё более сложны, чем прежде.

Родину можно рассматривать как особую духовную ценность. В таком подходе аксиология Родины предполагает рассматривать Родину как ценность, как ценность некоего исключительного, особого порядка. Что это за цен-

ность? Родина – высшая смысловая ценность? Такой попыткой понимания является и выставка «Неизвестная страна художников». Это выставка может быть рассмотрена как взгляд народа на власть. И, с другой стороны, как пробник реакции власти на существующие свободы в российском обществе. Власть представлена на выставке образцами В.В. Путина, Д.А. Медведева и многими другими представителями политического истеблишмента. Изображения, экспонаты, инсталляции имеют некий особый смысл. Согласен, что: «для архаичного общества любое изображение имеет сакральный смысл».²³

Интересны размышления Марка Липовецкого, концентрирующего проблему «Кто убил Веничку Ерофеева? Трансцендентальное как проблема», он пишет: «Советский опыт воспринимался в 1970-е годы (и до сих пор воспринимается) многими как искажение некоего «нормального» пути русской культуры, для одних представленного классикой XIX века, для других – модернизмом 1910–1920-х годов и как подмена истинных «трансцендентальных означаемых» их симулякрами. Из такого восприятия рождается соблазн возвращения к «неискаженным» траекториям, ставший источником многих иллюзий как неофициального, так и позднесоветского искусства. Вот почему новое, неофициальное и нонконформистское искусство, рождавшееся в 1970-е годы, довольно часто сочетало деконструкцию советского мифа с особым родом интересом к трансцендентному».²⁴ Трансцендентальность как уход, как отстранённость есть некая методика антифилософского

²³ <http://sib.fm/columns/2012/05/03/bitva-za-rodinu-v-kraju-nepuganykh-idiotov>

²⁴ Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. - М.: НЛЮ, 2008, с. 285-325.

свойства. Русский человек применяет метод ухода в русское пьянство.

Уход в русское пьянство – особая философская проблема, в семидесятые, восьмидесятые кому-то казалось, что в такой социальной позиции была свой духовный протест, своя духовная революция. Уход был формой почти бессильного протеста. Сегодня больше бежать некуда. Долготерпеливый традиционализм и консерватизм ментальности русской культуры парадоксально сочетается с подчас неожиданным проявлением революционизма, реформизма, неожиданного новаторства и спекулятивных инноваций. Полёт в таком случае превращается в постоянное уклонение от курса, от планомерного движения вперёд. Важно, сохранять спокойствие духа и чувство разума, не упускать тот смысл, который один на всех, который позволяет смотреть на других не как на врагов.

Если смыслы и виртуальны, то реальность все же не должна быть лишена смысла. И политика как область реализации смысла становится всё более пристальным объектом внимания исследователей самых различных направлений. Это означает тот факт, что ментальность общества становится способной удерживать в конструкции современного мышления смысл власти, смысл политики как важный и значимый объект дискурса. В России, по всей видимости, заканчивается время профанации смысла власти.

Положительной стороной русской культуры парадоксально является её многообразие, но в результате этого создаётся эффект будто она лишена целостности, определённости, в ней доминирует неопределённость над определётельностью. Множественность возможных вариаций русской культуры приводит к феномену её незавершённости, неустановленности, неоконченности. Иерархия её духовных ценностей словно бы находится в процессе какого-то

исторического дрейфа, но этот процесс вновь и вновь воспроизводит нечто достаточно одинаковое, устойчивое. Такая парадоксальная логика развития культурного многообразия русской культуры приводит к принятию.

Говоря о будущем, необходимо отметить сложный парадокс свободы и неопределённости русской культуры. Русская культура во многом сформирована таким фактором, который можно назвать ощущением свободы, свободности. Но эта черта определяет, может быть, и некоторую необязательность в самых различных сферах проявления. Но, с другой стороны, именно эта неустранимая воля к свободе и соответствующая ей неопределённость приводит к принятию догматически-ортодоксальных форм чужой идеологии, духовности, религии, философии. В этом, словно бы, проявляется боязнь той же свободы и неопределённости. Принятие, нетворческое использование чужих форм культуры есть некий условный приём, необходимый для псевдореального обозначения границы признанной нормы культурности, по отношению к которой устанавливается внутренняя свободная, открытая, живая неопределённость собственной культуры и духовности в целом. Влечение к свободе связана со страхом её обретения, так как свобода предполагает ответственность и независимость. Такой психиатрический парадокс должен быть преодолён.

Состояние неопределённости есть сложное и противоречивое состояние, нахождение в нём порождает тревожность, страх, переживание и размышление о дне грядущем, о будущем. Неопределённость во многом порождает растерянность. Свобода на пути в неопределённость должна пугать, и она, действительно, пугает. Но идти вперёд надо, будущее придёт само, и если мы не будем готовы к нему, возникнет диспропорция, которая может иметь негативные последствия.

Глава 2. НЕКОТОРЫЕ ИДЕИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Борисова Т.В., Степанова О.С.

2.1. ГЛАМУР – “КУЛЬТУРА” ЧЕЛОВЕКА МАССЫ И ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Известно, что обретение и умножение богатства сопровождает становление и эволюцию любой цивилизации. В современном мире прирост богатства приобрел невиданные масштабы благодаря имеющимся мощным технологиям, интеллектуальным средствам его получения и ориентации общества на вещизм и стяжательство. Сегодня именно логика производства богатства выступает некой экзистенциальной основой, объединяющей конкретные общества в разных регионах мира, те общества, которые вступили на путь перехода от промышленных к компьютерным технологиям, от книжной культуры к посткнижной, от внешней реальности к компьютерной. В этом пространстве всемирного производства богатства как-то постепенно рассеялось «скромное обаяние буржуазии», о котором так прекрасно поведал культурной общественности знаменитый Луис Бунюэль в своем одноименном фильме. Но свято место пусто не бывает. Поэтому на смену «старому, доброму» капитализму пришел иной глэм-капитализм, социум, в котором одним из главных ресурсов и источником капитала становится гламур. Так что же это за таинственное и манящее явление, которое называют «гламур»?

Сегодня гламур настолько прочно вошел в нашу жизнь, что о нем не пишет только ленивый... Многие по-

нимают его на уровне интуиции и не могут отличить от учтивой куртуазности или светскости. Приведем краткий перечень существующих в общественном сознании определений гламура: шик, роскошь, красота, ухоженность, блеск, эротизм, сексуальность, изящество, очарование... этот список можно продолжать и продолжать. Обратимся к модной ныне Википедии, которую считают свободной энциклопедией.

Английское слово *glamour* возникло в средние века как вариант к *grammar* «грамматика», «книга», заимствованного из фр. *grammaire* (развитие значений такое: грамматика – сложная книга – книга заклинаний – колдовство, заклинания – чары, очарование; ср. также фр. *grimoire*, рус. гримуар «книга заклинаний», того же происхождения). Им в средние века обозначали разные проявления учености, в том числе оккультные практики, которые ассоциировались с грамотностью. Кстати, в Оксфордском университете до сих пор есть должность профессора of *glamour* (грамматики).

Первые фиксации слова «гламур» в русском языке отмечены в 1997 году, однако широко распространенным оно стало с 2005 г. Этого понятия еще нет в академических словарях, даже Word до сих пор подчеркивает красной волнистой линией это слово как слово с ошибкой. О гламуре знают не всё, но все.

В целом складывается впечатление, что гламур «ризомной матрицей пронизывает все сферы общества, позиционируя себя как метафизическая всеобщность. Когда вся мировая эстрада перестает быть эстрадой, а превращается в фабрику звезд», производя однодневки для конкурсов красоты и подиумов – это влияние гламура. Когда холодной зимой встречаешь молодых девчонок с разноцветным пирсингом на голом животе – это влияние гламура. Когда фраза рекламного слогана: «Жизнь удалась!» блестит на

фоне иномарки и банки черной икры – то это все влияние гламура.

Гламур, проникая во все сферы жизнедеятельности человека становится менеджментом всего: экономики, политики, культуры. Он проник даже в храм науки, сделав ее поверхностной и развлекательной. Так что же это за явление гламур? Внешняя презентация культуры в себе и себя в культуре или новая контекстуальность, возникающая как ответ на вечную неудовлетворенность миром? А может быть и не надо особо мудрить: гламур – это лишь очередная мода, которая как и всякая мода быстро надоедает и проходит?

Обширная литература, посвященная анализу гламура, часто рассматривает его с позиций концепта повседневности, в которой гламур выступает в аспекте поведенческой культуры как некий изящный стиль жизни для избранных. Лингвистические исследования презентатируют вербально-смысловые коннотации гламура: обаяние, блеск, очарование, богатство и др. Но лингвистические «игры» с определениями понятий гламура лишь расширяют пространство интерпретационного поля, высвечивая в нем семантические структуры. Но эти структуры методологически не приводят нас к «дому бытия» М. Хайдеггера и даже не вытягивают на уровень нарративного знания Ж.-Ф. Лиотара, которое, по его мнению, передает набор прагматических правил, конституирующих социальную связь. Прибавим к сказанному существование многочисленной публицистики бумажного и электронного формата, где гламур позиционируется в оценочно-морализаторском ключе. Справедливости ради заметим, что сквозь толщину написанного о гламуре эпистемологическим лучиком осторожно высвечивается теоретический вывод: в современном мире гламур **конституирует и конструирует жизнь человека**. Этот вывод расширяет смысловое поле гламура, переме-

щает его с характеристики только как эстетического на уровень метафизических и онтологических оснований, что в свою очередь позволяет прояснить онтологический потенциал гламура, который он позиционирует в многочисленных практиках собственной экспансии.

Предложенный ракурс гламура интересен тем, что за его развертыванием угадывается многопанарамный социокультурный процесс, анализ которого позволит ответить на сложные вопросы, ответы на которые пока существуют лишь в форме вербальных фиксаций, отражающие конкретный ряд событийных очевидностей, зафиксированных многими исследователями, как явления гламура. Что является стержневой основой гламура? Какими факторами обусловлена его масштабная экспансия? Почему экспансия гламура обесценивает идею информационного общества? Почему в бытии гламура присутствует только молодость и отсутствует смерть? Почему гламур столь агрессивен, нетерпим и жесток? Эти вопросы можно продолжать бесконечно.

Как известно, любое вопрошание порождается некоей неизвестностью, скрытой тайной, обнаружение которой формирует любую проблему. Для нас проблемой исследования является: содержание и определение границ возможностей бытийствования гламура в социуме. Бытийствование – это поиск бытия, нахождение вечного того, что всегда отсутствует, того, что нам недостает. А поиск бытия – это поиск тех оснований жизни, прикоснувшись к которым человек находит в себе силы для преодоления враждебности мира и возможность почувствовать себя «светом этого мира». Многообразие бытия проявляется через сущее, в рамках которого взаимодействуют природное и культурное, телесное и духовное, научное и техническое, явное и скрытое. Перечисленное существует в аспекте его

причастности к бытию, поэтому анализ гламура, как существа, возможен только в данном аспекте.

Теперь попытаемся ответить на поставленные выше вопросы.

– Стержневой основой гламура является господствующий сегодня количественно и энергетически человек массовой культуры. Ему доступен достаточно обеспеченный уровень жизни (квартиры, автомобили, отдых на море, красивые и достаточно дорогие вещи, присутствие на концертах шоу-бизнеса и стадионах, стандартное тестовое высшее и средне-специальное образование, “воспитывающее цивилизованного потребителя” и др.), однако, ему недоступны высокие культура и искусство, у него нет тонкой душевно-духовной организации. Их он просто “не замечает” в силу отсутствия соответствующего душевно-духовного и интеллектуального воспитания и образования. Человек массы доволен собой, он достиг всего, он живет в удобствах и красоте, он внешне безупречен. Его энергия тратится, поглощается полностью предлагаемым неисчерпаемым разнообразием предметов удобства и роскоши, поставляемым производством техногенной цивилизации. Человек массы (субъект гламура) и техногенная цивилизация созданы друг для друга.

– Масштабная экспансия гламура обусловлена следующими факторами.

а) Всякая система стремится к устойчивому состоянию. Сегодняшний “глэм-капитализм” обеспечивает себе это массовым производством “красивых” товаров и услуг и, соответственно, большим количеством людей, имеющих приличный уровень доходов и заработной платы. Деньги среднего класса обмениваются на красивые товары и услуги, и, соответственно, появляются гламурные люди. Эти процессы “разогревает” и усиливает массовая глянцево-гламурная пресса.

б) Государство одобряет и поддерживает эти процессы, т.к. интенсивная забота большого количества людей о своей “безупречности” отвлекает их от участия в решении более сложных человеческих проблем (повышения уровня культуры, национальных и экологических, войны и мира, наркобизнеса и др.).

в) Истинное душевно-духовно-интеллектуальное развитие требует индивидуального подхода и спокойной, неторопливой сосредоточенности, большого кропотливого труда. Такой путь неприемлем для человека массы. Ему надо “все сразу и сейчас”.

– Экспансия гламура обесценивает идею информационного общества в том смысле, что подавляющее большинство высоких технологий и их результатов употребляется на расширение поля ложных ценностей; гламур, оснащенный передовой технологией, все больше обретает уверенность в том, что он и есть “пуп Земли”, что он является вектором и целью развития общества. Что на самом деле не так. Экспансия гламура в условиях информационного общества отвлекает человека от истинных, достойных целей культурного развития в сторону совершенствования души, духа, интеллекта и тела. Экспансия гламура “консервирует” общество на стадии внешне привлекательных рассудочных животных.

– В бытии гламура присутствует только молодость и отсутствует смерть потому, что в его мироощущении нет истинного, адекватно осмысленного видения человека в его развитии от ребенка и до ухода в другой мир. Все, кроме молодости, красоты и силы, для гламура не существует. В этом и заключается ущербность мироощущения гламура, не способного создать даже свое мировоззрение, где по определению должны присутствовать интеллект и здравый смысл.

– Гламур агрессивен, нетерпим и жесток опять-таки по вышеизложенным причинам. Он абсолютизирует свойства только молодых организмов в соперничестве между собой. Он выносит за скобки своего существования огромный спектр других ценнейших отношений между людьми (сострадание, любовь, нежность, ласковость, внимание, дружбу и взаимопомощь от отношения к детям, отцам и матерям, младшим сестрам и братьям, бабушкам и дедушкам, к старикам и людям с ограниченными возможностями)

Определив таким образом смысловое поле гламура, мы выполняем две важные эпистемологические задачи. Сущее понимается как отражение мира чувственно-материальных вещей и отношений в аспекте онтического.

Различие онтического и онтологического вводит М. Хайдеггер в связи с различием сущего и бытия. Онтический аспект характеризует существование конкретно-сущего, а онтологический план существования указывает на бытие сущего, т.е. на то, что дает возможность данному сущему быть таким, какое оно есть. Во-первых, включив гламур в «ситуацию сущего», мы переведем его анализ на уровень философской рефлексии (не игнорируя при этом исследовательские задачи культурологической парадигмы). Во-вторых, сможем выявить исторические истоки гламура в единстве предметно-чувственной стороны бытия, со всей «жизненной сферой» человеческого самосознания, аккумулирующей все стороны социального бытия, во всем многообразии отношения человека к миру.

Гламур, в контексте сущего, имеет свою историю. Заметим, что историческое появление гламура, начало его победоносного шествия (пока лишь в качестве художественного стиля) удивительным образом совпало с той социо-культурной ситуацией, когда развитие европейской цивилизации начинает приобретать все более техногенный

характер. Как известно, цивилизация как историческая форма организации общественной жизни, проявляет себя в способах упорядочения вещной среды и в способах вещного оформления общественных отношений людей. И хотя цивилизация обнаруживает себя в характере и содержании любой деятельности человека (научной, художественной, производственной, политической, повседневной и др.), но, тем не менее, для всех феноменов цивилизации важно их проявление в материально-структурных особенностях вещно-предметной среды. Именно поэтому разные цивилизации отличаются той предметной средой, которую они создают и в которой протекает жизнь человека.

Направленность и усиление техногенного фактора в Европейской цивилизации связаны с наступлением второй промышленной революции (изобретением машины и парового двигателя), которая осуществила новый качественный скачок в развитии производительных сил, что привело к рождению индустриального общества, к появлению рынка товаров, труда и капитала. Возникло капиталистическое общество. Именно в его рамках четко проявилась структура «культурно-генетического кода», в котором «культурные матрицы», нечто типа генома. Они обеспечивают воспроизводство и развитие социальной жизни на определенных основаниях.

Рассмотрим содержание этих матриц и их влияние на появление и развитие гламура, как социального явления. В структуру матриц включены идеи, система ценностей, картина мира, поведенческие ориентиры, артефакты – все то, что может варьироваться и модифицироваться, сохраняя при этом общие признаки в качестве глубинного инварианта, характерного для конкретного типа цивилизационного развития. Одной из матриц, которая определила мировоззренческую направленность техногенной цивилизации

выступает идея преобразования мира посредством подчинения человеком природы. Как сформировалась эта идея?

Человек, как известно, не является завершенным существом. Природа, развив его до определенной точки, оставила наедине с самим собой. В этой ситуации у человека есть два варианта выбора: либо продолжать собственное развитие путем совершенствования внутренних свойств, либо остаться до смерти таким, каким он родился, но совершенствоваться за счет изменения “аппаратуры”. Как известно, человек выбрал ситуацию антропосоциогенеза, онтологическим основанием которого выступило преодоление (компенсация) собственной изначальной неспециализированности. Так как человек по природе своей не занимает строго определенного места, он постоянно обречен, как верно замечает философский антрополог Хельмут Плеснер [1] на бесконечный поиск преодоления собственной неспециализированности, путем создания Своего мира. Но существует внешний мир – это единственный мир природы, человек делает его своим преобразовывая по собственному усмотрению, опираясь при этом на могучую силу, дарованную антропогенезом – рефлексивное сознание, которое формировалось в процессе предметно-практической деятельности. В рамках этой деятельности человек использует как естественные орудия – силы природы (ветер, вода, огонь), так и искусственные орудия труда. В их производстве возникают первичные техники, как процедуры постоянного повторения приемов и правил в поиске средств достижения конкретных целей. В этих поисках формируется сначала стихийная саморефлексия над техникой, как средство, защищающее от природы, путем приспособления себя к природной среде. Здесь техника выступает лишь инструментом компенсации собственной скудности, инстинктивного приспособления к природе.

По мере усложнения практической деятельности формируется новый технический способ освоения природы, приспособление *природы к себе*, универсализация которого саморефлектировалась в идее господства человека над природой. Отметим, что технический способ освоения природы первоначально не носил ярко выраженного агрессивного характера. Плановое вмешательство в природу, ее приспособление к потребностям человека, выступало скорее в проективном аспекте. Как учебно-объяснительный способ такой организации мира, где соединялось в нераздельное целое конкретная операция над исходным продуктом, целевые установки по созданию конкретного продукта, включенность накопленного опыта. В проектном способе организации мира формы рефлексивной деятельности все более усложнялись. Ведь для того, чтобы сделать и воспроизвести однажды выполненное действие надо продумать, осознать каким образом это действие описать и сформулировать в виде приложения к конкретному целевому акту деятельности.

Разнообразие форм рефлексивной деятельности, их практические возможности детерминировались индивидуальными особенностями человека. Ситуация все возрастающей индивидуализации человека, развертываемая посредством рефлексивного сознания, своим следствием получает многовариантность бытия, с его возможностями выбора. Так появляется еще одна матрица техногенной цивилизации – автономная личность. В исторических условиях авторитарного государства автономная личность переносит практики авторитаризма на свои отношения с природой. Так возникает вариант технического освоения природы – вариант войны, агрессии к природе. Отношения с природой рефлексивно осознаются, как овладение ее богатствами, это отношение исторически закрепило в

культурной норме, существование которой поддерживалось и обновлялось.

В последствии соединившись с матрицей власти, матрица войны с природой сформировало идеологию технократии и экспертократии. Технократия и экспертократия формируют такое мироотношение, в котором овеществленная воля техники задает культуре технологический императив по отношению к природе. Суть этого императива – природа есть только сырьевой материал и больше *ничто*. Если раньше, в рамках существующей оппозиции: природа – культура скрывалась возможность «игры с природой» по сценариям Я – Другое или Я – Чужое, то в техногенном мироотношении данная возможность растворяется по меткому замечанию М.Хайдеггера в «забвении бытия». В пространстве забвенного бытия природный мир загоняется в резерваты – заповедники, национальные парки, зоопарки, красные книги, где природный мир начинает существовать как символический экспонат [2].

С другой стороны, в этом пространстве рассеивается способность человека различать удовольствия и радость, так как эта способность по мысли Конрада Лоренца определяется природной основой человеческого существования [3]. Разрыв природы и культуры стал одной из причин распада единства в гармонии предметно-вещной среды. Это единство поддерживалось вхождением вещи в ансамбль предметного мира, в котором вещи имели «интимное» отношение к человеку. Теперь, в процессе ускорения потребления вещей, они, не успев прижиться у владельца, изнашиваются не только вещественно, но и символически, в итоге вещь превращается в ничто... Но ничто основание для потери родовой сущности человека «когда наше бытие продвинуто в Ничто... мы становимся заместителями Ничто, мы становимся конечной матрицей» считает М. Хайдеггер [4].

В современном обществе символизация не только ведет к осознанному идеалу потребления, но и формирует всеобщность поведенческой модели, направленную на конструирование вещи, человека, мира в целом. Ведь символ одновременно есть *образец*, конституирующий методологическую установку на потребление и *базовая операция*, которая формирует меру потребления и образ мира. В итоге соединение символа с технологизацией общества приводит к тому, что техника проникает в область осознанного видения (как действовать, что получится в результате, как жить в соответствии с этим). Это окончательно приводит к растворению культуры в технике и появлению «третьей» природы – искусственной техносферы, в которой человек всегда имеет дело, не с *данным* объектом, а с *заданным*, то есть сконструированным объектом.

Именно в пространстве техносферы гламур окончательно из явления стиля культуры превращается в объект техносферы, конструирование которого определяется метафизическим основанием жизни. Так как понимание воспроизводства жизни как природного процесса не включено в пространство техногенного общества, то основанием жизни становится идея бессмертия. В культуре человечества эта идея не нова: например, реальное воплощение она получила в образе Голема или в образе Франкенштейна, героя известного романа Мэри Шелли «Франкенштейн или Современный Прометей». Всеобщность техники и технологии при условии разрыва культуры и природы приводит к необходимости конструирования идеи бессмертия, которая трансформируется в *квазиматериальное* бессмертие (клонирование, замена, или искусственное конструирование частей тела). В данном аспекте гламур представляется не культурным, а техногенным способом вхождения в мир и существования в нем. Например, человек гламура вечно молод, не имеет родителей, мерцает на фоне безликих, но

многочисленных друзей [5]. Он существует только в пространстве, а не во времени. Это и понятно, так как биологический вид жизни – процессы с памятью, а память техники – оперативная и не имеет предшественников, поэтому в гламуре, как техногееном способе существования, отсутствует детство. Дети презентатируются как символы взрослых, или в качестве реборна – знака живого ребенка. Отрыв от природной основы приводит к новому осмыслению телесности: тело не представлено, а сконструировано полностью или частично. Например известная представительница современного российского гламура – Ирэн Феррари имеет самую большую в России силиконовую грудь, Кристина Рэй сделала более ста инъекций ботокса в губы, раздвоила язык и сделала эльфийские уши, Олеся Малибу (Кожевникова) полностью сконструировала все значимые части тела. И таких примеров много. Таким образом, гламур как сущее, в современном мире позиционирует содержание техногенного общества, а на метафизическом уровне является способом представленности третьей природы.

И в заключение.

Опасность “потери”, ухода от своей истинной сущности для человека заключается в следующем.

1. Это “остановка” развития на этапе человека массы и массовой культуры, когда устремленность к изобилию красивых вещей и к комфортным условиям жизни, к стяжательству и власти “заслоняет” возможности перехода к этапу собственно человеческому, т.е. всестороннему развитию душевно-духовно-интеллектуальных сил и возможностей, ведущему к обобществившемуся человечеству, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех, когда каждый человек будет обладать физическим совершенством, нравственной чистотой и всесторонним душевно-интеллектуальным потенциалом.

2. Увлечение успехами техногенной цивилизации без надлежащего развития “человеческого фактора”, ведущего к истинному достоинству человека, может “замкнуться” в гламуре, в ложной цели человеческого существования, надуманной человеком массы.

Список литературы

1. Плеснер Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 128 (96–151)
2. Конев В.А. Мир культуры и мир Бытия // Высшее образование в России. №6, 2001. С. 56.
3. Подробнее см. Конрад Лоренц Тепловая смерть чувства // Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. Ульяновск, 2008. С. 31–40.
4. Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге. М., 1991.
5. Степанова О.С. Концепция личности в «философии» гламура // От неразумия к разумию через самопознание и самосовершенствование: кол. монография, отв. ред. В.И. Иванов. – Вып. 11. Красноярск: «Литера-принт», 2011. С. 168.

Арлычев А.Н.

2.2. СОЦИАЛ-ГУМАНИЗМ КАК ВАРИАНТ ОБУСТРОЙСТВА БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА

Часть 1. О необходимости новой стратегии в левом политическом движении современной России

В связи с анализом труда К. Маркс в «Капитале» пишет: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально»²⁵. Приведенные слова Маркса, фактически, указывают на главный отличительный признак сознательной деятельности человека по сравнению с инстинктивным поведением животных. Поведение животного носит односложный характер: оно представляет собой лишь совокупность объективно обусловленных врожденным генотипом материальных действий. У человека отсутствует объективно заданный генотип для реализации его сознательной деятельности, а потому она у него носит двойственный характер: с одной стороны, включает субъективно-идеальные действия, состоящие из процесса познания и создания идеальной модели будущего прототипа, с другой, субъективно-объективные действия по реализации идеальной модели в материальный прототип. Эти, на первый взгляд, кажущие-

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.. С. 189.

ся тривиальными, приведенные суждения дают о себе знать всякий раз, когда у нас что-то не получается в решении каких-либо практических задач. И очень часто причиной этому оказывается то, что либо мы не придаем должного значения самому факту создания идеальной модели для своих практических действий, либо на практике мы руководствуемся такой моделью, которая не адекватна поставленной цели и тем задачам, которые необходимо было бы решать.

Подобные несогласования идеальной модели с практическими действиями могут возникать и часто возникают в любой сфере человеческой деятельности, не составляет исключения и деятельность политических сил, направленная, скажем, на решение таких кардинальных задач, как создание нового социально-общественного строя, призванного во всех отношениях превзойти прежний общественный уклад. По моему глубокому убеждению, все промахи и существенные просчеты строительства нового общества в нашей стране, начиная с 1917 по 1985 гг., затем с 1985 по 1991 гг. и, наконец, с 1991 года по настоящее время, проистекают в основном по одной той же причине. Общим и главным недостатком для всех этих попыток переустройства общества является как раз то, что ни одна из них на момент практических действий не имела глубоко продуманной научно обоснованной адекватной идеологии (иначе говоря, идеальной модели будущего общества), способной четко направлять политическое движение в соответствии с ее целевыми установками.

Так, после того, как партия большевиков во главе с В.И. Лениным в октябре 1917 г. пришла в России к политической власти, перед ней во весь рост встал вопрос социалистического строительства. Но надо прямо сказать, что на данный момент эта партия не располагала не только сколько-нибудь убедительной научно обоснованной моде-

люю социалистического общества как некой целостной системы, но, как мне представляется, в ее распоряжении не было даже до конца теоретически выдержанной общей идеологической установки конечной цели построения общества будущего. Нельзя сказать, что такой установки вообще не было, она была и, как хорошо известно, ее основанием служила так называемая теория научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса. Согласно этой теории, конечной целью политического движения является построение коммунизма, говоря точнее, установление в обществе коммунистической социально-экономической формации. Главный акцент делается на экономику, предполагается, что это будет общество, базирующееся на общественной собственности на средства производства. И что именно при таком экономическом укладе исчезнут характерные для частнособственнических формаций такие сопровождающие их негативные признаки, как отчужденность труда, эксплуатация человека человеком, классовое угнетение и т.п. Отчужденный труд преобразуется в свободную сознательную деятельность человека, и превратится для него в первую жизненную необходимость, когда на смену эксплуатации и классовому угнетению придет общество, в котором, по выражению Маркса, свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех. В политическом аспекте основоположники научного коммунизма утверждали, что в этом обществе должно исчезнуть государство и управление в нем должно носить характер общественного самоуправления.

На мой взгляд, в соотношении этих двух тезисов заключено внутреннее противоречие, а именно статус общественной собственности исключает самоуправление, а самоуправление в свою очередь никак не согласуется с общественной собственностью. Если мы говорим, что в этом обществе наличествует общественная собственность, то

она, как и любая другая собственность, предполагает три вида отношений людей к вещам (в данном случае к средствам производства): отношение владения, распоряжения и пользования. Возьмем первое отношение – отношение владения. В условиях частной собственности вещь владеет частник, при коллективной – коллектив, в условиях же общественной собственности ею должны владеть все члены общества, а если учесть, что при коммунизме не будет государства, тогда владельцем средств производства окажется человечество в целом. Спрашивается, возможен такой тип владения собственностью или нет? По всей видимости, нет, ибо в этом случае она оказывается, попросту говоря, ничейной. А если она окажется ничейной, то надо ли говорить, вообще, о собственности в будущем обществе. Правда, остается еще два отношения: отношение распоряжения и пользования, но тогда возникает вопрос, можно ли их реализовать применительно к ничейной собственности? Наверное, можно, но в таком случае должен функционировать, так сказать, общечеловеческий институт управления, а распорядительную функцию при нем может исполнять ни кто иной, как то самое «пресловутое» государство, только в данном случае оно должно охватить все человечество. А по определению в будущем обществе никакого государства не должно быть, оно должно существовать в форме всеобщего самоуправления, которое в принципе исключает государство, а заодно и присутствие в обществе всякой собственности. Об общественной собственности, таким образом, в этом обществе можно говорить только как о метафоре, а никак о реальности, ибо у собственности должны быть обязательно владелец и распорядитель. А ими могут быть либо частник, либо коллектив (например, первобытная община), либо ничейной собственностью должно распоряжаться государство, как это было, например, в нашей стране в так называемый советский пе-

риод. Из трех типов отношений собственности остается только один тип – отношение пользования, однако без двух первых отношений оно теряет всякий смысл собственности, животные, например, вне отношения собственности совершенно спокойно пользуются всеми возможными благами природы.

Неопределенность в постановке вопроса о собственности, ставка на некую ее метафору, общественную собственность, отрицательно скажется при конкретизации всех основных пунктов модели будущего общества поначалу в теоретических работах у самих К. Маркса и Ф. Энгельса. Позже же это рикошетом отзовется на понимание будущего общества их последователями и в первую очередь на дальнейшую разработку этой модели В.И. Лениным, когда он накануне и сразу после Октября 1917 г. окажется перед фактом ее практического воплощения в реальную жизнь.

В «Критике Готской программы» К. Маркс впервые говорит о двухступенчатом переходе к коммунизму, речь идет о двух фазах коммунистической формации: первой фазе, которую Ф. Энгельс, а вслед за ним и все другие марксисты назовут социализмом, и второй фазе, собственно коммунизме. В связи с этим с неизбежностью встает вопрос о принципиальном различии этих двух фаз по двум главным пунктам – в экономике и политике. Маркс в этой статье указал на экономическое различие, но только в сфере общественного распределения материальных благ. При первой фазе блага будут распределяться по принципу: от каждого по способностям, каждому по труду, – а при второй фазе: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Это различие, безусловно, имеет важное значение, но оно затрагивает только социальный аспект экономики, не касаясь непосредственно главного, ее ядра – отношения собственности. Надо прямо сказать, что вопрос о различии отношения собственности при двух фазах ком-

мунизма не только в этой статье, но и вообще классиками марксизма не ставился и, как я считаю, напрасно. Если бы он был поставлен, то ответ на него четко высветил бы всю неопределенность и сомнительность **понятия общественной собственности**. Стало бы вполне ясно, что на второй фазе – фазе коммунизма, – **не только об общественной, но и вообще о собственности как таковой** речи быть не может, а на первой фазе, об общественной собственности если и можно говорить, то только как о государственной собственности. Но тогда проблема собственности решалась бы совсем в другом ключе, а именно, может ли государственная собственность, взятая сама по себе, быть адекватной для первой фазы коммунизма или нет? Такая постановка вопроса в конечном счете смогла бы привести к адекватному решению проблемы о социалистической собственности, а вместе с тем и о социалистической экономике в целом еще за долго до того, как в России произошла социалистическая революция.

Вопрос о государственной собственности применительно к социализму рассматривался классиками марксизма, но опять-таки он ставился под углом зрения незыблемости идеи об общественной собственности, потому она не вызывала никакого сомнения и, соответственно, не подлежала обсуждению, напротив, расценивалась как единственно возможный базис реализации социалистической экономики. Государство, по их мнению, выступает не иначе, как в качестве единственного субъекта общественной (что равносильно в этом случае, социалистической) собственности. Об этом напрямую было сказано еще в «Манифесте коммунистической партии»: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все другие орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий

класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»²⁶. Эту мысль будет затем неоднократно высказывать Ф. Энгельс в ряде более поздних работ. Так, в «Развитии социализма от утопии к науке» он пишет: «Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность»²⁷. Правда, в этой же работе Энгельс высказывает некоторые сомнения по поводу государственной собственности, говоря о том, что сам по себе факт огосударствления собственности еще не может рассматриваться как исключительное условие социализма, что «в последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без оков количностей социалистическим всякое огосударствление, даже бисмарковское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних, несомненно, должны быть, занесены в число основателей социализма»²⁸. Весьма поучительное и меткое замечание Энгельса, высказанное им по поводу государственной собственности как таковой и, казалось бы, это должно было его насторожить и заставить хорошенько задуматься над ее местом и той ролью, какую она призвана играть при социализме. Но этого не произошло и, как я думаю, только потому, что в таком случае надо было бы отказаться от **идеи общественной собственности как изначальной аксиомы теории научного коммунизма**. Вместо этого Энгельс ограничивается малозначительным заявлением о том, что социалистическое огосударствление осуществляет освободившийся пролета-

²⁶ Там же. Т. 4. С. 446.

²⁷ Там же. Т. 19. С. 224

²⁸ Там же. С. 222.

риат в интересах всего общества в противоположность тому, как производят огосударствление эксплуататорские классы в своих корыстных целях. В этом заявлении упущены, по крайней мере, два существенных момента, связанных с государственным управлением как таковым: 1) любым государством управляет чиновничий аппарат, склонный к бюрократизации и коррупции, от чего, по всей видимости, не застраховано в том числе и социалистическое государство; 2) возможно ли весь комплекс экономических и социальных проблем в обществе решать исключительно одними государственными методами управления?

Перед классиками марксизма стоял еще один немаловажный экономический вопрос социалистического устройства общества, это отношение к товарному производству и рынку в условиях социализма. Но, к сожалению, как и любой другой экономический вопрос, он решался ими с позиции **приоритета идеи об общественной собственности** в коммунистической формации. Если исходить из того, что социалистическая собственность возможна только как государственная, причем государство рассматривается как политическое выражение интересов всего общества, то в таком случае социалистическая экономика, по их мнению, является полной антитезой буржуазной экономики, и в результате она не должна иметь ничего общего с экономикой капитализма, где господствует частное предпринимательство и рыночные отношения. Именно с этих позиций основоположники научного коммунизма рассматривают свое отношение к товарному производству и рынку применительно к социалистической экономике. Так, например, в работе «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельс пишет: «Раз общество возьмет во владения средства производства, то будет устранено товарное производст-

во... Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией»²⁹.

Что касается К. Маркса, то он аналогичные мысли, но не так категорично, как Энгельс, высказывает, в «Нищете философии», в связи с критикой Прудона, где речь идет о торговой конкуренции. К. Маркс отрицает торговую конкуренцию в условиях социализма на том основании, что социалистическое производство, по его мнению, больше не будет товарным производством, ибо будет направлено не на производство товаров, а на производство продуктов для непосредственного потребления. На место конкуренции заступит промышленное соревнование, которое отличается от конкуренции тем, что непосредственным предметом соревнования является не товар, а продукт производства. В связи с чем, он высказывает весьма интересную мысль: «Если непосредственным предметом страсти для возлюбленного является женщина, то непосредственным предметом промышленного соревнования будет прибыль. Конкуренция есть торговое, а не промышленное соревнование. В наше время промышленное соревнование существует лишь ради торговых целей»³⁰. Из этой цитаты мы видим, что Маркс отрицает конкуренцию при социализме на том основании, что она сводится к соревнованию товаров и преследует тем самым сугубо торговые цели. Но, при этом, он не отрицает экономическое соревнование как таковое, понимая под этим промышленное соревнование, относящееся непосредственно к повышению количества и качества продуктов производства. Иначе говоря, по Марксу, целью капиталистической экономики является стоимость, целью же социалистической экономики – потребительная стоимость. На мой взгляд, это весьма продуктивная идея, но она тре-

²⁹ Там же. С. 227.

³⁰ См.: Там же. Т. 4. С. 161 и др.

бует существенного уточнения, а именно, необходимо четко обозначить, кто является субъектом этого соревнования. При капитализме в роли торгового субъекта соревнования выступает бизнесмен-предприниматель, при социализме в роли субъекта промышленного соревнования, по всей видимости, должно выступать социалистическое предприятие. Но предприятие эту роль сможет выполнять только в том случае, если оно будет иметь независимый от государства свой собственный экономический статус, иначе говоря, если полноправным хозяином и собственником в данном случае будет не государство, а само предприятие. Тут-то мы и приходим к мысли, что в социалистическом обществе одновременно и вместе с государственной собственностью должна функционировать коллективная собственность предприятий. Но в таком случае надо в корне пересмотреть взгляд на социалистическую собственность как таковую и, прежде всего, отказаться от **пресловутой идеи общественной собственности**, чего Маркс, к сожалению, позволить себе так и не смог.

В работе «Критика Готской программы», написанной в более поздний период, Маркс еще плотнее сближает социалистическую экономику с экономикой капитализма. Анализируя механизм обмена продуктами между производителями в социалистическом обществе, он приходит к мысли, что этот механизм будет во многом напоминать капиталистический механизм товарного обмена: «Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому что

при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления». И далее: «Но что касается распределения последних между

отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количества труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой»³¹.

Таким образом, Маркс допускает, что при прямом обмене продуктами в основе лежит тот же принцип, что и при товарообмене – принцип стоимостного эквивалента. Но если это так, то возникает вопрос, возможен ли вообще эквивалентный обмен между продуктами без эквивалентного посредника, роль которого могут выполнять только деньги. Если исходить из практики обмена продуктами, как он зародился на заре человеческой истории, то совершенно очевидно, что подобный эквивалентный обмен точно так же, как и стоимостный обмен при капитализме, возможен только на основе эквивалента-посредника и что появление денег стало жизненной необходимостью такого обмена. Эта истина блестяще обоснована Марксом в первой главе «Капитала». Но если уже на самых начальных стадиях обмена продуктами деньги явились неизбежным атрибутом обмена, то, следовательно, деньги, а вместе с ними и товарно-денежные отношения будут существовать в обществе до тех пор, пока оно вообще будет нуждаться в необходимости эквивалентного обмена продуктами производства. И если, таким образом, Маркс допускает эквивалентный обмен в социалистическом обществе, то следовало бы признать вслед за этим и то, что сопровождает такой обмен – деньги и товар, а значит и товарное производство. Другое дело, что цель и производства, и обмена товаров при социализме должна быть противоположна той цели, какая существует при капитализме: при капитализме ею является стоимостная нажива бизнесмена-предпринимателя, при социализме – повышение материального благосос-

³¹ Там же. Т. 19. С. 18-19.

тояния и развития культурного уровня жизни всех членов общества.

Но чтобы это стало возможным, необходимо прежде всего найти такое решение проблемы социалистической собственности, которая позволила бы в корне пересмотреть саму суть капиталистического товарообмена. Товарообмен при капитализме преследует цель повышение стоимости, он является не чем иным, как оборотом капитала, совершаемого по формуле: деньги – товар – приращенные деньги. При социализме же товарообмен должен быть подчинен количественному росту и повышению качества потребительной стоимости, а потому и совершаться он должен по соответствующей ему формуле простого товарного обращения: товар – деньги – другой товар. Но для этого потребуется в первую очередь сменить в обществе субъекта товарного производства и товарообмена. Эту роль в социалистическом обществе должен исполнять не бизнесмен-предприниматель, выступающий главным образом в качестве финансового инвестора капиталистического производства и обмена и который во многих случаях не имеет прямого отношения ни к производству, ни к обмену товаров, а непосредственно само социалистическое предприятие. Это предприятие, в чем я глубоко убежден, должно основываться на коллективистских началах³². Вероятно, что по характеру деятельности они могут быть не только как производственные, но и как торговые, сервисные и т.д.

³² Эти вопросы мною подробно анализируются в следующих работах: Арлычев А.Н. Каким быть социализму? Владивосток, 1991; он же. Социал-гуманистическое общество – будущее человечества. М., 2009; а так же в моей статье: Современная Россия, обреченность капитализма и перспективы будущего // От неразумия к разумию через самопознание и самосовершенствование. Колл. Монография. Красноярск, 2011. С. 73-164.

Все эти вопросы, главным образом, экономического характера должны были бы быть глубоко осмысленны и теоретически решены идеологами коммунистического движения еще до того, как в России произошла социалистическая революция. Но, к сожалению, как мы видим, эту задачу не смогли до конца последовательно решить основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс. А их ближайшие последователи ее фактически и не решали, их в основном интересовала проблема перехода от капитализма к коммунистической формации, а потому партия большевиков во главе с В.И. Лениным сразу после Октябрьской революции оказалась в наитруднейшем положении.

Эту теоретическую задачу впервые после классиков марксизма будет решать В.И. Ленин, находясь на нелегальном положении в поселке Разлив под Петроградом, где, как известно, он писал книгу «Государство и революция» в самый, что ни на есть, ближайший канун Октябрьской революции в России (июль-август 1917 г.). Уже, исходя из названия этой книги, видно, что ее автор весь комплекс вопросов социалистического строительства после взятия власти большевистской партией сосредоточивает вокруг одной, как он считает, самой главной проблемы – проблемы государства. В ходе анализа вопроса о роли государства в социалистическом обществе, он критикует, с одной стороны, анархистов, полностью отрицавших государство, и с другой – тех европейских социал-демократов во главе с К. Каутским, которые настаивали на сохранении при социализме буржуазного государства. Опираясь на идейные установки классиков марксизма, он, как и они, утверждает, что при социализме должно быть государство нового типа – государство диктатуры пролетариата, при этом, конкретизируя его применительно к тогдашней России, как государство Советов рабочих и солдатских депу-

татов. Именно такого типа государство, как он считает, и должно решать весь комплекс экономических, социальных и всех других проблем социалистического строительства. При раскрытии же экономической стороны дела перед Лениным в этой работе, вообще, не стоял вопрос о товарном или нетоварном производстве, рыночном или нерыночном социализме, не говоря уже о том, надо ли признавать рынок капиталистического типа или, наоборот, типа простого товарного производства. Эти и другие подобные вопросы как бы само собой отпадали, ибо для государственного управления они оказывались совершенно бессмысленными. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к книге, где В.И. Ленин пишет: «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы. Все граждане становятся служащими по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали полностью»³³. В этой же работе он впервые называет главную, по его мнению, функцию социалистического государства – функцию учета и контроля. «Учет и контроль, – пишет В.И. Ленин, – вот главное, что требуется для «наложения», для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества»³⁴.

Такова была исходная экономическая установка В.И. Ленина накануне социалистической революции, которую, по его мнению, требовалось воплотить в жизнь после прихода к власти большевиков. Но оказалось, что именно эту задачу не так-то просто было решить, и он ее решал непрерывно до самой своей смерти в 1924 г., но так до конца и не решил. После смерти В.И. Ленина ее решение приобре-

³³ В.И. Ленин. Полн. Собр. соч. Изд. 5-е. Т. 33. С. 101.

³⁴ Там же.

тет характер непримиримой идеологической борьбы между двумя группами лидеров внутри большевистской партии, и все это будет продолжаться до тех пор, пока, наконец, в начале 30-х годов не будет поставлена окончательная точка И.В. Сталиным и его соратниками.

Весьма примечательно то, что уже во второй своей работе по этому вопросу, в «Очередных задачах Советской власти» (весна 1918 г.), сам В.И. Ленин указывает на истинную причину трудностей ее решения. Он пишет, что буржуазия подобную задачу решала сравнительно легко «... потому, что основной организующей силой анархически настроенного капиталистического общества является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный»³⁵. И далее: «Напротив, главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции, – а следовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России, – является положительная или созидательная работа наложения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»³⁶. Поучительным в данном случае явилось то, что стоило только от теории о планомерном социалистическом обществе перейти непосредственно к практической его реализации, как революционный процесс сразу же столкнулся с невероятными трудностями. Фактически, это явилось первым серьезным симптомом, доказывающим неверность исходных теоретических посылок о социализме как обществе, построенном исключительно на

³⁵ Там же. Т. 36. С. 171.

³⁶ Там же.

планомерно организованной государственной основе при полном отсутствии товарно-денежных отношений.

Что касается России того времени, то она объективно была предрасположена к развитию именно товарно-денежных отношений и росту капитала, причем была страной по преимуществу с крестьянским населением, в которой после аграрной реформы 1861г. господствовала мелкобуржуазная стихия, о чем неоднократно указывал в ряде своих работ сам В.И. Ленин. С этим с самого начала надо было бы считаться и использовать эту объективную тенденцию на пользу социалистического строительства в России, а вместо этого ей искусственно навязывали исключительно государственное управление экономикой. Мелкобуржуазную стихию очень, кстати, можно было бы использовать как экономическую предпосылку для строительства товарного социализма, ибо сутью того и другого является не что иное, как простой товарообмен, только в первом случае в роли субъекта выступает мелкий собственник, а во втором случае социалистическое предприятие. При стремлении же установить государственное управление экономикой мелкобуржуазная стихия стала на пути как главная враждебная сила, которую, как считал В.И. Ленин, надо было преодолеть в первую очередь. А потому его основной экономической задачей в этот период был поиск, с одной стороны, решительных методов борьбы с ней, а с другой стороны, требовалось найти адекватный способ централизованного управления экономикой. Процесс начался с создания так называемых производственно-потребительских коммун³⁷, от которых очень быстро пришлось отказаться, затем в условиях гражданской войны

³⁷ Об этом В.И. Ленин писал в «Очередных задачах Советской власти»: «Социалистическое государство может возникнуть как сеть производственно-потребительских коммун...» (Там же. С. 185).

происходит вынужденный переход к политике «военного коммунизма» и на ее базе образуется централизованное управление экономикой в форме государственных органов народных комиссариатов и, наконец, на третьем этапе провозглашается новая экономическая политика (нэп).

Если поближе присмотреться к этим переходам, то нетрудно увидеть эволюцию взглядов В.И. Ленина на социализм от полного отрицания капиталистической экономики к все более близкому ее приближению. На первом этапе предполагалось, что коммуна должна явиться практическим воплощением идеи основоположников марксизма о свободной ассоциации трудящихся как основе производственной организации при социализме. Коммуна в определенном смысле представлялась антитезой капиталистической форме организации производства. Если для капитализма характерны товарно-денежные отношения, то коммуна должна была базироваться на прямом обмене продуктами производства между производителями. По существу, факт отказа от коммуны можно рассматривать как первое реальное доказательство того, что практика социалистического строительства несовместима с представлением о нетоварном социализме. На втором этапе В.И. Ленин создает систему государственно-социалистического управления экономикой, которая во многом похожа на систему государственного капитализма, и что именно благодаря ее внедрению, как он считал, будет преодолено главное зло для всей социалистической экономики страны – мелкобуржуазная стихия. «В России, – пишет В.И. Ленин, – преобладает сейчас как раз мелкобуржуазный капитализм, от которого и к государственному крупному капитализму, и к социализму ведет одна и та же дорога, ведет путь через одну и ту же промежуточную станцию, называемую «общенародный учет и контроль над производст-

вом и распределением продуктов»³⁸. Здесь уже речь идет не просто об учете и контроле, а об общенародном учете и контроле или, говоря точнее, о государственно-централизованном учете и контроле. При полном отсутствии на этом этапе товарно-денежных отношений его можно расценивать как период создания экономических основ того общества, которое будет окончательно утверждено в нашей стране И.В. Сталиным и его соратниками в 30-е годы прошлого века. Начиная с этого времени, без существенных изменений оно просуществует вплоть до 1985 г., его в наше время называют не иначе, как тоталитарным режимом, а, скажем, К. Маркс, предвидя его появление на начальных этапах формирования коммунистической формации, назвал казарменным (грубым) коммунизмом³⁹.

Что касается третьего этапа – зарождения в России нэпа, – то в этом случае речь идет ни больше ни меньше, как коренном пересмотре В.И. Лениным традиционных взглядов как на переходный период от капитализма к социализму, так и на понимание сути самого социализма. Впервые он об этом заявит в 1921 г. в статье «О продовольственном налоге». Поводом же для такого пересмотра послужило не что иное, как его безуспешная борьба со стихией российского многомиллионного крестьянства. Стихия мелкотоварного крестьянского хозяйства никак не хотела вписываться в систему строжайшего государственного учета и контроля, она, по сути, была помехой и главным тормозом всего процесса социалистического строительства в том виде, как этот процесс понимал Ленин. В экстремальных условиях гражданской войны взаимоотношение Советской власти с крестьянством могли носить и

³⁸ Там же. Т. 3. С. 211-212.

³⁹ Исторический и логический анализ этого общества в нашей стране содержится во второй главе моей книги: Арлычев А.Н. Каким быть социализму? Владивосток, 1991. С. 70-123.

носили характер жесткого давления на крестьян со стороны государства. Именно такой и была в это время политика «военного коммунизма» и продразверстки. Но такая политика не могла продолжаться в мирное время, в противном случае это противоречило бы народному духу социалистической революции. И вот при таких обстоятельствах ему ничего другого не оставалось, как допустить торговые отношения между городом и деревней, что в корне расходилось с традиционным марксистским подходом к переходу к социализму. Это было обусловлено также необходимостью поднятия производительных сил в деревне. В итоге он от политики продразверстки переходит к политике продналога⁴⁰. Таким образом, В.И. Ленин, решая проблему экономической взаимосвязи между городом и деревней, совершенно однозначно приходит к выводу о необходимости торгового обмена между ними. Этим он положил начало концепции товарного социализма.

Но при переходе к торговым отношениям Ленин не ограничивается лишь товарообменом между городом и деревней, вопрос ставится несравненно шире, охватывая все стороны экономической политики. Вся экономика переходного периода от капитализма к социализму превращалась теперь, с одной стороны, в процесс капиталистических отношений между арендаторами различных видов: концессионеров, кооператоров, потребительских кооператоров и арендаторов-капиталистов, а с другой – в капиталистические отношения между социалистическим государством и всеми видами арендаторов. Без преувеличения можно сказать, что за основу строительства социализма Ленин в этот период взял напрямую капитализм, считая

⁴⁰ «Таковыми изменениями явилась замена разверстки продналогом, связанная со свободой торговли после уплаты налогов, по крайней мере, в местном хозяйственном обороте». (Там же. Т. 43. С. 219).

его на этот момент наиболее развитой и прогрессивной формой производства, обмена и распределения материальных благ. Весь комплекс подобного рода мероприятий в экономике переходного периода и будет назван новой экономической политикой (нэпом).

От понимания капитализма как средства строительства социализма к капитализму как необходимой стороне самого социализма оставался один шаг, который и был сделан Лениным в последующей его статье – «О кооперации» (май 1923 г.). Суть пересмотра взглядов на социализм будет заключаться в том, что если раньше он мыслился как исключительно государственная система учета и контроля в народном хозяйстве, то теперь за основу хозяйственного регулирования в социалистическом обществе Ленин берет торговые отношения между кооперативами. Важно отметить, что кооперацию Ленин рассматривал не как частную форму социалистической экономики, которая бы существовала наряду с другими экономическими формами, но как всеобщую экономическую форму социалистического хозяйствования. Но при этом система кооперации должна была бы функционировать на базе государственной собственности на основные средства производства – на землю и все ее природные ресурсы. Как видим, в самом конце своего творческого поиска решения проблемы социалистической экономики В.И. Ленин, фактически, вплотную подошел к пониманию социалистической собственности как органическому единству государственной и коллективной форм собственности. Но, к сожалению, этому в нашей стране не суждено было сбыться, а потому как бы само собой возникает далеко несправедливый вопрос, почему все-таки не удалось?

На мой взгляд, этому помешали два главных обстоятельства: 1) слишком запоздалое прозрение Лениным в понимании адекватной экономической основы социалистиче-

ского общества и 2) нэп не самое лучшее средство перехода к социализму. Говоря о первом обстоятельстве, имеется в виду ни сколько и ни столько факт скоротечной смерти Владимира Ильича (хотя это тоже имело значение), сколько то, что после прихода большевиков к политической власти целых шесть лет (с 1917 по 1923 гг.) ушло на преодоление трудностей, порожденных преимущественно отсутствием ясного понимания природы социализма. Два главных и, к тому же, весьма ощутимых негативных следствия вытекало из этого: 1) гражданская война, изначально спровоцированная крестьянскими бунтами, вызванными продразверсткой, а после жестоким их подавлением Советской властью и 2) созданием экономической основы для последующего времени общества казарменного коммунизма. В гражданской войне Советская власть победила, но она, к сожалению, оказалась перед неумолимостью установления в России вместо социализма казарменного коммунизма, предвиденного К. Марксом появление подобного общества еще в 40-е годы XIX века⁴¹.

Что касается второго обстоятельства, нэпа, то он не мог по-настоящему способствовать упрочению социализма прежде всего по той причине, что выражал собой товарно-денежные отношения сугубо капиталистического типа. Хотя политическая власть и находилась в это время в руках большевистской партии, как считал Ленин, выразительницы интересов промышленных рабочих и беднейшего крестьянства, однако подлинным хозяином в экономической сфере в условиях нэпа становится торговый и финансовый предприниматель, которого в то время называли обобщающим термином «нэпман». Рабочие и крестьяне, которые во время гражданской войны защищали Совет-

⁴¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 585-587.

скую власть против господства помещиков и капиталистов, после их победы в этой войне вдруг по распоряжению не кого-нибудь, а их революционного вождя В.И. Ленина оказываются в положении прямой экономической зависимости от нэпманов, по сути тех же самых капиталистов. Естественно, что подавляющее большинство рабочих и крестьян (причем не только беднейших слоев, но и немалой части середняков) если открыто не выступило против нэпа, то, по крайней мере, не имело желания его поддерживать. Это в значительной мере способствовало тому, что в противоборстве внутри большевистской партии между «рыночниками» во главе с Н. И. Бухариным, с одной стороны, и сторонниками административно-командного метода управления экономикой во главе со И.В. Сталиным, с другой, одержали верх последние. В результате наша страна на долгие годы вплоть до начала перестройки 1985 года жила, фактически, в условиях не социализма, а казарменного коммунизма. В наши дни трудно предположить, что было бы, если в этом противоборстве победили так называемые рыночники. Но я почему-то убежден, что ничего хорошего из этого не вышло бы, ибо вряд ли им удалось (даже если они очень этого захотели, что совсем не очевидно) стоимостный рынок нэпа преобразовать в социалистический рынок, основанный на простом товарном производстве.

Пережив период казарменного коммунизма включительно по 1985 г., затем никчемную стихийную перестройку, направленную в некуда (1985-1991 гг.), а также экономический разбой 90-х годов, наша страна уже четырежды оказалась перед необходимостью поиска адекватного пути экономического и социального развития. Но, чтобы и на этот раз не потерпеть неудачу, необходимо хоты бы сейчас эту проблему основательно решить на теоретическом уровне и решать ее надо, по крайней мере, с учетом общей

мировой тенденции развития современной цивилизации как таковой, которая в настоящее время находится на перепутье двух путей: капитализма и социализма. Капитализм, зародившийся в XVII веке, вначале в отдельных странах Европы постепенно охватывает весь цивилизованный мир, но начиная с рубежа XIX и XX веков, он вступил в полосу постепенного и неуклонного саморазрушения и в наши дни, фактически, находится на заключительной стадии своего существования. А потому ставить, скажем, вопрос о его внедрении в настоящее время в России было бы, мягко говоря, неразумно и совершенно неоправданно. Остается только один путь – построение в нашей стране подлинного социалистического общества. Но для этого необходимо, во-первых, извлечь исторические уроки из безуспешной попытки построить социализм в предшествующий период развития нашей страны. Во-вторых, что самое главное, в соответствии с современным уровнем развития мировой цивилизации определить идейный вектор, который бы служил маяком и выступал в качестве конечной цели движения к будущему обществу. И, наконец, в-третьих, исходя из общей идейной установки, разработать научно обоснованную модель социалистического общества.

Определение идейного вектора, а вместе с тем и разработка модели социализма как раз и должны стать, как мне представляется, первоочередной и к тому же главной стратегической задачей на нынешнем этапе левого политического движения в современной России. Пока этого не будет сделано любые практические устремления левых политиков, добиваться власти или выступать в роли оппозиции против, скажем, «правлящей» партии «Единая Россия» и т. п., не имеют под собой никакой реальной почвы, а все их действия напоминают известного литературного персонажа Дон Кихота, борющегося с ветряными мельницами. Две существующие в настоящее время в России так назы-

ваемые левые политические партии – КПРФ во главе с Г.А. Зюгановым и «Справедливая Россия» во главе с С.М. Мироновым, – на мой взгляд, по этой самой причине никакой серьезной политической силы в левом движении не представляют, и представлять не могут. Но будет еще хуже, если допустить, что одна из них по каким-то непредвиденным обстоятельствам придет к власти, ибо тогда нашей многострадальной родине будет не избежать еще одного хаоса, неразберихи, а может быть даже нового диктата, жестокости, а то и очередной гражданской войны.

Прежде, чем на практике решать политические задачи, левому движению требуется, во-первых, критически переосмыслить идейную основу марксистской теории коммунизма и, во-вторых, раз и навсегда отказаться от концепции нетоварного социализма. Свою точку зрения по этим вопросам я изложил в книге «Социал-гуманистическое общество – будущее человечества», где, подвергнув критике идею коммунизма, основанную на понятии коммунистической формации, выдвигаю новую идею – идею социал-гуманизма, исходя из которой, предлагаю модель товарного социализма, базирующегося на единстве государственной и коллективной собственности. Считаю, что эти теоретические разработки можно было бы использовать в качестве идеологической платформы для левое политическое движение в современной России, в том числе они могли бы служить идейной базой для выработки программ практических действий этого движения.

Часть 2. Социал-гуманизм – идейный вектор в развитии человечества

Социально-общественные проблемы во всех странах, включая Россию, в настоящее время, как я считаю, должны рассматриваться через призму развития всей мировой цивилизации. Основной стратегический вопрос, как мне представляется, должен состоять в следующем: исходя из объективных тенденций развития цивилизации на нынешнем этапе ее существования, определить перспективный вектор ее развития в будущем. В общем виде вопрос состоит в постановке дилеммы. Либо мы должны признать нынешнее состояние цивилизации вечным и неизменным. Эта позиция всех тех, кто заинтересован утверждать о несокрушимости капитализма как общественного строя как такового, и в особенности считать, что нынешнее всеобъемлющее господство финансового капитала есть нечто абсолютное и раз навсегда данное для всех людей, живущих в этом мире. А все, кто это отрицает, это всего лишь жалкие недоумки, фантазеры и утописты. Эта позиция является не чем иным, как определяющей идеологической установкой для ныне господствующей в мировой экономике и политике финансовой олигархии и всех многочисленных разного рода ее прислужников. Либо мы должны признать, что капитализм не только не вечен, но он на нынешнем этапе развития подошел вплотную к роковой черте, и перед ним, как никогда раньше, стоит гамлетовский вопрос: быть или не быть? И тогда неизбежно встает другой вопрос: куда двигаться человеческой цивилизации дальше, какая модель общества должна прийти, причем прийти с необходимостью, на смену капитализму? Этот вопрос вплотную связан с не менее актуальным другим вопросом, каким должно быть общество, чтобы оно соответствовало адекватной человеческой жизни? На мой взгляд, при отве-

те на оба этих вопроса требуется прежде всего определиться с основополагающей идеей, которая бы обозначила вектор развития цивилизации в будущем в нужном и необходимом направлении.

При определении идейного основания будущего общества, надо попытаться ответить на главный вопрос: какое общество должно прийти не просто на смену капитализму, а на смену всем ранее существующим в развитии человеческой цивилизации общественным системам? Это примерно тот же вопрос, который обычно возникает при решении проблемы возникновения человека. Суть, скажем, этой проблемы состоит не столько в том, как один биологический вид животных (допустим, обезьяна) смог преобразоваться в другой биологический вид, *Homo sapiens* – эта проблема важная, но она носит частный характер, – сколько в том, что собой представлял переход от биологического уровня организации материи к принципиально новому, социальному уровню? Похожая проблема возникает и в случае перехода человечества в новое общество на данном историческом этапе. Здесь также речь идет не просто о том, как один общественный строй (а именно капитализм) сменяется каким-то другим общественным строем (хотя это тоже важно), а о переходе всей прежней цивилизации в какое-то принципиально новое, ни с чем несравнимое в прошлом состояние. Предельно общей и наиболее характерной отличительной чертой человеческой цивилизации и в прошлом, и в настоящем, по моему глубокому убеждению, является то, что человек и человечество жило и продолжает жить поныне в условиях отчуждения своей подлинной человеческой сущности⁴². А потому идейная направленность перехода к будущему обществу должна со-

⁴² Этот вопрос подробно рассмотрен в книге: Арлычев А.Н. Социал-гуманистическое общество – будущее человечества. М., URSS, 2009.

стоять в том, чтобы определить идеологический вектор перехода от отчужденного существования человека и человечества к их неотчужденному существованию, от общества, основанного на отрицании подлинной человеческой сущности к обществу, утверждающему эту сущность.

Человек существо разумное и волевое, это, в частности, означает, что перед тем как осуществлять какие-либо практические действия, он прежде выстраивает план своих действий, руководствуясь поставленной целью, а цель в свою очередь обуславливается и обосновывается идейным мотивом. Идея, таким образом, в жизни человека играет основополагающую и решающую роль, причем охватывая все стороны его жизнедеятельности, как личной, так и общественной. Все это имеет прямое отношение не только к жизни отдельного человека, но не в меньшей, а может быть даже в большей степени к жизнедеятельности всевозможных общественных образований, начиная от малых групп и заканчивая человечеством в целом. Что касается глобальных идей, относящихся, скажем, к поиску счастливой жизни всего человечества, то в истории цивилизации выдвигалось несколько таких идей, из которых наиболее популярными стали две: идея гуманизма и идея коммунизма, из них первая исходит из личностных качеств человека, а вторая – из общественных условий его существования. В соответствии с идеей гуманизма, человечество достигнет подлинного существования только при том условии, если жизнь человека будет посвящена реализации и развитию данных ему от природы творческих потенций, характеризующих его истинно-человеческую сущность. Идея же коммунизма заключается в основном в утверждении, что человечество сможет достигнуть подлинного существования только тогда, когда в обществе будут созданы равноправные условия и прежде всего в социально-экономической сфере для жизни каждого отдельного человека.

Гуманизм как социально-философское течение возникает, как известно, в эпоху Возрождения, вначале в Италии в XIV-XV вв., а затем распространяется по всей Европе, включая Россию. Он пришел на смену религиозным средневековым представлениям о смысле человеческой жизни, согласно которым человек в этом мире живет временно и ее смысл заключается в том, чтобы подготовить себя к будущей загробной жизни, а для этого он должен посвятить свою жизнь служению богу и исполнению всех его предначертаний. Гуманисты на место бога ставят человека, считая, что он должен жить для себя и для другого человека, радоваться жизнью, получать от нее наслаждение и в первую очередь духовное, а этого можно достигнуть только в процессе активной творческой деятельности. Но для этого человек должен стремиться к духовному совершенствованию, развивать свои творческие способности, становиться всесторонне развитой личностью и только в той мере, в какой он этого достигнет, его можно считать человеком в истинном значении этого слова. Эти идеи сыграли немаловажную роль в развитии европейской цивилизации, в том числе они подготовили идеологическую базу для перехода ряда стран от феодального общества к обществу капиталистическому, но в то же время гуманистическим идеям в том виде, как они были провозглашены великими гуманистами прошлого, не пришлось сбыться на практике. Причиной этому, как мы считаем, послужило то, что они были выдвинуты в весьма абстрактном виде – без учета объективных условий существования общества того времени и главным образом его социально-экономической основы. Объективно европейская цивилизация, начиная с эпохи Возрождения, вступала на путь перехода от феодализма к капитализму, и этот переход успешно состоялся в Европе, а затем и во всем мире. Но это несколько не умаляет той роли, какую сыграл гуманизм в развитии челове-

ческой цивилизации, его роль сказалась во многих сторонах общественной жизни, прежде всего он оказал существенное влияние на развитие художественно-творческой культуры всех европейских и ряда других стран. Можно с полной уверенностью сказать, что без идейного влияния гуманизма человечество многое бы не имело из того, что оно в действительности на сегодня имеет в арсенале мировой художественной культуры.

Значение же коммунистической идеи как раз состоит в том, что она проблему о принципиально качественном улучшении жизни человека повернула в плоскость реальной общественной и в первую очередь социально-экономической практики. С позиции идеального устройства общества пытался решать эту проблему древнегреческий философ Платон, которого с полным правом можно считать предвестником коммунистической идеи. Ни кто иной, как Платон, впервые высказал мысль о том, что общество может быть совершенным только в том случае, если оно основывается на общественной собственности – это именно та мысль, которая составляет ядро коммунистической идеи как таковой. В XVI-XVII вв. в лице Т. Мора в Англии, Т. Кампанеллы в Италии и других возникает социально-политическое течение, получившее название утопического социализма, где институт частной собственности подвергается основательной критике, и взамен предлагаются умозрительные социальные конструкции, базирующиеся на общественной собственности. В XVIII веке это течение приобретает развернутый характер и в лице трех его выдающихся представителей: А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна – выливается в идеологию реформирования капитализма в новое общество, которое они назвали социализмом. Однако эта идеология не имеет пока ни философско-мировоззренческого, ни научного обоснования, она базируется в основном на здравом смысле и интуитив-

ных представлениях. Следующий существенный шаг на пути развития коммунистической идеи был сделан в XIX веке К. Марксом и Ф. Энгельсом. Они поставили перед собой, прямо скажем, грандиозную задачу подвести под нее философскую и научно-теоретическую базу, в результате чего была создана не просто идеология, а система философского, социально-экономического и политического учения, предназначенного для осуществления комплекса задач: проведения социалистической революции, построения социализма и, наконец, построения коммунистического общества.

Коммунистическая идея, особенно в том варианте, как она представлена в теории научного коммунизма К. Марксом и Ф. Энгельсом, в сравнении с гуманистической идеей имеет одно важное преимущество. Оно заключается в том, что она нацеливает человечество на конкретное социально-экономическое и политическое решение проблемы построения будущего общества, того общества, когда люди могли бы находиться и жить в адекватных для себя условиях существования. Однако у этой идеи есть и существенный недочет, имеющий как раз прямое отношение к тому, к чему призывает гуманистическая идея. Сосредоточив основное внимание на решении материальной стороны этой проблемы, идеологи коммунизма не то, что игнорируют, быстрее всего не предают должного значения другой не менее важной ее стороне: духовному началу в жизни человека. Говоря о конечной цели коммунистического движения, они зачастую усматривают ее не в осуществлении духовного способа существования в обществе, а в создании материальных условий, обеспечивающих равные возможности для всех его членов. Нет, конечно, никаких сомнений в том, что эти две стороны не только не противоречат, но и дополняют друг друга, однако суть вопроса заключается в том, какую из этих сторон считать целью

движения, а какую средством? Если мы ограничимся тем, что будем стремиться лишь к созданию соответствующих материальных условий, а духовность для нас будет играть роль сопутствующего побочного явления, то в таком случае человек вместо, того, чтобы быть целью движения, превращается в некий его придаток. Иначе говоря, при таком подходе мы, сами того не замечая, как цель движения, каковым является человек, превратили в средство, а то, что должно быть средством (материальные условия его существования) – в цель. На первый взгляд, может показаться, оттого, что в данном случае считать целью, а что средством – для самого общественного движения за будущую счастливую жизнь человечества непринципиально. В действительности же, это далеко не так, ибо неадекватная трактовка их соотношения может приводить и в истории коммунистического движения есть яркие наглядные примеры, когда она уже приводила к серьезным негативным последствиям. Достаточно вспомнить недавнее прошлое нашей страны, когда максимум усилий было направлено на создание материально-технической базы коммунизма, но человек при этом рассматривался только как живой компонент средств производства.

Гуманистическая и коммунистическая идеи, предназначенные для осуществления в обществе счастливой жизни человека, взятые сами по себе не способны, стало быть, достичь желаемой цели. Я считаю, что их можно рассматривать только как две стороны какой-то другой объединяющей их синтетической идеи. Эту роль смогла бы выполнить выдвигаемая мною идея социального гуманизма или сокращенно социал-гуманизма. Изначально ее суть вытекает из содержания термина «социал-гуманизм», который состоит из двух производных слов «социальный» (от лат. *socialis* – общественный) и «гуманизм» (от лат. *humanus* – человеческий). В нем важно обратить внимание

на неразрывное единство семантического содержания двух его частей – «социальный», с одной стороны, и «гуманизм», с другой. Каждая из этих частей имеет смысл только в отношении к другой части, поскольку здесь речь идет не о социальном как таковом, а о социальном в отношении к гуманизму, главным образом в отношении к духовно-творческой составляющей человеческой личности. И не о гуманизме как таковом, а только в единой связке его с социальными процессами, происходящими в обществе и со всеми теми социально-общественными институтами, которые этот процесс осуществляют. Для понимания идеи социал-гуманизма это имеет принципиальное значение, ибо в данном случае, скажем, о социальном надо говорить совсем не в том аспекте, в каком его употребляют, например, большинство последователей учения марксизма применительно к термину «социализм». Под социализмом, как и под коммунизмом, они понимают, как правило, общество, базирующееся на общественных началах, обусловленных общественной собственностью на средства производства. В наши дни под социализмом сплошь и рядом стали понимать равномерное социальное распределение материальных благ среди населения той или иной страны и тем самым отождествили его с социал-демократизмом. Обе эти трактовки социализма никакого отношения не имеют к пониманию социального применительно к идеи социал-гуманизма. Термин «социальное» здесь указывает на неразрывную связь гуманизма с обществом как целостной системой и в этом смысле гуманизм как социальное явление рассматривается непосредственно не столько по отношению к отдельно взятым личностям (как это принято по традиции его рассматривать), сколько по отношению к функционированию и развитию самого общества. А термин «гуманизм» в этом словосочетании в свою очередь

указывает на неразрывное единство социального процесса с гуманистическими принципами.

Идея социал-гуманизма аналогично коммунистической идее имеет двойное назначение: во-первых, она должна выступать в качестве предполагаемого идеала будущего общества и, во-вторых, выполнять идеологическую функцию в процессе практической реализации этого идеала в общественную жизнь. При этом необходимо отметить, что социал-гуманистический идеал будущего общества по ряду позиций перекликается с идеалом коммунистическим, но во многом он является другим. В основу понимания коммунистического идеала положено понятие коммунистической формации, согласно чему общество будущего представляется как социальная система, основанная на господстве общественной собственности. Мы же исходим из того, что в социально-гуманистическом обществе институт собственности как таковой исчезнет, и потому ставить вопрос о построении какой-то особой социально-экономической формации не имеет никакого смысла. Вопрос должен стоять в плоскости перехода от общества формационного типа к обществу, где все, что так или иначе связано с понятием формации, должно кануть в лету, и вместо этого образоваться система ассоциаций, которые будут состоять из духовно свободных и ничем социально независимых друг от друга людей. Это переход от общества отчужденного существования к обществу свободной сознательной деятельности человека. Это, фактически, переход не от одной формации к другой, а от того состояния цивилизации, когда она находилась в условиях всеобщего отчуждения в то ее состояние, когда человек будет жить в условиях полной свободы творчества и проявления своих духовных и физических потенций. Такова конечная цель социально-гуманистической идеи. Однако на пути ее реализации перед человечеством неизбежно встает проблема

переходного этапа, обозначаемого нами термином «социализм». Что касается социализма, то его в полной мере не только можно, но и необходимо рассматривать под углом зрения разработанного К. Марксом понятия социально-экономической формации.

Из незначительных, казалось бы, на первый взгляд расхождений в понимании идеала будущего общества между социал-гуманизмом и коммунизмом вытекают, тем не менее, противоположные подходы в выдвигании и обосновании главной идеологической установки на пути практической реализации этого идеала. Так как, исходя из идеала марксистской теории, конечная цель социально-политического движения сводится к построению коммунистической формации, то идеологическое кредо направлено главным образом на решение социально-экономических проблем – вначале ставится вопрос об экспроприации частной собственности, а затем построении материально-технической базы коммунизма. Сказать, что такая постановка вопроса лишена всякого основания было бы совершенно неверно. Однако если ограничиться только этой установкой, и рассматривать ее к тому же, как самоцель всего процесса (а именно это и произошло, как показала практика коммунистического движения), то человек вместе со всеми его духовными и физическими потенциями оказывается, попросту говоря, за бортом всего этого процесса. А если он и участвует в нем, то только как производительная сила общественного производства. С позиции же социал-гуманистического идеала, главная идеологическая ставка должна делаться на человека, а именно на то, чтобы в ходе процесса реализации будущего общества на всех его этапах в качестве самоцели выступали бы не сами по себе материальные условия человеческой жизни, а непосредственно состояние личностных качеств и духовной сущности человека. Конечно, создание адекватных условий матери-

ального существования человека должно занять в этом процессе центральное место, в противном случае это будет всего лишь благое пожелание, а не реальное решение проблемы. Однако в отличие от идеологических установок коммунизма социально-гуманистическое движение должно оценивать весь комплекс проблем, связанных по созданию этих условий, но, что очень важно, не как самоцель, а как средство, с помощью которого можно будет последовательно и **неустанно добиваться реализации гуманистической цели: формирования и развития духовных качеств человека. Этому должны быть подчинены все общественные институты, включая непосредственно материальное производство, социальную жизнь, образование, воспитание и т.д. вплоть до всякого рода развлечений и досуга человека.**

Существенные же идеологические различия между коммунизмом и социал-гуманизмом в понимании конечной цели движения к будущему обществу приводят в свою очередь к принципиальным расхождениям по вопросу о способе практической реализации этой цели. Из идеологической установки коммунизма с необходимостью вытекает как первоочередная практическая задача – это устранение частной собственности и установление собственности общественной. Само собой разумеется, что ни один из собственников добровольно от своей собственности не откажется, а это значит, что решить эту задачу можно только насильственным путем. А самый верный и наиболее надежный путь – это путь политической борьбы за захват государственной власти, в связи с чем встают два вопроса: кто должен осуществлять эту борьбу и каким способом можно достичь государственной власти? Эти два вопроса у К. Маркса и Ф. Энгельса как раз и занимают центральное место в их разработке коммунистической идеологии. На первый вопрос был дан такой ответ: политическую борьбу за

власть ведет общественный класс, лишенный всякой собственности, ибо только он до конца последовательно заинтересован ликвидировать частную собственность, им является рабочий класс или, как его иначе называют, пролетариат – могильщик капитализма, по выражению Маркса. Но пролетариат может прийти к государственной власти, как считают идеологи коммунизма, только посредством социальной революции, при успешном ее осуществлении он должен установить свою диктатуру – диктатуру пролетариата, которая должна заменить господствующую до того диктатуру буржуазии.

Можно с полным правом сказать, что эта политическая задача была решена партией большевиков во главе с В.И. Лениным в октябре 1917 года в нашей стране. Но пока только в одном аспекте, в аспекте прихода к политической власти большевиков, представляющих в своем лице социальные интересы рабочего класса. Однако после того как политическая революция в ней совершилась перед большевиками встал самый главный вопрос – определить истинный путь построения коммунистического общества и прежде всего установления его социально-экономической основы – общественной собственности. Но, как мы теперь очень хорошо знаем, из этого мало что получилось и, конечно же, сразу напрашивается весьма непростой вопрос, что послужило причиной того, что не только коммунизма, но и социализма в нашей стране не состоялось? Все ответы, которые до сих пор пытались на него давать, как правило, оказывались либо поверхностными и неубедительными в том случае, когда на них отвечали сами идеологи коммунизма, либо злорадными и еще менее убедительными, когда об этом говорили и продолжают до сих пор говорить их идеологические противники. В своей статье я не ставлю задачу дать сколько-нибудь полный ответ на по-

ставленный вопрос⁴³ (это увело бы в сторону от нашей темы), лишь отмечу то, что мне представляется главным. А главным, на мой взгляд, явилось то, что у основоположников теории научного коммунизма, К. Маркса и Ф. Энгельса, не было сколько-нибудь целостной последовательно разработанной теории построения будущего общества. В их работах лишь обозначены отдельные его сущностные черты, весьма важные, но недостаточные, чтобы, опираясь на них, можно было на практике успешно решать эту непростую задачу.

Под будущим обществом они понимали коммунизм (от латинского слова *communis* – общий), акцентируя в первую очередь на экономику, предполагая, что оно будет основано на общественной собственности средств производства. И что именно при таком экономическом укладе исчезнет отчужденность труда, который преобразуется в свободную сознательную деятельность человека и превратится для него в первую жизненную необходимость. В политическом аспекте они утверждали, что в этом обществе должно исчезнуть государство и управление в нем должно носить характер общественного самоуправления. На мой взгляд, основной просчет здесь допущен в установлении в будущем обществе так называемой общественной собственности. Если мы говорим, что в этом обществе наличествует общественная собственность, то она, как и любая другая собственность, предполагает три вида отношений людей к вещам (в данном случае к средствам производства): отношение владения, распоряжения и пользования. Возьмем первое отношение – отношение владения. В условиях частной собственности вещь владеет частник, при коллективной – коллектив, в условиях же обществен-

⁴³ Этот вопрос подробно мною анализируется в монографии: Арлычев А.Н. Каким быть социализму? Владивосток, 1991.

ной собственности ею должны владеть все члены общества, а если учесть, что при коммунизме не будет государства, тогда владельцем средств производства окажется человечество в целом. Спрашивается, возможен такой тип владения собственностью или нет? По всей видимости, нет, ибо в этом случае она оказывается, попросту говоря, ничейной. А если она окажется ничейной, то надо ли говорить, вообще, о собственности в будущем обществе. Правда, остаются еще два отношения: отношение распоряжения и пользования, но тогда возникает вопрос, можно ли их реализовать применительно к ничейной собственности? Наверное, можно, но в таком случае должен функционировать, так сказать, общечеловеческий институт управления, а распорядительную функцию исполнять ни кто иной, как то самое «пресловутое» государство, только в данном случае оно должно охватить все человечество. А по определению в будущем обществе никакого государства не должно быть, оно должно существовать в форме всеобщего самоуправления, которое в принципе исключает государство, а заодно и присутствие в обществе всякой собственности. Что касается общественной собственности, то она, как мне представляется, является всего лишь метафорой, ибо у собственности должны быть обязательно владелец и распорядитель, а ими могут быть либо частник, либо коллектив (например, первобытная община), либо ничейной собственностью должно распоряжаться государство, последнее, конечно, возможно, но оно противоречит исходным посылкам понимания будущего общества. Из трех отношений собственности остается только одно – отношение пользования, однако без двух первых отношений оно теряет всякий смысл собственности, животные, например, вне отношения собственности совершенно спокойно пользуются всеми возможными благами природы.

Классическим примером общества, основанного на ничейной собственности, но которой распоряжалось государство, может служить недавно исчезнувшее из России так называемое советское социалистическое общество. Никаким советским, а тем более, социалистическим или коммунистическим оно, фактически, не было. Оно было обществом чиновничьей диктатуры, поскольку действительными распорядителями, причем не только собственностью, но, что гораздо важнее, судьбами людей были, да пока, к сожалению, в основном остаются и в сегодняшней России чиновники. Этот исторический опыт нашей страны, а затем и других бывших стран так называемой социалистической ориентации как нельзя лучше показал на практике, что на основе как будто бы общественной собственности, которой в принципе не может быть, ни о каком счастливом будущем человечества мечтать не приходится и потому от этой ошибочной идеи, допущенной, к сожалению, выдающимися мыслителями, учеными и великими гуманистами К. Марксом и Ф. Энгельсом, необходимо отказаться.

Из двух допущений: общественной собственности и самоуправления – за будущим обществом можно признать только второе – самоуправление. По всей вероятности, это общество не должно нуждаться ни в каких надстроечных структурах управления, а тем более в такой машине, какой является государство. Это общество, в котором должна быть исключена всякая зависимость человека от вещей, а заодно и, обусловленная отношением к ним, зависимость одного человека от другого, эта должна быть ассоциация свободных людей, в которой, по выражению Маркса, свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех. Что касается его экономического уклада, то он должен полностью исключать всякое отношение собственности, это должно быть общество без собственности и все-

го того, что с нею связано. Жизнь человека в будущем обществе в определенном отношении будет напоминать жизнь того полусознательного дикаря периода первоначального развития человечества, для которого смыслом жизни была сама жизнь, хотя она в то время во многом была непривлекательной для человека. Точно так же, как для человека периода дикости, вся окружающая его природа служила лишь средством для жизни, а смысл самой жизни заключался в его жизнедеятельности, человек будущего будет видеть свое главное предназначение в том, чтобы просто жить, а все богатства материальных условий использовать лишь как необходимое жизненное средство. Но на этом сходство их жизней заканчивается, во всем остальном жизнь будущего человека не просто будет отличной, а диаметрально противоположной жизни дикаря. Дикарь во многом жил жизнью животного, которая сводилась в основном к тому, чтобы добывать необходимые блага для обеспечения своего физического существования. Жизнь же человека будущего будет заключаться главным образом в том, чтобы удовлетворять свои духовные потребности в творческой деятельности, которая, кроме всего прочего, будет включать совместное духовное общение людей, основанное на любви и дружбе. Безусловно в этом обществе будут возникать какие-то свои проблемы, связанные с производством, с отношением между людьми и т.д. и каким-то несложным способом они будут разрешаться, но их проблемы, по всей видимости, ни в какое сравнение не будут идти с теми чудовищными проблемами, с которыми человечество сталкивалось и продолжает сталкиваться поныне.

Что касается смены собственности, то эту задачу, безусловно, надо решать, но, во-первых, речь должна идти не об установлении мистической общественной собственности (каковой в принципе быть не может, ибо термин

«общественная собственность» всего лишь метафора), но на чем, к сожалению, продолжают настаивать, в частности, члены КПРФ во главе с Г.А. Зюгановым, а о реально выполнимой задаче – установлении в социалистическом обществе коллективной собственности в единстве с государственной собственностью⁴⁴. Во-вторых, необходимо отказаться от понятия диктатуры пролетариата и добиваться утверждения социалистического вида собственности не путем социальной революции, а путем социально-экономических реформ, используя, при этом, демократические рычаги государственного управления при непосредственном участии всех форм политических и общественных структур.

Подвергая критике коммунистическую идею, мы ни в коей мере не хотим умалить ее историческую роль в подготовке и осуществлении великой мечты человечества – жить в условиях адекватных подлинно человеческому бытию. Что же касается К. Маркса и Ф. Энгельса, то надо со всей определенностью сказать, что во всей истории цивилизации не найдется ни одного человека, которого можно было бы поставить в один ряд с ними по претворению этой мечты в жизнь. Это два великих гуманиста, обладающие недюжинными талантами мыслителя и ученого, в ходе решения этой грандиозной задачи осуществили мощный теоретический прорыв в понимании сущности мира, человека и познания. Их философские и научные труды вне всякого преувеличения можно считать непревзойденной вершиной человеческой мысли и их надо не отбрасывать, а, напротив, максимально ими руководствоваться и, учитывая уровень развития общественной практики, критически оценивать и по возможности углублять и развивать дальше. Что касается того, что вся их творческая деятельность замкну-

⁴⁴ Этот вопрос мною подробно рассмотрен в двух вышеназванных монографиях.

лась в основном в рамках коммунистической идеи, то в этом нет никакой их вины, ибо они строго придерживались фактов прошлой исторической практики и исходили из традиции развития мировой общественной мысли. Но если сама историческая практика со всей убежденностью говорит о решающей роли классовой борьбы для достижения экономических и политических целей то, что оставалось делать этим мыслителям, скажем, при ответе на вопрос о путях перехода к новому обществу, как не апеллировать к классовой борьбе, социальной революции и диктатуре пролетариата. И о каком будущем обществе они могли говорить, как не о коммунистическом, если все мыслители прошлого, начиная с Платона и кончая их прямыми предшественниками – социалистами-утопистами XVIII века, в один голос заявляли, что подлинное человеческое существование можно будет реализовать только в том обществе, которое основалось бы на общественной собственности. Упрекать их коммунистической идеей, было бы равносильно тому, как если бы кто-нибудь попытался упрекнуть Демокрита в том, что он говорил об атоме как неделимой частице только на том основании, что современная наука так не считает. Но, при этом, критик Демокрита должен был бы полностью игнорировать тот непреложный факт, что все классическое естествознание, начиная с Галилея и Ньютона вплоть до наших дней, основывается на его идеи атома. Коммунистическая идея в истории развития общественной мысли, как мне представляется, играет ту же самую роль, какую идея атома играла и играет в развитии естественных наук, а потому и оценивать ее надо с аналогичных позиций. С моей точки зрения, эта идея должна быть заменена новой идеей, а именно, идеей социал-гуманизма, которая требует основательной разработки, как со стороны философов, так и представителей всех общественных наук. Но при этом необходимо опираться, наряду с идеей гуманизма прошлого времени, не в меньшей, а даже

в большей степени на идею коммунизма, особенно на фундаментальные труды двух великих мыслителей и ученых К. Маркса и Ф. Энгельса.

Более 160-и лет тому назад вышел в свет их знаменитый «Манифест коммунистической партии», с тех пор человечество далеко ушло вперед и многое из того, что было актуально в их время – в XIX веке, – в наши дни в основном утратило свое значение, в связи с чем требуется существенно пересмотреть ряд методологических, теоретических и политических положений их учения. Например, продолжать утверждать о том, что в настоящее время общество строго делится на классы и что, следовательно, классовая борьба играет решающую роль в борьбе за лучшую жизнь человека и что угнетенный класс должен сломить диктатуру класса угнетателей и установить свою собственную диктатуру – все это в наши дни утратило всякий смысл. Это объясняется тем, что в современном обществе, фактически, отсутствует классовое деление в том виде, в каком оно существовало в истории цивилизации прошлых эпох. Классы в современном мире, можно сказать, растворились в общем потоке общественной жизни и если еще продолжает бытовать пресловутый термин «средний класс», то он, во-первых, никакого отношения не имеет к научному пониманию понятия класса, данного Марксом, и, во-вторых, он носит настолько расплывчатый и неопределенный характер, что создает лишь видимость научности, пригодную только для журналистской риторики в средствах массовой информации. Но это вовсе не означает, что нынешнее общество является социально однородным, оно таким не будет даже при социализме. В данном случае речь идет не о социальной однородности общества, а о том, что классовое деление предполагает четкое социальное разграничение по его главному признаку – по отношению людей к собственности. И если этот признак утратил свою прежнюю четкость и определенность, что как раз

характерно для современного общества, то говорить о делении общества на классы и обо всем, что из этого следует, является анахронизмом.

Между тем в современном, так сказать, «бесклассовом» обществе, не только сохранились, но, к сожалению, еще более усилились те характерные для классового общества негативные черты, которые, как правило, являются следствием ценностной ориентации человека к стяжательству. Можно сказать, что стяжательство – это есть главный бич нашего времени и поэтому основное внимание при переходе к будущему обществу должно быть сосредоточено на преодоление этого всеобщего общечеловеческого зла. Но для его преодоления не требуется ни социальной революции, ни, вообще, какой-либо физической борьбы, требуется только одно – в корне изменить ценностную ориентацию всей общественной жизни, чтобы главным смыслом жизни человека было бы не стремление к стяжательству, а стремление к духовным ценностям. На пути решения этой проблемы наиболее трудным окажется вопрос на первом этапе – на этапе перехода от капитализма к социализму, – связанный с кардинальным переустройством структуры собственности, с созданием производственных и торговых предприятий, основанных на коллективной собственности. Но, как уже отмечалось выше, этот вопрос может быть решен на уровне государственного управления с помощью социально-экономических реформ и это не так безнадежно, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что современное общество при всех его негативных проявлениях имеет одно очень важное преимущество по сравнению с обществами прошлых эпох: государственная власть во всех развитых капиталистических странах основывается на демократических принципах управления. Демократия – это и есть тот главный рычаг, с помощью которого можно будет решать весь комплекс проблем перехода к новому

обществу. Другой не менее обнадеживающий на этот раз уже отрицательный фактор, который может способствовать успешному переходу к новому обществу, состоит в том, что в современном мире стяжательство достигло крайнего предела. Это означает, что **люди, сами того не замечая, все в большей степени теряют свои истинно человеческие черты, которые не могут быть заменены никакими материальными ценностями и без которых, особенно теплого отношения людей друг к другу, человек не ощущает себя до конца удовлетворенным, не говоря уже о духовном самоудовлетворении.** И это касается не только и не столько низших слоев общества, сколько средних и высших его слоев, включая и тех людей, у которых на банковском счету числятся миллиарды долларов. В этой связи уместно вспомнить высказывание Сократа, когда он говорил, что **человек поступает безнравственно не потому, что он безнравственен, а потому, что он не знает, как поступать нравственно.** Одна из основных задач движения за установление гуманистического общества как раз и должна состоять в том, чтобы направить человеческое устремление в сторону осознания и претворения в жизнь не только нравственности, но и, вообще, всего того, что связано с истинным пониманием человеческого бытия.

К. Маркс и Ф. Энгельс заканчивают свой Манифест призывом: «Пролетарии всех стран соединяйтесь», – который на сегодняшний день, как я попытался показать выше, утратил свою актуальность. Но вместе с тем еще долго будет оставаться актуальным стремление человека к лучшей счастливой жизни, и мы считаем, что в настоящее время можно было бы провозгласить такой призыв: **«Люди Земли одумайтесь и очнитесь от дурмана глупого стяжательства, ибо жизнь человека – это теплота человеческих отношений, свободное парение духа, игра воображения и пронизательность разума».**

В.П. Цаплин

2.3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В СВЕТЕ ЭВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА.

Философский подход к рассмотрению развития экономических отношений позволяет выявить качества, формируемые на каждом этапе перестройки человеческих взаимодействий в обществе. Экономические качества возникают как результат дуалистического взаимодействия, сохраняя в дальнейшем свое единство и внутреннюю противоречивость. Данный философский подход позволяет конкретизировать, углубить понимание процесса развития общества.

Труд, товар, золото, деньги, рабочая сила, капитал, общественное сознание

Labour, goods, gold, money, labour force, capital, social consciousness

Изменение экономических отношений особенно заметно в период глобального финансового кризиса. Без уточнения истоков экономических качеств, трудно восстановить и понимать их реальное отражение в действительности. Необходимо аксиоматически признать, что труд возникает на семиотическом фундаменте социальности, на которую указывали Ч. Дарвин, К. Маркс и многие другие ученые. Маркс пишет, что община является предпосылкой производства. С появлением продуктов труда, первые находки которых датируются 2,5 млн. лет назад, человек уже начинает опосредованно отражать окружающий мир, а орудия труда и оружие позволяют противостоять агрессивному воздействию извне и выживать.

Первые орудия труда представляют собой преднамеренный скол камня для дальнейшего его использования в нуждах рода и племени. На протяжении более 2 млн. лет орудия и оружие изготавливались из оббитого камня. Около 9 тыс. лет назад люди начали методом холоднойковки делать первые металлические орудия и утварь. Настоящая металлургия началась только 6600 лет назад, когда на юго-востоке Европы научились извлекать медь из руды в плавильных печах. За 3 тысячи лет до нашей эры люди, путем смешивания одной части олова и девяти частей меди, научились изготавливать бронзу, что явилось началом Бронзового века. Около 2,5 тыс. лет назад в Китае стали впервые изготавливать предметы из чугуна и в Европе приблизительно в то же время культура Бронзового века сменяется культурой Железного века.

Производство орудий труда является определяющим всей жизни человека и становления его культуры. Человек постепенно строит свое жилище, осваивает охоту и совершенствует ее виды, шьет для себя одежду, осваивая менее приспособленные для жизни районы, открывает земледелие и все это помогает сделать орудия труда. Можно сказать, что появляющиеся продукты труда - это, прежде всего продукты природы, для создания или выявления потребительных свойств которых или, как говорит Маркс, потребительной стоимости, затрачен человеческий труд. Таким образом, продукт природы превращается в продукт труда и, говоря словами Маркса, продукт труда - это прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, - порождаются ли они, например желудком или фантазией, - ничего не изменяет на деле.

С другой стороны, раз на создание продукта труда иди выделения его потребительной стоимости затрачивается

человеческий труд, он обязательно должен пройти через человеческие руки, которые преобразуют продукт природы в продукт труда. Плод должен быть сорван, рыба поймана, жилище построено, одежда сшита и т.д. Затраты человеческого труда Маркс называет стоимостью. Продукт труда с одной стороны должен удовлетворять человеческие потребности или иметь потребительную стоимость, а с другой стороны имеет стоимость, т.е. для его создания был затрачен человеческий труд. В этом и заключается противоречие первобытнообщинной формации. Основным свойством противоречия является всеобщность, т.е. оно пронизывают все общество, и является его движущей силой.

Но при этом не надо понимать, что продукт труда первобытнообщинной формации удовлетворяет личные потребности: основную функцию он несет в удовлетворении потребностей родоплеменной общины и его потребительную стоимость оценивает род. Затраты же труда, т.е. стоимость единицы продукта труда, в начальной стадии первобытнообщинной формации также носили общественный характер. Но в дальнейшем происходит повышение производительности и разделение труда, т.е. изготовление единицы продукта труда становится менее общественным, более частным, но потребительная стоимость определяется по-прежнему потребностями рода, т.е. общественными потребностями. «Община[Gemeinwesen], являющаяся предпосылкой производства, не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом и продукт его быть частным продуктом; напротив, она обуславливает то, что труд отдельного лица выступает непосредственно как функция члена общественного организма». (1 с/20).

В этом и заключаются взаимоотношения стороны продуктов труда, когда человек или группа людей производит продукт, затрачивая на него свой труд, а потребительную стоимость определяет род, племя, родоплеменная об-

щина. Человек, производящий продукт, не может им распоряжаться. Продуктами труда распоряжается глава рода, вождь племени, старейшины и лучшие исполнители: воины и охотники. Можно сказать, происходит отчуждение производителя от результатов его труда, по праву общественной полезности. Взаимоотрицающие стороны противоречия объясняют многие факты истории, такие как человеческое жертвоприношение, посылку на верную смерть и многие другие.

Разрешением противоречия первобытнообщинной формации между потребительной стоимостью и стоимостью продуктов труда стала революция Клисфена (509 г. до нашего летоисчисления), были разрушены родовые связи, которые определяли потребительную стоимость продукта труда. Человек сам становится хозяином своего продукта труда и при этом появляется разрешаемое противоречие в виде тождества противоположностей, в виде товара. Можно считать, что в результате революции, завершила свое существование первобытная родоплеменная община, и ей на смену пришло рабовладельческое общество, где кровнородственные отношения играют менее определяющую, менее значительную, не основную роль. Появился товар, содержащий в себе потребительную стоимость и стоимость (затраты человеческого труда) в виде тождества противоположностей, т.е. неразрывно в единстве - первое экономическое качество.

Основой методологии, использованной в статье, служит конкретизированное понимание развития. Развитие, из всего многообразия подходов к нему, рассматривается только как появление нового качества, которого ранее не существовало во всеобщем виде. В соответствии с этим методологическим подходом весь период становления экономических категорий, как явлений, как феноменов, вырывается из всеобщей взаимосвязи: массы различий и

уже существующих тождеств противоположностей, и рассматривается изолированно. Человек сам становится хозяином своего продукта труда, разорвав границы родоплеменных отношений, и появляется вновь разрешаемое противоречие, в виде тождества противоположностей, в виде товара.

Но, производя товар в количествах больших, чем это требовалось для личного потребления, производитель вынужден был обменивать его на другие продукты для удовлетворения других своих личных потребностей. Это составляет первую предпосылку, необходимую для того, чтобы предмет потребления стал потенциальным товаром-эквивалентом, и это сводится к тому, что данный предмет потребления существует как потребительская стоимость, имеется в количестве, превышающем непосредственные потребности своего хозяина. Продукт начинает производиться не для собственного потребления. Он производится для обмена и, как говорит К. Маркс: «Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям, к товаровладельцам. Товары суть вещи и поэтому беззащитны перед лицом человека. Если они не идут по своей воле, он может употребить силу, то есть взять их». (2. с. 94)

Товар с помощью человека идет и попадает на рынок, где его ищет другой товар со своим товаровладельцем, чтобы удовлетворить потребности уже своего хозяина. Для владельца другого товара он лишь тогда товар, когда он для него потребительная стоимость, а для своего собственного владельца он лишь тогда меновая стоимость, когда он товар для другого. Товары обмениваются на рынке для своих владельцев, но они хотят поменяться, не «потеряв своего лица». «Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним, что Вам угодно, но он как стоимость [Wertding] остается неуловимым. Но если

мы вспомним, что товары обладают стоимостью [Wertgegenstandigkeit] лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства - человеческого труда...». (2. с.56) Труд - и есть та общая мера, соизмеряя которую товары могут обмениваться, «не потеряв своего лица», поэтому, появляясь на рынке, товары, соизмеряя труд, вложенный в них, обмениваются один на другой для удовлетворения потребностей своих хозяев. Становится понятным, что противоречие этого периода лежит в области обмена товаров и графически его можно представить так:

Т ----- Т

А если вспомнить, что товар является тождеством противоположностей - потребительной стоимости и стоимости, то картина будет выглядеть так:

<u>Потребительная стоимость</u>	_____	<u>Потребительная стоимость</u>
Стоимость		Стоимость

На этой стадии общественного развития происходит дальнейшее разделение труда, и все новые и новые товары появляются на рынке. При этом все труднее и труднее происходит непосредственный обмен одного товара на другой, т.к. их владельцы имеют часто довольно различные потребности, которые имеют тенденцию к росту, да и стоимость товаров часто различна. На этом этапе и происходит качественный скачок, в результате которого выделяется несколько, а затем даже один товар, за которым закрепляется всеобщая форма товара-эквивалента.

Вначале это такие товары как: скот, холст, пшеница, железо, серебро, золото, а затем это качество переходит в такой товар, который наиболее стабилен и в котором наиболее высокая меновая стоимость. И в этом есть определенная закономерность: чем в меньшем объеме своей потребительной стоимости, по сравнению с другими потребительными стоимостями, товар будет содержать опреде-

ленное количество рабочего времени, тем больше его специфическая меновая стоимость, тем больше его возможность стать товаром-эквивалентом.

Но как только за товаром закрепляется всеобщая форма товара-эквивалента, он становится необходимым всем, он отчуждается, и исчезает с рынка, а это, в свою очередь, ухудшает возможности обмена, вызывая последующую цепную реакцию появления новых всеобщих товаров-эквивалентов. Взаимоотрицающие стороны диалектического противоречия - обмена товаров и заключается в том, что частные, конкретные потребительные стоимости товаров начинают определяться всеобщими товарами-эквивалентами. Отчуждение товаров с рынка приводит к сокращению объемов самого рынка, что создает социальную напряженность в обществе в целом.

Всеобщий товар-эквивалент, появляясь на рынке, а затем, исчезая с рынка один за другим, приводит к тому, что объектом обмена - товаром-эквивалентом становится сам человек. К. Маркс указывает на это: «И немного потребовалось теперь времени для того, чтобы открыть великую «истину», что человек так же может быть товаром, что силу человека можно обменивать и потреблять, если превратить человека в раба. Едва люди начали менять, как уже сами стали предметами обмена». (3. с.175) Стать товаром, попасть в рабство человеку можно было за долги, по причине исчезновения других товаров-эквивалентов рынка обмена и смены состояния рынка, а также в непосредственных захватнических войнах, ведущихся ради обладания рабами. Продажа, обмен рабов в свою очередь расширяет рынок товаров, вызывая встречный обмен «всеобщих товаров-рабов» на непосредственно потребляемые товары. Но человек не может и не хочет быть только товаром и тому примером служит восстание Спартака, происшедшее в 73-71 гг. до н.э., охватившее сначала Южную Италию, а

затем и всю Италию, в котором участвовало около 70 тысяч человек.

В конечном итоге происходит разрешение и этого противоречия, заключенного в товаре-эквиваленте. Человек сбрасывает взаимоотрицающие стороны: с себя – функцию товара-эквивалента, и с отчуждателя – собственника данного товара. Появляется такой товар, который выполняет функцию всеобщей меновой стоимости, можно называть его «всеобщим эквивалентом», – это благородные металлы: золото, серебро, медь. Сбрасывается старая форма собственности на всеобщий эквивалент и антагонистические свойства, определяемые и борющиеся в самом человеке: всеобщую меновую стоимость, как характеристику постоянства, и стоимость – затраты труда и сил, которые человек расходует.

Данная проблема рассмотрена в статичном положении, т.е. когда на рынке наступило равновесие между спросом и предложением. Превалирование спроса над предложением повышает цену товаров над себестоимостью и вызывает перетекание капиталов и отклонение от рыночного равновесия. Это усложнит рассматриваемую проблему, поэтому динамические процессы оставлены без внимания, они только вносят случайность, но с необходимостью синергетически формируют новое противоречие.

Смена рабовладельческой формации в Античном мире произошла приблизительно в 4-6 веках нашей эры. Большая часть Западной Римской империи была захвачена варварами, разрушившими прежние экономические отношения обмена, образовав в дальнейшем ряд раннефеодальных королевств: вестготов, вандалов, остготов, бургундов, франков, лангобардов. Функция товара-эквивалента закрепляется за некоторым третьим товаром: «Такой третий товар, становясь эквивалентом для других различных товаров, непосредственно приобретает всеобщую или обще-

ственную форму эквивалента... Но с развитием товарного обмена она просто закрепляется исключительно за определенными видами товаров, или кристаллизуется в форму денег». (2. с. 98) Всеобщая форма товара-эквивалента переходит к тем товарам и закрепляется за ними, которые по своей природе особенно пригодны для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, менового товара, а именно – к благородным металлам: золоту, серебру, меди.

Таким образом, товарные стоимости превратились в мысленно представляемые и реально осуществляемые в обмене количества золота и других благородных металлов различной величины, и несмотря на пестрое разнообразие своих товарных тел, превратились в величины одноименные, в величины золота. Появление всеобщих товаров-эквивалентов синергетически раздвигает границы тождеств противоположностей с уменьшением их энтропии, разрешенных на ранних этапах развития материалистических противоречий. С одной стороны, обмен товаров Т-МТ-Т (МТ - меновой товар), разрывает индивидуальные и локальные границы непосредственного обмена продуктами и развивает обмен вещества человеческого труда, вызывая появление новых товаров для войны и мира. С другой стороны, синергетически развивается целый круг общественных связей, которые носят характер отношений, данных от природы, например, семья. Возникает патриархальная семья с утверждением института наследства имущества и с соответствующей передачей трудовых навыков или способностей к завоеваниям через поколения.

При смене рабовладельческой формации происходит становление следующего нового экономического качества – «денег», а второе экономическое качество (категория) – «товар-эквивалент» возникает в своем устойчивом виде, в форме тождества противоположностей, и это свойство

всеобщего эквивалента закрепляется исключительно за благородными металлами: золотом, серебром, медью, а сейчас и платиной. Двоякая роль денег, как средства и как цели, рассматривалась еще Аристотелем и послужила теоретическим фундаментом для разграничения понятий «экономика» как искусство приобретения полезных благ и как способа обогащения. Первое он считал необходимым, соответствующим природе и имеющем свои границы, а второе – не соответствующим природе и не имеющим границ. Далее Аристотель отмечал: «... люди обращают все свои способности на наживу денег, будто это является целью, а для достижения цели приходится идти на все...» (4).

Деньги давно исторически выполняют важную роль в обществе, являясь всеобщим эквивалентом стоимости других товаров, выступают мерилем цены товаров и услуг, а также общепринятым средством платежа. Говоря, «наличные деньги» мы, как правило, представляем себе бумажные билеты и металлическую монету, а сейчас также пластиковые, интернетовские и другие виды денег. Впервые монеты упоминаются около VII в. до н.э. в Лидии и ионических городах Малой Азии (имеются также сведения, что самые первые монеты появились в Китае в середине 2-го тысячелетия до н. э.). Распространение монетного дела в античности приходится на период наибольшего могущества Римской империи. Сам термин «монета» берет название от одного из прозвищ богини Юноны (Yuno Moneta – Юнона Предостерегающая), при храме которой на Капитолийском холме в Риме находился первый монетный двор. От монеты произошли английские современные слова mint (монетный двор) и money (деньги). С течением времени словом «монета» стали называть монетный двор, а затем – и его продукцию. (2. С. 139)

В России, как и в Европе, периодически увеличивались налоги и этот процесс часто сопровождается фальси-

фикацией золотых и серебряных монет. Так «медный бунт» в России 1662 года (Московское восстание) вызвано выпуском, начиная с 1654 года большого количества медных денег, приравненных к стоимости серебряных, что привело к резкой инфляции денег и спекуляции предметами первой необходимости, массовому изготовлению фальшивых медных монет правящей верхушкой. Под влиянием восстания народа медные деньги были отменены в обращении.

В результате денежной реформы, проведенной Петром I в 1698-1718 гг., утвердилась система, опирающаяся на национальный денежный счет (1:100). Новая русская денежная система вписалась в общеевропейскую: рубль и по весу был приравнен к талеру с его системой взаимоотношений крупных и разменных единиц. В России, как и в Европе, для чеканки монеты стали употреблять три металла: золото, серебро и медь. Золото, являясь масштабом цен, первоначально действительно исторически содержит в монетах (фиксированных единицах) это количество золота, но затем весовые количества в виде монет, обращаясь, - снашиваются и теряют действительные количественные соотношения золота. "Монета снашивается и становится легче, чаще переходя из рук в руки... В торговых делах люди обращают внимание на название и чеканку, а не на количество серебра... Авторитет правительства делает из куска металла деньги". (2. с. 140) Техническая трудность чеканить малые количества золота, вызывает появление серебряных и медных монет, которые еще больше отделяют реальное содержание от номинального содержания денег. "В течение целого ряда веков государи занимались непрерывной фальсификацией денег, вследствие чего от первоначального веса монет действительно остались названия".(2. с. 109-110). Французский король Филипп IV красивый также не смог устоять перед выпуском фальши-

вых денег, золотые деньги становились все легче и легче, а стоили все дороже и дороже. В ответ на фальшивомонетчество и свое обнищание вспыхивали народные бунты, которые король топил в крови.

Так постепенно всеобщая форма стоимости товаров-эквивалентов и фиксированные единицы измерения менового товара разделяются до взаимоисключающих антагонистических сторон. "Как меновая стоимость товаров благодаря процессу их обмена кристаллизуется в золотых деньгах, точно так же золотые деньги в обращении испаряются до своего собственного символа, сперва в форме изношенной монеты, потом в форме вспомогательных металлических монет и, наконец, в форме не имеющих стоимости знаков, бумажек, простого знака стоимости".(1. с. 98). Отсюда становится ясно, что противоречивыми, антагонистическими сторонами противоречия являются: фактический человеческий труд и потребности человека, измеряемые идеальными средствами, не соответствующие этим затратам.

Вначале бумажные деньги исторически представляли собой расписки в виде векселей банков, в которых содержалось обязательство выплатить владельцу обозначенную на них сумму металлической монетой. Размен банкнот на монеты из драгоценных металлов был отменен в большинстве стран в 1914 году, а после мирового экономического кризиса в 1929-1933 гг. прекращен повсеместно.

Первые русские бумажные деньги, в виде ассигнаций, появились в 1769 г. в период правления императрицы Екатерины II. (6) Как пишет А.И.Юхт: признаком технической невозможности обслуживать возросшее денежное обращение с помощью металлических денег стало непомерное увеличение удельного веса медных монет, которые вместо естественных для них разменных функций стали играть роль основного платежного средства. Осуществле-

ние платежей медными деньгами было крайне неудобно. Вес 100 руб. составлял свыше 6 пудов, а 1000 руб.- 62,5 пуда. Выпускаемые ассигнации имели номиналы 25,50,75 и 100 рублей. Для защиты денежных билетов от подделки ассигнации печатались на бумаге с водяными знаками и имели рельефные изображения, выполненные тиснением. В 1775 г. в обращении находилось уже ассигнаций более чем на 20 млн. руб.(7) Этим процессом можно объяснять исторический процесс накопления сокровищ, накопление товаров под видом сокровищ и обнищание масс, т.е. это исторический процесс отделения производителя от средств производства. В истории Европы ренты, подати и т.п. превращаются из поставки натурой в денежные платежи и вызывают ужасную нищету сельского населения стран Европы. Особенно наглядно этот процесс накопления и обнищания масс протекал в России, где появление золота и благородных металлов в качестве всеобщей формы стоимости протекало относительно мирным путем, а процесс накопления и обнищания масс выразился в торговле крепостными крестьянами.

Противоречие феодальной формации разрешилось в результате буржуазных революций и в результате окончательно появилось новое качество - деньги в виде тождества противоположностей: всеобщей формы стоимости, выражаемые в торговле драгоценными металлами и фиксированными единицами измерения человеческого труда. Денежное обращение находится в самом совершенном состоянии, когда оно состоит из бумажных денег одинаковой стоимости с тем золотом, которое они должны представлять, а золото в свою очередь с тем объемом товаров и услуг которые представлены на рынке. С противоречия, в результате революции, были сброшены антагонистические свойства и старая форма существования, частная собственность над производителями, а также синергетическое

расширение границ уже существующих тождеств противоположностей, а на рынке появляется новый товар - "рабочая сила".

Теперь, в начале XXI века, мир вступает в третий этап монетарной истории - в эру электронных денег, но устойчивые внутренние противоречивые свойства денег будут сохраняться и у них. Они произведут в обществе такие же радикальные и далеко идущие изменения, какие были совершены двумя предыдущими монетарными революциями в свое время. Деньги – это продукт общества, «социальное изобретение», и общество в ответе за своё дитя. Так же, как когда-то давно силой общественной потребности, были созданы деньги, так теперь силой общественного разума нужно понять их место и роль в жизни общества и научиться управлять этой «стихией». Деньги, не меняемые на товары в одну, пять, десять и пятьдесят копеек, часто уже валяются под ногами на улице или в транспорте, как проявление экономической памяти человека и нужно ли их изготавливать, затрачивая ресурсы, если на них нельзя ничего купить.

Современная экономическая теория рассматривает деньги как средство обмена, которое предназначено для облегчения торговли, и видит в этом их жизненно важное значение. Деньги без дополнения их рынком драгоценных металлов и соответственно развитым рынком товаров и услуг ведет к инфляции и социальной напряженности в обществе, трудностям в его развитии.

Рассматривая все предшествующие типы способов производства, А. Маркс показал их объективную историческую необходимость: "Природа не производит на одной стороне владельцев денег и товаров, а на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем

историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства". (2. с.180)

Исторически появляется на рынке обмена товаров - денег и особого товара "рабочей силы", которые, взаимодействуя друг с другом, создают капитал. При капиталистическом способе производства весь процесс удовлетворения любой человеческой потребности разрывается на два: процесс производства товаров для потребления всем обществом, т. е. на непосредственный процесс потребления, через обмен получаемых денег (как результат труда) $D - T$, при котором деньги обеспечиваются золотом и достаточным объемом товаров и на процесс получения прибавочной стоимости для капиталиста, выражающегося формулой $D - T$ ("рабочая сила") - D' . В этом проявляется противоречие капиталистической общественно-экономической формации. Такое противоречие, как результат действия внутривидовой агрессии, развивается до антагонистических свойств, получение прибавочной стоимости за счет необходимой стоимости, которая биологически необходима на физическое восстановление рабочей силы и воспроизводство рода человеческого. Разрешение противоречия капиталистической формации оказалось возможным в результате политической борьбы, выразившейся в социалистической революции, которая привела к сбрасыванию антагонистических свойств и старой формы существования (всеобщей частной собственности на средства производства), но для ее осуществления необходимы были определенные условия и, как указывал Ленин: "Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще

говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главных признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис "верхов", кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы "низы не хотели", а требуется еще, чтобы "верхи не могли" жить по старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в "мирную" эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими "верхами", к самостоятельному историческому выступлению". (8. с.218).

Первые два условия являются объективными условиями возникновения революционной ситуации, указывающие на антагонистические стороны существующего противоречия. Третье условие уже является субъективным фактором, которое и характеризует появление нового качества - общественного сознания. Далее Ленин развивает эту мысль: "...не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перчисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов не "упадет", если его не "уронят".(8. с. 219). Исторически, в возникшей революционной ситуации, отсутствовали центристские партии, способные отразить наиболее общие интересы народа, а требования к реформированию общества были сформулированы еще во

время революции 1905 года: свобода личности, свобода собраний, свобода печати, введение бесплатного общенародного образования и прежде всего решение проблемы собственности на землю.

Третье, субъективное условие показывает необходимость появления внутри капиталистического общества нового качества, которое при смене формации станет движущей силой новой социальной формации. Материальной силой социалистической формации явился рабочий класс, руководимый партией и вооруженный философской теорией. «Подобно тому, как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие...» (9 с. 428). Большевики были лучше сплочены и подготовлены к решению назревших задач.

И в результате Октябрьской социалистической революции была сброшена с диалектического противоречия старая форма существования, всеобщая частная собственность на средства производства, и антагонистические свойства, и появилось новое качество - сознательно развивающееся общество, руководимое партией, овладевшее передовой на данном историческом этапе философской теорией. Новое качество и стало новой движущей силой социальной формации, т. е. появилось общественное сознание способное создавать представления о будущем обществе и реализовывать это представление через создание нового способа производства и новых условий жизни. А также окончательно появилось новое качество, в виде (Гегелевского, а не Марксова) тождества противоположностей и это капитал - стоимость, приносящая прибавочную стоимость.

Сам человек теперь является мерилем всех своих потребностей, сам выражает потребности, оценивает их и сам же способен их удовлетворять посредством труда, но без

правильного отражения действительности и познания законов бытия сделать это, как показала история развития России, невозможно.

Чтобы качественно жить, человек формирует собственное мировоззрение. Мировоззрение – это необходимая составляющая человеческого сознания в его взаимодействии с миром, включающая и процесс познания этого мира. Разнородные знания, убеждения, мысли, чувства, настроения, стремления, надежды, соединяясь в мировоззрении, формируют более или менее целостное понимание людьми мира и самих себя, адекватное понимание исторического процесса.

Отражая общественное бытие в различных формах, общественное сознание представляет собой сложное многоплановое и динамичное образование, как и сама жизнь общества. (10. с. 4) Становление сознания любой социальной группы, начинается с осознания ею своего группового, общего «Я», своей идентичности и своего места и положения в системе общественных отношений. Этот процесс первоначально протекает, прежде всего, в виде формирования психологии данной группы, ее психологической общности - общественной психологии.

Механизм формирования общественной психологии очень многообразен. Она находится под воздействием всей системы общественных отношений, под воздействием всей практики взаимоотношений с другими социальными группами, с государством. По своей природе она есть, прежде всего, отражение общественного бытия. Она отражает непосредственно экономические отношения, но пока еще не в форме логического осмысления, а в форме чувств, эмоций и далеко не всегда верных представлений, формирующихся на основе повседневного восприятия конкретных рыночных, ценовых, распределительных, семейно-бытовых и т.д. и т.п. отношений. Сказывается на ее содер-

жании состояние и развитие производительных сил, совершенствование техники. Непосредственному воздействию общественная психология подвергается и со стороны конкретных проявлений политических отношений, господствующих в обществе, со стороны тех или иных политических акций, со стороны юридических отношений. Психология любой социальной группы впитывает в себя элементы из содержания психологии предшествующих групп, например, в виде обычаев и традиций, вплетает элементы психологии групп, существующих с одновременно с данной группой и особенно активно взаимодействует с психологией и идеологией господствующего класса.

Интересы правящего класса, при создании определенного уровня монополизации, начинают удовлетворяться за счет отчуждения результатов труда класса, производящего общественное богатство. У эксплуатируемого класса не остается необходимого уровня материальных благ, обеспечивающих производство и воспроизводство действительной жизни. В структуре угнетаемого класса у ряда социальных групп возникают стрессовые ситуации, выход из которых возможен в поиске новых способов обеспечения здоровья, семейно-бытовых отношений, обеспечения устойчивого уровня жизни, в развитии системы социальной напряженности. Господствующий по форме собственности класс, вынужден создавать или совершенствовать существующую идеологию данного общества, для поддержания его устойчивости и своего положения в обществе.

Общественное сознание, на основе ранее возникших в природе всех форм отражения, выражает общественное бытие, в то же время способно творить идеальное представление о будущем обществе. Оно моделирует новые общественные отношения, вырабатывает идеалы, создает образы такого общественного устройства, которое в наи-

большей мере соответствовало бы интересам его носителя, интересам той или иной социальной группы или всего общества в целом. Условием создания правильного идеального образа будущего общественного устройства служит обширное и углубленное изучение объективной действительности, знание законов общественного развития, сущности самого человека.

Сделаем небольшое историческое отступление, чтобы показать как взгляды человека влияют на его судьбу.

Судьба человека во время Ярославского мятежа.

Настоящее время отстоит от времени мятежа более чем на 90 лет. В Ярославле некоторое время проживал и погиб во время мятежа Сергей Александрович Суворов (1869-1918), а жизнь его во многом интересна и поучительна.

Какое-то время он работал заведующим подотдела статистики Ярославского губернского земства. После Октябрьской революции 1917 года исполнял обязанности Городского Головы и был членом Совета рабочих депутатов.

Но более известен Сергей Александрович Суворов тем, что подвергся критике за свои философские взгляды В.И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1). Он опубликовал статью «Основания социальной философии» в совместном с рядом авторов сборнике «Очерки по философии марксизма», 1908 год. (3).

Его жизнь можно рассмотреть, как воплощение его философских взглядов и заблуждений. В своей статье он пишет: «Стремление к монизму, к законченному единству мировоззрения составляет основную черту всякой философии», (3) с. 291. Основы своих философских изысканий он и направлял к нахождению единственного и единого закона мироздания. Им был, как он считал, найден и в уже указанном сборнике приведен такой закон - «закон эконо-

мии сил». Как пишет Сергей Александрович Суворов: «Закон экономии сил является регулирующим началом всего жизненного развития.» (3) с. 295 и далее: «Законом экономии сил регулируется все общественное развитие с его противоречиями, борьбой и творчеством новых форм жизни.» (3) с. 327. Ленин В.И. справедливо подверг критике взгляды С.А. Суворова, но не совсем обосновано. В противовес универсальному закону экономии сил он противопоставил закон сохранения и превращения энергии, что трудно признать глубокой аргументированной критикой. (1) с. 353.

Оба представителя материалистического направления в философии относили себя к сторонникам диалектического материализма, но в пылу спора как-то забыли, что в рамках диалектики жизнь развивается через противоречия.

В рамках статьи С.А. Суворов все же пишет, что единым законом описать жизнь невозможно и указывает: «Эволюция жизни определяется отношением траты и накопления ...» (3) с. 295, но это только временное отступление, от единого закона. Но сама жизнь указала ему на ошибки и жестоко разрушила его философские убеждения.

Во время белогвардейского мятежа Сергей Александрович был захвачен мятежниками. Когда кольцо вокруг восставших стало сжиматься, они предприняли несколько попыток послать парламентариев для организации переговоров. В одну из таких попыток в качестве посредника - парламентаря для прекращения кровопролития и был отправлен Сергей Александрович Суворов (2) с. 166. Мятежные войска сражались под белым флагом, под ним же С.А. Суворов пошел на переговоры. В условиях недостаточной видимости, при наличии белого флага и при значительном расстоянии от своих, он был принят за одного из мятежни-

ков. Прозвучало несколько залпов и Сергей Александрович Суворов был сражен.

Вот так жизнь доказала, что единым законом описать ее невозможно. Жизнь есть единство и борьба противоположностей и особенно это ярко проявляется в период социальных потрясений.

В настоящее время активно развивается новая наука «синергетика», в рамках которой можно найти новые результаты той дискуссии, которую вели философы в начале XX века.

В границах синергетики рассматриваются две тенденции: возрастание рассеивания энергии в окружающую среду - энтропия и противоположный процесс - негэнтропия - процесс упорядочивания структуры объекта с уменьшением траты, рассеивания этой энергии в окружающую среду, чем не «закон экономии сил» С.А. Суворова.

Жизнь доказала справедливость действия законов диалектики, и судьба С.А. Суворова красноречиво доказывает их справедливость в жизни.

1. Ленин (Ульянов) В.И. «Материализм и эмпириокритицизм», П.С.С., Т. 18, Изд-во политической литературы, М., 1980 г., - 525 с.

2. «Шестнадцать дней» (Материалы по истории Ярославского белогвардейского мятежа 6-21 июля 1918 г.) Под общей ред. Пальгунова И.Г. и Розановой О.И., Ярославль, 1924 г., Издание Ярославского губкома, - 256 с.

3. «Очерки по философии марксизма», Спб., 1908 г., - 329 с.

Все предшествующие периоды развития общества, пытались удовлетворить все возрастающие потребности человека и эти попытки привели в настоящее время к многочисленным глобальным проблемам. И все же общественное сознание существует объективно и не считаться с ним уже нельзя, в структуру которого включены челове-

ческие отношения, в том числе и экономические, проявляющие свою устойчивость и внутреннюю противоречивость.

Литература

1. К. Маркс, Ф. Энгельс "К критике политической экономии", Из-во полит. литерат., М., 1960. Соч. т.13.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. М.: Политиздат. 1960.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. М.: Политиздат. 1960.
4. Аристотель. Политика. / Аристотель / М., 1984. – 1258а10.
5. Юров А.В. Деньги: выпуск, защита от подделки, борьба с фальшивомонетничеством / А.В. Юров /Деньги и кредит. – 2002.- №4. – С.36-44.
6. Амосов А.И. Эволюция денежной системы России. / А.И. Амосов / Вопросы истории.- 2003.- №8.- С.86-95
7. Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. /А.И. Юхт/ – М., 1994.- С. 254-267.
8. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч.5-е изд. Т. 26. М.: Политиздат, 1980.
9. Иванов В.А. Структура общественного сознания. Учебно-методическое пособие в помощь студентам и аспирантам. М.: Российское философское общество, 1993.

Иванов В.И.

2.4. БУДУЩЕЕ: НАУКА, РЕЛИГИЯ, ОБЩЕСТВО

Введение

Будущее. Какое? Через 20 лет, 50 лет, 500 лет? Один из известных советских философов А.Г. Спиркин говорил: “Туман будущего сгущается”. Какие факторы больше всего влияют, воздействуют на формирование будущего?

Наука? Да. Это, пожалуй, очевидно, если знание есть сила. Философия? Пожалуй, нет. Потому что сегодня время прагматизма, время прагматиков. Поэтому, как Сократ 2500 лет назад, как Соловьев, Бердяев, Фуко, Фейерабенд недавно и сегодня сильным мира сего не нужны. Общество? В развитых демократиях, видимо, да. Потому что наряду с хамством, лицемерием, хищничеством в народе живут и любовь, и милосердие, и сострадание, и чистота чувств и помыслов. Во взаимодействии, в борьбе и во взаимодополнении этих качеств и формируется та или иная атмосфера человеческих отношений.

Наибольшее влияние на формирование будущего имеют, пожалуй, олигархи, особенно подчинившие или сросшиеся с государством.

Вот некоторые иллюстрации:

– В печати иногда мелькают такие сведения, что ученые работают в закрытых лабораториях над проблемой существенного продолжение жизни человека (200 и более лет, что обретут, конечно, самые богатые и влиятельные).

– Управление климатом планеты, что может привести к климатическим войнам (московская жара 2010 г. – якобы следствие направленного воздействия со стороны научного центра США из Аляски).

– Распространение генетически модифицированных продуктов питания иногда разрушает человеческую жизнь, что может привести к сокращению населения, к прекращению воспроизводства людей. Что, конечно, выгодно для богатейших слоев. Таким образом можно решить проблему перенаселения на Земле, сохранить ресурсы для меньшинства.

Беглый анализ жизни прошлых веков показывает, что успехи науки, техники, технологии, начиная с древности и до наших дней используются, в основном, в интересах господствующего меньшинства. Однако, сегодняшний прессинг человека массы (массовой культуры) говорит и о другом. Его, этот прессинг, можно, в какой-то степени, сравнить с **нигилизмом**, описанным И.С. Тургеневым в “Отцах и детях”. Только если там Базаров и молодой Кирсанов, люди с университетским образованием, решили “поступиться принципами” – отвергли высшие человеческие ценности, которые выражены в идеях крупных мыслителей и широко не воплощены в практической жизни людей, окрестив их, эти принципы, – пустой болтовней. Они решили **делать дело**, т.е. воплощать те идеи, которые можно осуществить сейчас – лечить людей, учить их грамоте, ремеслам, строить дома для большинства населения, развивая для этого естественные науки, технику и технологию.

Сегодня, в какой-то степени можно сказать, что их **программа выполнена**. Общество получило огромное количество **людей массы**. Это они заполнили дороги автомобилями, это они оседлали компьютеры и интернет, это они сидят в офисах, лабораториях, преподают в школах, колледжах и университетах, в виде постмодерна и худших образцов аналитической философии проникают и заполняют философскую нишу, заполняют литературу, театр, кино, шоу-бизнес. Недавно президент России объявил о будущей “конверсии” образования – сократить количество

вузов на 80%, и настолько же увеличить количество техникумов и профессионально-технических училищ.

Образовался такой мощный альянс олигархов, власти и среднего класса (человеков массы), предельная цель (главное увлечение) которых – стяжательство, стремление к обогащению любой ценой; тем более, что современные наука, техника и технология предоставляют бесконечное разнообразие предметов вождения. Такое состояние жизни общества, чреватое экологическими, демографическими, национальными, региональными, проблемами терроризма, наркобизнеса, бандитизма, угрозой больших и малых войн, может существовать довольно долго. Упование на науку, креативность, нано и более мощные технологии, инновации и всякие супер-фортрестновации в этом случае безнадежно и бессмысленно. Ибо нельзя не согласиться с Фаготом и Воландом М.А. Булгакова, что все это приводит только к изменению “аппаратуры”, или по Марксу к изменению только “неорганического тела” человека, существенно же человек, ни индивид ни общество, не меняются.

Что же является этой константой, этим вечным тормозом, которые не позволяют человеку и человечеству **измениться существенно, прогрессировать существенно?**

Этим вечным тормозом является недоброкачественная, отравляющая ткань человеческих отношений, пропитанная злобой, лицемерием, ханжеством. Она, как отравленный воздух или отравленная вода нейтрализует, убивает все благие и выдающиеся достижения научной, технической, технологической и социальной мысли. Об этом, т.е. о том, что достойная человеческая жизнь возможна лишь в атмосфере добра, доброжелательства, уважения и любви друг к другу, испокон веков говорят нам лучшие умы философов, писателей и поэтов. Напомню только некоторые из них: Эсхил, Софокл, Солон, Сократ, Платон,

Шекспир, Гете, Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Достоевский, Тургенев, Толстой, Чехов, Бунин и мн., мн. др.

Мы же их не слушаем. Мы не придаем их голосу и мыслям существенного значения. Мы говорим вслух или про себя: “Это так, это сопли, это досужие размышления, т.к. реальная жизнь совсем другая – она жестокая, злобная и коварная”. Прочитали или посмотрели с женой или ребенком спектакль и через час забыли. Мы игнорируем важнейшее требование к человеку, что не только ум, но и душа для обретения совершенства обязана трудиться. Кстати напомним, что Пол Фейерабент, которого мы изучали в прошлом году, как раз пишет о том, что мы переоцениваем роль науки и недооцениваем ряд важнейших достижений мысли и культуры; в том числе музыки, литературы, театра, архитектуры, изобразительного искусства, во взаимодействии с которыми и формируются наши души.

Давайте посмотрим, как оценивают ткань общественных отношений великие умы.

А.С. Пушкин

Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!

Вспомним как это перекликается с Достоевским, когда на суде Иван Карамазов, обращаясь к присутствующим, спрашивает: “Кто же не хочет смерти своего отца?!”

И далее опять Пушкин

Мосье аббат, француз убогий,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя.
Не докучал морально строгий,
Слегка за шалости бранил
И в летний сад гулять водил.

Это пример воспитания молодого человека из высшего общества. Каков результат? А вот он!

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей...

Тот же мотив у В.П. Астафьева, когда ему Пашенко (писатель и депутат в Красноярске) и иже с ним пеняют на то, что он не любит народ. “А за что его любить?” – парировал Виктор Петрович. Идем дальше. Что значит – “в душе презирать людей”? Это значит, если им не говорить открыто (причем, скорее всего, ты самходишь в круг презираемых) – это вечное мучение или равнодушное согласие с тем, что мы все, “мягко выражаясь”, – дерьмо. Еще одна иллюстрация. А.С. Грибоедов “Горе от ума”. В пятом или шестом классе нам учительница с пафосом критиковала “фамусовское общество”. Ученики принимали за чистую монету. Фамусовское общество – это общество дореволюционной России, а у нас, в стране победившего социализма, правят бал Чацкие – умные, честные, справедливые люди, чуждые хамству, лести, приспособленчеству.

А что мы видим сейчас? Все те же пороки; а уму, честности, справедливости как не было места, так его нет и сегодня. Далее опять Пушкин.

Но дружбы нет уж той меж нами,
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно,
Нам чувство дико и смешно.

Здесь мы видим нагляднейшее свидетельство того, что мы нарушаем основной нравственный закон, гласящий что **нельзя использовать других людей в качестве средства для достижения своих целей**. Имеется в виду не со-

вместная, честная, с уважением друг друга деятельности; а действия, основанные на лицемерии, хитрости и манипулировании друг другом. И, опять-таки, – последняя строчка стиха:

Нам чувство дико и смешно.

Что это значит? Это значит, что мы заглушаем в себе “души прекрасные порывы”. Мы их стесняемся, они нам кажутся смешными, не значимыми, проявлением слабости. Кто из интеллектуалов страдал, плакал, восхищался Жизелью, Эсмеральдой, героиней “Лебединого озера” и мн., мн. др. Так и Онегин заглушил в себе чувство того, что он некрасиво, не справедливо, зло “пошутил” над Ленским, ранил тяжело его чувство к Ольге. Он испугался молвы о трусости и убил Ленского на дуэли. И это приличный, во многом симпатичный, представитель общества, а что ждать от отморозков.

Из сказанного выше следует, что пока мы не будем озабочены недоброкачественной, отравляющей атмосферой общественных отношений, где каждый презирает других, где каждый хочет нажить за счет обмана или убийства других, где очень многие хотят смерти своего отца, где порядочный человек определяется как человек, делающий гадости другим, только без удовольствия, где интеллектуалы с приличными душевными качествами вынуждены замыкаться в узкие круги, – светлого будущего мы не дождемся, какими бы чудесными открытиями не одарили нас ученые любых отраслей и специальностей.

Что еще очень прискорбно? Общественная жизнь, общественное сознание очень инертны, консервативны. И вот эта мерзость, гадость социальной атмосферы, которые существуют тысячи лет, кажутся большинству непреходящими, вечными, неуничтожимыми атрибутами общественного бытия. На самом деле это не так. Как и почти все в мире, их можно культивировать, совершенствовать, улуч-

шать, приводить и привести в истинно человеческое состояние. Надо только понять, уяснить, что в этом суть вещей, существеннейший момент человеческой жизни. Понять, что **человеческие (морально-нравственные) отношения это субстанция, это сущность, это главный непреходящий закон общественного бытия**; а совсем не второстепенные, побочные явления жизни людей.

И конечно **нельзя морально-нравственную атмосферу сегодняшнего несовершенного, недоразвитого общественного мира считать неизменной и вечной**; не смотря на то, что, по словам Пушкина, у Онегина (как и у многих других незаурядных людей) хранилось

два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

Встает вопрос, как у превалирующего в обществе человека массы вызвать интерес к истинно человеческим ценностям? Ответ напрашивается сам собой и будет таким:

а) государство и господствующие классы должны уяснить сами себе, что воспитание и образование населения и, прежде всего, детей в русле **прекрасного, доброго, вечного** должно быть главной, первостепенной задачей всех модернизаций;

б) соответственно разработать механизмы осуществления этой задачи.

Первостепенная важность такой задачи, как уже говорилось выше, осознана великими гуманистами с древних времен. Вот только один пример. И.С. Тургенев устами

Павла Петровича Кирсанова в “Отцах и детях” говорит: “Без чувства собственного достоинства, без уважения к самому себе – нет никакого прочного основания общественному благу, общественному зданию. Личность, милостивый государь, – вот главное, человеческая личность д.б. крепка как скала, ибо на ней все строится.” А пока их, личностей, нет, или очень мало; они не могут справиться с лавиной человек масс. И пока общество будет существовать в такой незавидной пропорции, нет и никогда не будет ни каких радикальных способов борьбы с коррупцией, взяточничеством, откатами, обманом, лицемерием и всеми прочими общественными пороками.

И это не досужие вымыслы. Все это подтверждено практикой общественной жизни. Почему народы стран Скандинавии и Бенилюкса живут спокойнее, богаче, счастливее нас? Потому что они, прежде всего, честнее, добрее, гораздо меньше воруют и убивают друг друга. В населении этих стран больше согласия. А ведь известно со времен дедушки Крылова, да и неспокон веков, что “когда в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдет.” Об этом же говорят и др. примеры. Разгул лжи, лицемерия, разврата, насилия погубили такие города и империи как Содом и Гоморра, Карфаген, Древний Рим, Третий рейх, Советский Союз.

1. Основные понятия футурологии

Почему нас интересует будущее? Потому что нормальные люди и сами хотят и для своих детей и внуков хотят лучшей жизни, более справедливой, комфортной, более счастливой. Ее пока нет, но о ней можно помечтать, а может быть со временем и создать. В истории человечества наработаны основные понятия размышлений о будущем. Обратимся к ним.

- **утопия** – благословенная страна; место и время, которого пока нет;
- **антиутопия** – пессимистический или предупреждающий сценарий развития общества;
- **коммунизм** – марксистско-ленинское представление о светлом и справедливом будущем;
- **социал-гуманизм** – современное представление об обобществившемся человечестве, отрицающее насилие и “диктатуру пролетариата”;
- **утопический социализм** – теории XVIII века (Сен-Симон, Фурье, Оуэн), основанные на необходимости убеждения сильных мира сего в перспективности и эффективности замены частной собственности на общественную;
- **“научный социализм”** – марксистско-ленинское представление о социализме, создаваемым в борьбе с буржуазией при помощи диктатуры пролетариата;
- **обобществившееся человечество** – справедливое общество, где каждый человек будет обладать физическим совершенством, нравственной чистотой и всесторонним душевно-интеллектуальным развитием;
- **справедливость всеобщая** – общество, где нет обиженных и оскорбленных;
- **социальное равенство** – общество, где нет привилегированных и ущемленных;
- **всеобщее братство** – общество, где каждый относится к другим с уважением и любовью;
- **любовь к ближнему** – общество, где нет насилия, вражды, подозрительности и равнодушия;
- **открытый мегасоциум** – глобальное справедливое сообщество стран и народов без вражды и недоверия;
- **неосемантизм** – “ключ”, теория к пониманию всех смыслов;
- **идеальное государство** – аппарат управления, действующий в интересах всех и каждого;

– **космосемантософия** – философия будущего общества (Колмаков В.Ю.);

– **царство истины** – общество, где не будет никакой власти; люди научатся соблюдать общественные интересы без принуждения.

Каким представляется будущее в научно-фантастических произведениях? Вспомним некоторые ситуации из этой области.

Доктор Сальватор в “Человеке-амфибия” А. Беляева, не имея сил справиться с грязной жизнью на Земле, пытается создать справедливый мир под водой, превращая людей в ихтиандров; ему возражают, что под водой со временем установится тот же “земной” порядок.

“Голова профессора Доуэля” и “Гиперболоид инженера Гарина” А. Беляева, – попытки злых и корыстных людей возвыситься над остальными людьми, воспользовавшись присвоенными научными открытиями. Капитан Немо Ж. Верна пытается отомстить обидчикам – захватчикам его дома. “Далекая радуга” братьев Стругацких; здесь группа ученых, совершив непоправимую, смертельную для планеты, ошибку, находят мудрое, высоконравственное решение – отправляют на Землю на единственном корабле детей, остальные были вынуждены расплатиться жизнью.

Станислав Лем – “Солярис”. Основная проблема: чистая наука, не пронизанная высокими душевными порывами терпит крах, не находит отклика у другого разума. Люди, обладающие высокоразвитыми наукой и технологией, но недоразвитые в понимании важности доброты, сердечности, красоты и любви – терпят поражение. Главный герой Крис Кельвин говорит летчику: “Я не имею права руководствоваться душевными порывами!” Ему вторит астробиолог Сарториус, – “Вы излишне впечатлительны! Это Достоевщина!” Беда современного человека в гипертрофированной рациональности и, соответственно, в душевно-

духовной бедности, которые с неизбежностью ведут к прагматизму и жестокости. Ведь это парадокс, когда Достоевский, оцененный очень высоко всеми гуманистами мира, становится ругательным словом.

Океан Солярис, создавая “гостей” астронавтам, как бы говорит словами Пушкина: “Жалок тот, в ком совесть нечиста!” “Вы, ребята, еще поработайте над собой, гармонизируйтесь, гуманизируйтесь, а потом уже приезжайте в гости”. Гибарян, один из астронавтов, не выдержал угрызений совести и застрелился. А мы пока если и стремимся к красоте, то только к идеальным пропорциям тела (90-60-90), а о пропорциях души, интеллекта и духа не задумываемся.

Такой ход развития общественной жизни не правилен, ложен. Об этом известно с незапамятных времен. Сократ идет на смерть, отстаивая аксиомы и законы добродетельной жизни, как единственно приемлемые для достойного человека. Платон удостоен лавров первого философа в мире на все времена за пропаганду честной, достойной, стремящейся к возвышенному, жизни людей. Он говорил, что не только золото надо завещать детям, а, прежде всего, наибольшую совесть. Достоевский и Соловьев настойчиво напоминают, что только доброта, красота и любовь могут спасти мир от ненависти и жестокости. Два века раньше Спиноза обращал внимание современников на тот факт, что “души побеждаются не оружием, а великодушием и любовью”. Буквально “вчера и сегодня”: Маршак – “у человека ум должен быть добрым, а чувства умные”. Бертран Рассел – “мы отстаем в нравственном развитии, у нас зачастую нет совести”. Пол Фейерабенд – наука гипертрофирована, обратите внимание на другие виды знания и понимания. Это понимали теоретически даже жестокие большевики, когда коммунистического человека

представляли не иначе, как обладающего нравственной чистотой.

Сегодня иногда ломают копыя – применять смертную казнь или нельзя, бесчеловечно. А ведь здесь не так уж сложно. **Смертную казнь к людям применять нельзя.** Но ведь среди человекоподобных много нелюдей. Как отличить? Сравнительно просто. Кто не убивает, много не ворует, не насилует, не педофилит – тот человек. Его можно за провинность наказать штрафом или временной изоляцией. Кто убивает, много ворует, насилует, педофилит – тот теряет облик и звание человека, переходит в разряд нелюдей; того можно и надо, необходимо уничтожать, как террористов, как взбесившихся зверей.

И завершая: основными понятиями, основными категориями футурологии, будущего; основными законами будущей жизни, **если мы претендуем на истинно человеческую, достойную жизнь**, должны быть морально-нравственные категории.

Добро и зло;
совесть и стыд;
долг – центральная категория
по Канту;
доверие;
честь и достоинство;
товарищество, для начала – толерантность;
дружба и любовь;
Счастье и несчастье.

Если этого не будет, что очень даже вероятно, человек не выполнит своего долга перед Вселенной, не овладеет своей собственной сущностью. Тогда о нем кто-то вправду будет сказать: “Собаке – собачья смерть”. Имеется в виду смысл выражения, а не неприязнь и не неуважение к этим животным. Люди очень часто желают друг другу крепкого здоровья, подразумевая, что все остальное чело-

веку будет по силам. Когда люди поймут, что еще более важным является морально-нравственное, душевно-духовное здоровье, – светлое, счастливое будущее будет не за горами.

2. Толерантность как необходимое условие существования будущего общества

Толерантность (терпеливость, терпение) – нравственное качество, характеризующее отношение к человеку, принадлежащему к другой расе, национальности, культурной традиции, религиозной конфессии как к равно достойной личности.

Что с самого начала удовлетворяет и радует, это тот факт, что мы начинаем понимать значимость морально-нравственных качеств в развитии общества. Толерантность не сводится к простой терпимости, терпеть можно и тех, кого презираешь и ненавидишь, но при удобном случае обматеришь, и даже набьешь или убьешь. Толерантность – качество высокой, истинной человечности. К сожалению в любом обществе, в том числе и в России, широко присутствуют противоположные качества, которые выражаются в следующих афоризмах:

- бей жидов, спасай Россию;
- хороший индеец – мертвый индеец;
- хороший черный – мертвый черный;
- смерть неверным;
- кроме черных и собак (надписи на дверях баров и ресторанов);
- терпеть ненавижу и т.д. т.п.

Толерантность предполагает настроенность на паритетный диалог, на познание нового, “чужого” и на изменение своих представлений. Вот как раз этого нам в России не хватает. Мы обычно оппонентов не слышим и, главное,

не хотим слышать, а следовательно не слышим того позитивного, что есть в мыслях собеседника; и, тем самым, не обогащаем своих представлений и мыслей.

На центральных каналах ТВ показывают политические передачи “Исторический процесс” и др. Участвуют лучшие ученые, писатели и журналисты страны. Так ведь иногда стыдно смотреть, половина из них не уважают друг друга, все время перебивают, не дают слова сказать оппоненту, даже доходит до оскорблений. Где же здесь толерантность? И это интеллектуальная элита страны, а что же делается в менее образованных, в менее культурных слоях населения? В.В. Путин вместе с Д.А. Медведевым после удачных выборов президента вышли на площадь к народу и с радостью скандировали: “Мы победили! Мы победили!” А кого победили? 40% населения страны. Что эти 40% граждан России их враги? Все эти факты говорят о том, что нам россиянам надо учиться и учиться толерантности, терпимости, взаимному уважению друг друга.

Эти примеры еще раз подтверждают правоту Сократа в том, что добродетели надо учить с детства и в течение всей жизни, т.к. толерантность одно из проявлений добродетели. И заниматься этим должны все достойные люди, но прежде всего, высшие и всякие руководители страны и регионов; учителя, преподаватели и родители. Часто можно услышать в ответ на это: вы говорите о давно известных, банальных вещах! Это не так, и вот почему. Да, говорится об этом давно, со времен Сократа, а может быть и еще раньше, но “воз и ныне там”, практически делается ничтожно мало. А почему мало делаем? Начал это дело Сократ, но его за это убили. Другие, видимо, “стесняются” занять его место до сих пор. Конечно, это очень трудная задача, для ее выполнения необходимо вкладывать много сил и средств.

Исторически содержание этого понятия (толерантность) изменялось – от пассивного терпения, добровольного перенесения страданий, боли, зла (терпеливые люди) и т.п., к “позволению”, “сдержанности” в XVI в. С XVIII в. толерантность – как разрешение со стороны государства и церкви отправления иных религиозных культов, т.е. толерантность как веротерпимость. Толерантность как свобода совести понималась М. Лютером, Э. Роттердамским и Т. Мором. Причем роль толерантности в обществе оценивается очень высоко.

Изгнание этой “примиряющей добродетели” из общественной жизни, по мнению “просветителей” (эпоха Просвещения), явилось причиной того, что целые века “стали позором и несчастьем человечества”. Представляется, что всем понятно, как высока роль толерантности в наше время – время активной глобализации. Туризм, экономическое, научное, технологическое, культурное, спортивное взаимопроникновение невозможно без высокого уровня толерантности, т.е. взаимного уважения. А если возможно, то неприятно и раздражающе.

Нельзя отождествлять толерантность с всетерпимостью и равнодушием (нравственным релятивизмом), что, к сожалению, характерно для человека массы, массовой культуры, активно и в больших количествах поставляемого техногенной цивилизацией. Нельзя и невозможно быть толерантным и даже терпимым к нелюдям – убийцам, насильникам, бандитам, педофилам, маньякам – их необходимо беспощадно уничтожать, потому что они потеряли свой человеческий облик (человеческую сущность) безвозвратно, необратимо. Собственно сама практика жизни ведет к этому. “Мочить в сортире”, не вести никаких переговоров с террористами, находить их и уничтожать беспощадно – этим правилом руководствуются почти все государства. Следует заметить о ложной гуманности, ложной

толерантности, когда в России пытаются запретить смертную казнь ко всем человекоподобным. Здесь присутствует фактическая ошибка, когда нелюдей приравнивают к чело-векам. Умышленные убийства, насилия, бандитизм, педо-филию, их носителей необходимо уничтожать также решитель-но как террористов.

Как свидетельствуют историки, отношения между людьми в первобытнообщинном обществе были следующими. Связи между людьми одного рода или одного пле-мени были дружественными (свои). Отношения же к лю-дям других племен были враждебными (чужие). Вся исто-рия до наших дней, в той или иной степени, сохраняет это деление на “своих ” и “чужих”. Тем не менее необходимо признать, что такое деление людей не соответствует высо-кому уровню культурного развития. Сегодня, в эпоху гло-бализации, сама практика общественных связей на повест-ку дня ставит вопрос об изменении устаревшей схемы в пользу толерантности. Да, они другие, они говорят на дру-гом языке, у них может быть другой цвет кожи, другие ре-лигиозные традиции. Но они тоже люди, они тоже хотят жить, работать и быть счастливыми. Они не “чужие”, мы все “свои” на Земле, хотя внешне можем сильно отличать-ся друг от друга. Конечно, специфика отношений между индивидами в группах очень многообразна и разнопланова (семья, коллектив, спортивная команда, национальная общность, культурная общность, религиозная общность и т.д. и т.п.), но сегодня необходим общий вектор, общий рефрен. Это толерантность (стремление и необходимость понимать и уважать друг друга). Уважение человека каж-дым другим человеком независимо от их принадлежностей к разным расам, национальностям, культурным и религи-озным традициям должно сегодня заменить, вытеснить ве-ками укоренившуюся враждебность.

Сегодня в России отсутствие толерантности ярко проявляется в нетерпимости к однополым бракам и вообще к людям нетрадиционной сексуальности. По радио как-то прозвучало: “Мечтаю о том, чтобы голубых и розовых подвергли публичным казням!” А почему? Почему мы приемлем и уважаем собственную форму сексуального общения и нетерпимы другим? А если это у них на генетической, соматической основе, если у них так расположены хромосомы, или еще что-то на биологической основе, чего может быть мы пока не знаем. Ведь еще Платон в “Пире” писал об андрогинах трех видов. Тогда получается, что это наша нетерпимость сродни религиозной, расовой; разновидность догматизма, от которой достойные люди должны избавляться. Полвека назад М.Фуко писал о том, что пока не будут разрешены однополые браки, общество не будет свободным.

Некоторые как-то “лениво” относятся к толерантности, объясняя это тем, что это якобы иностранное слово, иностранное понятие – не для нас. Это, конечно, отговорка, поскольку эти же люди активно пользуются импортными товарами, достаточно свободно ориентируются в иностранной литературе и философии. Чем же тогда неудобна толерантность? Видимо дело не иностранном происхождении слова, а в нежелании быть толерантным по существу. Видимо, самое трудное в этой проблеме – это определение меры, где у достойного человека толерантность должна переходить в нетерпимость.

Как уже было отмечено выше, уважение человека к человеку не распространяется на нелюдей. И вот здесь существует проблема. Дело в том, что общество включает в себя большое количество нравственных релятивистов. Нравственный релятивизм несет в себе равнодушие к проявлению добра и зла, равнодушие к общественным про-

блемам вообще. Здесь остается интерес только к науке и технологиям.

Отелло и Яго;

Ромео и Тибальд;

Дубровский и Троекуров;

Нравственный релятивист не становится ни на ту, ни на другую сторону. У него нет восхищения героями, сражающимися за правду, любовь, справедливость. Нет осуждения злодеям, бандитам, убийцам, коварству, богачам, добывающим деньги любыми средствами. Нравственный релятивист рассуждают примерно так: “А на сколько то, что вы называете добром есть добро? Над этим надо еще поразмыслить! И такое уж это сильное зло, как вы говорите? А может быть и нет!”. На деле эти рассуждения прикрывают, камуфлируют душевную пустоту и сердечную глухоту. Таких людей в народе называют ледяными сердцами, у них камушки или капрон в груди вместо живых сердец. Их называют еще мелкими душонками.

Почему так получается? Откуда это идет? В чем дело, где “собака зарыта”? Очень просто! Нравственные релятивисты в таком большом количестве порождены XX веком, веком науки, техники и технологии, веком прагматизма и динамизма. Государство и общество стимулирует развитие только научно-технического и технологического прогресса. На положительное, интенсивное развитие сердечных, душевных свойств человека не обращается существенного внимания. Гуманизм, сердечность, душевная красота живет только, и то в большей степени теоретически, в среде писателей, поэтов, артистов, музыкантов, художников, потому что у них нет широкой аудитории, нет должного общественного заказа на их деятельность, нет должного уважения и признания.

Если спросить нравственных релятивистов, кто из них внимательно, сопереживая читал Бальзака и Голсуор-

си, Мана и Фейхтвангера, Чехова, Тургенева, Бунина, Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова, Мериме; кто восхищается Бахом, Моцартом, Аданом, игрой и пением лучших музыкантов и вокалистов; кого из них охватывает душевный трепет при созерцании шедевров Микеланджело, Рублева, Борисова-Мусатова, Рафаэля, Гойи, Веласкеса, импрессионистов? Ответ будет наверняка отрицательным. Никто. Или почти никто. Тогда откуда же возникнет понимание важности морально-нравственных, человеческих законов развития человека и человечества? Поскольку морально-нравственные свойства, свойства человечности и соответствующие им понятия пронизаны, наряду с утонченным умом, эмоциональными, душевными, если хотите, ласковыми свойствами человека.

Кстати этот факт, факт душевной недоразвитости нравственных релятивистов, отражает и их заниженный интерес к философии Сократа, Платона, Флоренского, Соловьева, Лосского, Вышеславцева, ко всей той философии, где проблемы человечности и душевно-духовности стоят на первом месте. Нравственных релятивистов интересует только аналитическая философия, постмодерн и, в какой-то степени, философия естествознания. Они даже политикой, экономикой, футболом, боксом, фигурным катанием не увлечены. Они односторонни как флюсы, как сказал бы Козьма Прутков.

И в заключение. Чтобы люди в подавляющем большинстве были толерантными друг к другу, действительно уважали друг друга, необходимо предпринять государствам и активной гуманной общественности очень большую работу по воспитанию душевно-духовных качеств человека, перераспределить средства предметно-технологического прогресса в пользу прогресса человеческого фактора, развития душевно-духовных качеств человека.

3. Об идеологии будущего

Идеология – это теоретическое выражение мировоззрения и интересов классов и больших социальных групп. Идеология нужна, необходима для целенаправленных, энергических действий в определенном направлении крупных человеческих масс, больших человеческих сообществ.

Первобытнообщинными идеологиями были родовые и племенные религии, почитание родовых и племенных богов. На этом этапе развития человечества идеология и религия была тождественны.

Идеология рабовладельческих обществ – идеология классово-рабовладельческая. Рабы попадали в зависимое, униженное положение (были говорящими орудиями) за то, что не выдерживали двух главных видов конкуренции – военной и экономической. В рабство поступали пленники и попадавшие в долговые ямы, т.е. неспособные заплатить долги. Для синтеза интересов разных слоев населения используются национальные или же религиозные идеи. “Мы – афиняне, – говорил Перикл, – люди свободные и счастливые, мы не изнуряем себя непосильными строевыми и атлетическими упражнениями, как в Спарте, но на войне мы не хуже, нам нравится наш образ жизни и мы его защищаем”. Роль местных, городских богов в мировоззрении населения также была велика. Сократа за непочитание городских богов суд Афин приговорил к смертной казни.

Идеология средневековья – феодальная, скрепой интересов богатых и бедных выступает религия (вера в единого бога). Идеология нового и новейшего времени – буржуазная с большим спектром разнообразия (либералы, консерваторы, лейбористы, социал-демократы, христианские демократы, коммунисты, фашисты и т.д. и т.п.). Что характерно, на Западе становление буржуазной идеологии и буржуазных отношений сопровождалось процессами се-

куляризации, т.е. процессами вытеснения влияния церкви на все стороны общественной жизни. И наоборот, наша российская современная буржуазная идеология и современные буржуазные отношения в стране складываются тесно с процессами клерикализации, т.е. процессами усиления влияния церкви на все стороны общественной жизни. Это объясняется, видимо, следующими причинами. Первое, коммунисты очень жестко обошлись с церковниками, как с “врагами народа”; но у них, как известно, “врагами народа” были все инакомыслящие, все несогласные с их примитивным мировоззрением. Сегодня, чрезмерно заигрывая с церковью, власть отчетливо дистанцируется от нетерпимой, жестокой коммунистической идеологии и практики выстраивания общественных отношений. А во-вторых, поддерживая, в основном, крупный бизнес, и создав коррумпированное чиновничество и коррумпированные структуры, власть не в состоянии создать светскую привлекательную, справедливую идеологию для широких слоев населения. Но чтоб как-то позиционировать себя с добром, с высокими морально-нравственными качествами, власть устанавливает взаимовыгодный союз с церковью, чтобы создать видимость взаимного сочувствия народу, понимания его чаяний и проблем.

XX век – век страха перед фашизмом и коммунизмом, век борьбы с ними и, наконец, время победы над тем и другим. Только фашизм пришлось уничтожить силой, а коммунизм рухнул сам по причине своей несостоятельности и неспособности. Какой урок можно извлечь? Практика жизни подтвердила, что крайности опасны, о чем писал еще Аристотель. Тоталитарные, военизированные режимы опасны, бесчеловечны и недолговечны. Вывод, кажется, напрашивается сам собой – необходимо культивировать умеренность, спокойствие, толерантность, дружелюбие, уважение друг к другу. Бушующие в человечест-

ве страсти цивилизованно трансформировать в спортивные соревнования, конкурсы в искусствах, олимпиады и конгрессы в науке. По мере решения социальных проблем в России и на Земле можно, в конце концов, и приступить к строительству “царства Истины”, где люди могли бы наслаждаться жизнью – своим творческим трудом и созерцанием природных красот и искусством своих современников и предков.

В связи с тем, что компьютерная техника, интернет развиваются гигантскими темпами, многие наши новисты-футуристы ждут от будущего чего-то экстравагантного, необычного, какого-то чуда, невиданного прорыва. Вряд ли это возможно. В атмосфере сегодняшнего, достаточно низкого, уровня толерантности (человечности), когда роль алчности, агрессии, недоверия очень велика, когда жизнь любого отдельного человека и даже больших групп населения ничего не стоит; любой прорыв – научный, технический, технологический, в сфере литературы, искусства, медицины, психологии, биологии обязательно будет присвоен, прежде всего, богатыми хищниками и употреблен, в большей части, во вред большинству населения. Это и атомные и водородные бомбы, ракеты, современное вооружение, трансплантация, геномодифицированные продукты, деятельность различных сверхсекретных служб.

Теперь давайте посмотрим на то, что же сегодня может быть суперновым, экстравагантно новым, непохожим ни на что прошлое и сегодняшнее? И в то же время отвечающим принципам вечной мудрости, а именно, что новое – это хорошо забытое (т.е. не замечена его ценность раньше) старое. И мы увидим совершенно простое (а гениальное – все просто), обыкновенное чудо – это жизнь всех людей по совести, по чести, без обмана, насилия, лицемерия и вранья. Почему это суперновое? Потому что вся человеческая история, многие тысячи лет, замешана на ко-

варстве, насилии, жестокости, лицемерии и вранье; но это произошло не потому, что по-другому жить нельзя, а как раз наоборот, из-за лени мысли и души, из-за эгоизма, недопонимания человеком своей собственной общественной сущности; это ложное, тупиковое направление вектора жизни. От него необходимо отказаться и идти в сторону достойной, красивой, истинно человеческой жизни.

И вот еще о новом, как хорошо забытом старом, об его исторической и фактической значимости. Атом Демокрита 2500 лет назад был гипотетический, теоретический, виртуальный, как теперь принято говорить; его значимость была мировоззренческая, философско-теоретическая или метафизическая. Атом же начала XX века приобрел великое практическое значение, т.к. физика стала лидером науки XX столетия. Также может случиться и с необходимостью обучения всех людей добродетели, на чем настаивал Сократ; и с теорией построения идеального государства Платона, которая тогда у мыслителя не получилась. И то и другое практической жизнью было не принято. Но это не значит, что так будет всегда. Ведь не зря и сегодня очень многие философы и гуманисты признают Платона самым главным, и мощным философом мира. И вот если не сегодня, то может быть завтра идеи Сократа и Платона начнут превращаться в действительность, как обрел действительную силу атом, придуманный Демокритом. Предпосылки для этого есть. Люди устают от лжи, хитрости, махинаций, насилия и угрозы войны. Мировой финансовый кризис – яркое подтверждение этого. Проблемы сегодняшнего мира могут быть положительно разрешены только по пути обретения человеком своей истинной сущности, т.е. избавления от отчуждения, от лжи и насилия и перехода в царство истины и справедливости.

И в заключение, последний штрих – о нравственных релятивистах. Вы уважаемые, не понимаете простой вещи,

а именно, что наличие какого-то ума, умения что-то понимать, без достаточно развитой, сильной души, развитых добродетельных эмоций, – это просто так – безделушка в истинно-человеческом понимании значения разума. А если мы такие, то это значит, что мы просто так, безделушки, недееспособны. Поэтому, когда мы с вами будем на том свете, то Вергилий будущему Данту, сопровождающему его по кругам Ада, скажет, показывая на нас – это так, не стоит внимания, взгляни и мимо. В истории равнодушных, не нашедших путей к истине, людей не ценят.

4. О будущем искусства

Каково оно? По мнению двух великих русских веков, Достоевского и Соловьева, – “красота спасет мир!” Если верить им, то будущее у искусства – великое, благородное и достойное. Надо сказать, что они не одиноки в своем убеждении. Ленин, карёжа и уничтожая свой народ диктатурой пролетариата, военным коммунизмом и гражданской войной, все же иногда думал о будущем народа; и потому выдвигал такие лозунги как, “искусство принадлежит народу” и “из всех искусств для нас важнейшим является кино”. Еще были такое понятие и такое действие власти как “культурная революция”. Почему кино? Потому что с помощью кино в гущу народного сознания, народной души можно привнести и великие художественные произведения, и театр, и балет, и лучшую музыку в исполнении первоклассных исполнителей. Например, скульптура Ники Самофракийской, изображенная в фильме “Код да Винчи”, производит не меньшее впечатление, чем сама скульптура в Лувре.

Напрашивается такой вопрос, если когда-то потом искусство, доброта, красота спасут мир, выведут человека из недостойного, полуживотного состояния, то почему же

они не сделали этого раньше, не делают этого сейчас? Ведь искусство в виде скульптуры, архитектуры, музыки, песнопения, философии, риторики, стихов, трагедий и комедий существует с античных времен, причем в самых разных, зачастую законченных формах. Ответ, отчасти, мы можем найти у Соловьева (“Общий смысл искусства”). Философ пишет, что “совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, – должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь”.

Все просто, как шоколад! Хотим построить достойную человеческую жизнь, значит надо воспитывать детей и самосовершенствоваться самим в атмосфере усвоения, впитывания чувств и идей прекрасного, доброго, вечного; которые рождаются и созидаются в мире искусства. Тогда и искусство выполнит свою главную задачу, оправдает и осуществит свое предназначение; и человек преобразится и примет свою развитую форму homo sapiens (человека разумного, доброго и любящего), когда у него все будет прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли, о чем мечтал многими нами любимый Чехов. К сожалению, сегодня этого сделать невозможно. И не потому, что нет средств, а потому что нет понимания необходимости этого дела. Средства тратятся на другое (вооружение, яхты, драгоценности и т.п.). Сегодня, как и во времена Платона, Сен-Симона, Маркса, Ленина, Брежнева, Горбачева государственные деятели и большинство населения “не видят” путей для активного строительства достойной человеческой жизни. Сегодня 90% населения потратят деньги на бутылку с закуской, нежели чем на хорошую книжку. Это положение необходимо менять путем постепенного перераспределения сил и средств в пользу “улучшения” человеческого

фактора, в том числе и в пользу активного внедрения искусства и культуры в души и мысли людей.

А пока этого нет, к сожалению, всегда будут оставаться правыми царь Соломон и Воланд из “Мастера и Маргариты” Булгакова, а именно, “что было, то и будет; и ничего нет нового под Солнцем”; никогда не изменится человек внутренне, существенно, будет изменяться только одна “аппаратура”. А это значит, что разврат и наркотики, терроризм и экологические проблемы, убийства, бандитизм и педофилия, угроза ядерных и других более страшных войн будут постоянно, как Дамоклов меч нависать над каждым человеческим индивидом.

В связи с отсутствием существенных изменений в человеческом факторе наиболее консервативными являются такие формы общественного сознания и бытия как политика, мораль и религия. Проходят годы и тысячелетия, а демократия, охлократия, тирания, аристократия, тоталитаризм, полития и олигархия – с незначительными конкретно-историческими и конкретно-региональными нюансами сменяют друг друга. То же самое с категориями и проявлениями морали: ложь и коварство, любовь и дружба, честь и совесть, добро и зло, счастье и горе, радость и печаль, долг и его отсутствие, наглость и лицемерие, гордость и позор, отсутствие стыда и совести – сопровождают человечество испокон веков. В том случае, когда отрицательные составляющие превалируют, их можно назвать атрибутами жизни рассудочных животных.

До каких же пор мы, человекоподобные, будем как белки в колесах барахтаться по замкнутым кругам? И что нас здесь удерживает? Почему не идем дальше? Почему не устраиваем достойную человеческую жизнь? Удерживают нас от построения достойной жизни – эгоизм, жадность, лень и трусость. Одним словом, мы не видим в этом смысла, у нас нет душевного порыва к истине, красоте, спра-

ведливости. Возьмем, к примеру, позицию сциентистов и технократов. Они уповают на новые научные и технологические разработки и внедрение их в жизнь общества для его развития и совершенствования. В чем слабость, уязвимость этой позиции?

1. В условиях сегодняшнего мира эти внедрения обязательно будут способствовать манипулированию большинством в интересах власти и богатеев, т.е. дальнейшему обезчеловечиванию большинства населения.

2. Это прямое и косвенное устранение и отстранение из воспитательного идеологического процесса философии, литературы, истории, искусства, т.е. исторически сложившихся главных сеятелей разумного, доброго, вечного, главных факторов, субъектов гуманизации общества.

Применительно к исследуемой теме это означает лишение искусства его действенного и действительного развития, а для большинства населения это есть устранение, уничтожение одного из путей к душевно-духовному развитию, т.е. консервация большинства в недоразвитом недочеловеческом состоянии. А все заклинания о креативности, инновациях, нанотехнологиях, суперинформационных сетях ни к чему реально положительному для истинного, действительного человеческого развития не приведут, разве что обеспечат большую прозрачность действий власти и крупного бизнеса для населения. Но ведь этого мало. Надо, чтобы нашлись силы в обществе, которые бы возмутились нечестностью власть и деньги имущих, и были бы способны повлиять на исправление недостатков. А пока в обществе нет силы, реально способной утвердить честный, достойный образ жизни, на научно-техническом и технологическом буме могут нагреть руки только власть и богатеи.

Более того, неразумно используемые информационные и другие современные технологии наносят большой вред. Так, например, реклама, телевизор, чрезмерное оби-

лие лакомств, игрушек, красивой и экстрамодной одежды – развращает детей, отбирает у них целомудрие, отбирает детство.

Детские психологи говорят, что нельзя смотреть и показывать зарубежные мультки вообще. Российские надо, но не часто, раз в неделю, хорошие фильмы – раз в неделю. В противном случае дети растут во вредной виртуальной реальности, объективная реальность, природная и социальная, от них искусственно скрывается. У детей утрачивается способность к созданию образов, т.е. оскопляется чувственная ступень познания, нарушается процесс формирования души. Им, детям, необходимо, чтобы взрослые читали вслух для развития чувственной ступени познания, а следовательно для развития душевно-духовного. Если раньше дети просили почитать, то теперь они отказываются, им тяжело, образы не успевают формироваться, детям дискомфортно, у них нет навыка, т.к. привыкли все время смотреть телевизор.

Чувственная ступень познания, т.е. формирование ощущений, восприятий, представлений с воображениями, оказывается выхолощенной, неполноценной, деформированной. А дальше и развитие логической ступени познания (формирование понятий, суждений, умозаключений) оказывается ущербным, дети, а потом и молодые люди, не различают виртуальной и объективной реальности. Детские психологи говорят, что детям нельзя знать все сразу. У них должно быть “право” на незнание, а знания они должны получать в труде. Сегодня же телевизор и интернет обрушивают на детей “цунами” информации и уродуют их психику и сознание.

Сегодня произошел переворот. Если раньше техника, технология, инструмент помогали уму (человеку, душе) и рукам в деле улучшения, преобразования мира, то сейчас, зачастую, наоборот; человек получает инструмент, техни-

ку, технологию, а ума, развитого человека, души – нет. И все это служит недоумкам, кретинам, бездушным и бездуховным животным – примитивному человеку. Эксплуатируются низменные чувства людей. Ну, например, – “мы вас ждем на курорте в Египте, в том самом отеле и на том пляже, где акулы напали на людей”. Или еще аналогия. Скрипки Страдивари и Гварнери вручаются величайшим музыкантам. Так принято во всем мире. Сегодня ценнейшие инструменты, зачастую, попадают в руки шалунов из детского сада. Это же нонсенс, аномалия. Такой ход вещей необходимо исправлять.

И в заключение опять непосредственно к будущему искусства. Лариса Долина не так давно снискала себе большое уважение песней со словами о том, что “лучше нет погоды в доме”, а все остальное решается с помощью зонта. А чтобы создавать, культивировать хорошую погоду в любом доме (семейном, производственном коллективе, городе, стране, в мире) необходимо использовать давно созданный людьми инструмент – классическое искусство, которое самим своим предназначением призвано облагораживать, изменять в сторону прекрасного человеческие души. Конечно, это необходимо делать в комплексе с другими гуманистическими социальными программами. Работы в этом направлении – непочатый край. Только в том случае, когда классическое искусство пронизает, пропитает души людей, искусство выполнит свое историческое предназначение, т.е. обретет светлое будущее, активно участвуя в становлении истинной человечности.

Все сегодняшние проблемы: бедности, войны и мира, наркобизнеса, терроризма, сохранения от разрушения природы и человека – это борьба красоты, истины, добра против безобразия, уродства, лжи и лицемерия, зла. Как уже говорилось выше, сегодня не время активного, целеустремленного, глобального строительства достойной жизни,

оно еще не пришло, почему и “потерпели поражение” идеи Сократа, Платона, Христа, Сен-Симона, Маркса. Как сегодня вынуждены поступать люди, которые стремятся к более-менее истинно человеческой, достойной жизни? Они замыкаются в свои сообщества – туристы, спортсмены, музыканты, писатели, поэты, философы, артисты и т.д. Хороший пример показывают страны Скандинавии и Бенилюкса в смысле заботы государства и крупного бизнеса о большинстве населения своих стран, культивируя рост материального и душевно-духовного прогресса.

У искусства может быть прекрасное и светлое будущее, только чуть позднее, не сейчас, когда оно действительно будет принадлежать народу, т.е. пропитывать и воспитывать души людей прекрасным, добрым, вечным, как кислород легкие человека, а без этого вечно актуальными будут слова В.С. Высоцкого:

Эх, ребята, все не так!

Все не так, ребята!

5. Будущее религии

Как известно, Восток – дело тонкое, а религиозные чувства, зачастую, очень деликатные. Тем не менее, рассуждения будут вестись с атеистических позиций, о которых в нашей стране почему-то забыли. Что ни интеллигент витийствует с экрана телевизора, и все – православные. Откуда их столько взялось в стране, где каждый молодой человек в юности был пионером и комсомольцем, остается загадкой. Чувства и душевные порывы религиозных людей и им сочувствующих, конечно, необходимо уважать, но не в ущерб своим убеждениям, не в ущерб истине. Без сомнения в среде клира и в среде рядовых верующих есть много честных и бескорыстных людей, которые достойны искреннего уважения. Поэтому я заранее прошу прощения у

тех, кого могут в какой-то степени обидеть или опечалить мои рассуждения. Они будут сделаны не со зла на всех верующих, а исключительно по неприятию религиозных институтов в том виде и в тех формах, в которых они исторически существуют. Ибо церковь, на мой взгляд, самая лицемерная организация на Земле. Не зря ее так интенсивно критиковали гуманисты эпохи Возрождения, Нового и Новейшего времени. Церковь не видит в человеке разумного и свободного существа и всегда выступает с позиции силы и назидания, как будто люди, надевшие специфическую униформу, становятся умнее и мудрее людей в светской одежде.

Религия – есть набожность, святыня, предмет культа. Основной признак религии – вера в реальное существование **сверхъестественного**. С точки зрения здравого смысла и науки это есть призыв и принуждение к заведомой лжи, лицемерию, обману. Возьмем наиболее близкую нам в культурном отношении религию – христианство. Здесь надумано фантастическое триединство в виде бога отца, бога сына и бога святого духа. Бог отец (сверхъестественный) порождает естественного бога сына Иисуса Христа, чтобы люди убедились в его истинном, телесном существовании. Нехорошие люди, а их абсолютное большинство как в религиозных и светских властях так и в народе, жестоко казнят сына, но он не умирает как обыкновенные люди, тело его исчезает, а дух возносится в небо. Причем инициаторами унизительной, позорной казни являются церковники Малого синедриона во главе с Каифой. Христа казнили как еретика с точки зрения Иудейской церкви и как диссидента с точки зрения светской власти Римской империи. Приблизительно 400 лет назад в Афинах произошло подобное событие. Самого умного и доброго человека Сократа казнили, обвинив также в религиозных и светских грехах. Только Сократ живет в памяти ве-

ликодушных интеллектуалов, как образец ума и доброты, который до сих пор раздражает большинство людей, предпочитающих жить в атмосфере обмана, лицемерия и насилия; а Христа светские и церковные власти возвели в ранг бога и принудили огромные слои населения ему поклоняться. Причем сами же открыли дорогу для греховной жизни людей, так как любой человек понимает, что жить смертному по законам всесильного и бессмертного бога – невозможно, также как ребенку не под силу жить по образцам взрослого человека.

Итак, главная аксиома и главное требование к религиозным людям – верить в сверхъестественное. Позднее Тертуллиан даже настаивает: “Верую, потому что абсурдно”. Таким образом религия настаивает, проповедует, а раньше принуждала и заставляла вплоть до уничтожения сомневающихся, что разум и вера две вещи несовместимые, во всяком случае по поводу метафизических проблем, проблем устройства и происхождения вселенной. Вот почему в общественном сознании сформировались такие выражения, как “свет разума” и “религиозная тьма”. Перефразируя известного поэта можно, с некоторой натяжкой конечно, умозаключить: “Религия и ложь – близнецы братья; мы говорим религия – подразумеваем ложь; мы говорим ложь – подразумеваем религия”. Однако, встает вопрос, почему несмотря на лживость, косность, догматизм, насилие религиозных институтов над множеством людей, религия не теряет своего некоторого авторитета в обществе?

Ответ, конечно, лежит на поверхности. Большинство людей боятся и не умеют мыслить самостоятельно, особенно в области социальных и метафизических проблем, т.е. за пределами обыденного сознания. Если Молчалин у Грибоедова в “Горе от ума” говорил: “В мои года не должно сметь свои суждения иметь!” Ему был 21 год. То многие, даже абсолютное большинство, до самых прекрасных

годов не в состоянии выработать у себя самостоятельности мышления. Хотя многие великие, например Кант, требовали от человека, чтобы он научился мыслить самостоятельно. Однако все попусту, все как собачий лай на идущий караван, все коту под хвост. Многие люди с высшим образованием, авторы статей в многотиражках, успешные инженеры, рационализаторы, в социальных и метафизических областях размышляют “от и до”. Стоит прочесть Куняева, Кара-Мурзу, Проханова и все, эти авторы для них становятся авторитетами безгрешности и святости, уже не говоря о Сталине, Ленине, Марксе, которые есть Боги. На таких людей авторитеты действуют как красные флажки на волков, это табу, это безусловный запрет. Авторитеты парализуют их мышление. Так и церковь своим более чем тысячелетним авторитетом, тяжеловесной мощью упрямого, настойчивого, навязчивого вмешательства в сердца и души людей парализует самостоятельность их мышления.

Так как в ближайшие столетия, а может быть и тысячелетия, уровень культуры, т.е. глубина ее проникновения в сознание большинства вряд ли существенно изменится, а способность к самостоятельному, достойному мышлению еще более редка и изыскана, то век религии еще очень долг, а может быть религия окажется атрибутом земных людей. Религия будет существовать долго и сравнительно успешно, почти так, как говорили большевики о себе, что они пришли навсегда.

Какова морализаторская роль религии в обществе? Этот вопрос ставится потому, что многие отождествляют религиозные взгляды с учением и примерами высокой морали и нравственности. Помним у Достоевского: “Если Бога нет, значит все дозволено!” Это, конечно, чушь несусветная. Практика, как критерий истины, демонстрирует, что тысячи лет существует цивилизация, раньше с языческими богами, последние полторы-две тысячи лет существ-

вуют мировые религии. И что, уровень хамства, лицемерия, насилия, воровства, законного и незаконного, хоть сколько-нибудь снизился? Скорее всего – нет. Более того, христианская религия, например, завуалировано выдает индульгенции людям, негласно разрешает им грешить. Почему? Богом фактически Иисус Христос был признан лишь в IV веке церковниками под давлением светской власти. Поэтому, конечно, прав Фейербах, напоминая нам, что не Бог создал человека, а человек создал Бога в своем воображении. А далее записал это в книги, назвал их священными и узаконил в качестве священных догматов.

Как события разворачиваются далее? Люди тоже дураки. Известно всем выражение: “Бог то Бог, да сам не будь плох”. Церковники твердят, что Бог учит, Бог требует быть добродетельным как он. Но Бог то бессмертен, он велик, всемогущ, всемогущ, а я то, человек, маленький, слабый, смертный, подвержен болезням. Ведь, как уже говорилось выше, нельзя требовать от ребенка того, что может сделать взрослый человек, а отличие человека от Бога по определению бесконечно. Вот человек и доходит своим земным рассудком, что мне то грешить сам Бог велел. Кроме того известно, что покайся и Бог простит. Так у человека ума хватает, что покаяться то можно перед самой смертью, когда грешить уже сил нет, а пока живу, что же я буду покушаться на лавры Бога. Это даже не скромно и не прилично. Более того, в некотором смысле это может быть истолковано как богохульство.

Если вы говорите, или мы говорим, что Бог создал человека по своему образу и подобию, то чего же он – Бог пожалел человеку плодов с древа познания добра и зла, почему пожалел бессмертия и божественного разума? Даже из этих рассуждений можно заключить, что роль религии в формировании высокой морали и нравственности ничтожны по существу, хотя на словах религия претендует

почти на единственный, самый главный, институт по формированию и сохранению высоких морально-нравственных норм в обществе. Однако умные, высококультурные люди прекрасно понимают, что обман и лицемерие есть атрибуты религии.

Для более или менее содержательного понимания сущности религии попытаемся проанализировать известное выражение Маркса. “Религиозное убожество есть в одно и тоже время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она – дух бездумных порядков Религия есть опиум народа. Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья”. Фантастическое, на мой взгляд, по краткости, емкости, красоте и глубине выражение с точки зрения гениального, однако несколько бездушного рационалиста. Рассмотрим первое предложение. Почему убожество? Потому что попы создали Бога для абсолютного подчинения разума, воли и души человека выдуманному фантому с целью беззастенчивого подчинения, манипулирования людьми со стороны самих церковников, исправно служащих светской власти. Людям тяжело терпеть угнетение, насилие, издевательство со стороны власть и деньги имущих. Церковники успокаивают: “Бог терпел и нам велел!”

Стоит только взглянуть в лица верующих, стоящих у клироса во время больших богослужений. Все они глубоко печальны. Все они уповают на Бога, потому что отчаялись, потеряли веру в свои собственные силы для обустройства жизни в окружающей реальной действительности. А грустные, заунывные песнопения и музыка и далее парализует их волю для созидания собственной достойной жизни. Соответственно религиозное убожество является тождественным действительному убожеству, а мольбы есть пас-

сивный протест против убожества и иллюзорная надежда на счастье в загробном мире. Здоровый, счастливый человек редко вспоминает о боге, разве что по укоренившейся традиции или из-за опасения потерять свои привилегии.

Второе предложение. Действительно религия это “вздых угнетенной твари”, действительно это “сердце бессердечного мира”, т.к. хотя бы на словах, в атмосфере красивого интерьера и прекрасной, возвышенной музыки, священники в своих проповедях обращаются к людям ласково, сердечно, с сочувствием; в отличие от грубости и хамства реального мира. И в то же время “религия это дух бездумных порядков”, потому что власть и богатеи серьезно не задумываются о приличной, достойной жизни большинства населения, т.е. оставляют “порядки” жизни непродуманными, а значит, зачастую несправедливыми. И религия есть “дух” этих порядков, поскольку несправедливость в обществе освящается именем Бога. Конечно же – “религия есть опиум народа”, т.к. притупляет реальную боль от несправедливости и угнетения.

И вот последнее предложение, оно необдуманное, принудительное, диктаторское, авантюрное забегание вперед. Как у Высоцкого: “Рванул на 10000 как на 500 и спекся”. Нельзя отнимать иллюзорное счастье, не построив, не создав хотя бы предпосылок действительного счастья. Когда будет выстраиваться действительное счастье необходимость в иллюзорном счастье отпадет сама собой, подобно теории отмирания, “засыпания” государства. Подобно тому, как убирают леса с построенного дома. А пока человека преследует боль – не правильно, жестоко и бессердечно отбирать у него обезболивающее средство. Вот почему и потерпели поражение марксистско-ленинские идеи и действия по насильственному уничтожению частной собственности и упразднению религии. Они оказались авантюрными, преждевременными. Новые гуманисты

должны искать другие пути, которые приведут к положительным результатам.

Работать теоретически и практически над проблемой гуманизации общества, освобождения людей от эксплуатации, отчуждения, бескультурья; добиваться становления истинной человечности необходимо и дальше. Один из реальных путей – это постепенное избавление от лжи, лицемерия, недоверия, манипуляции и насилия в человеческих сообществах. Главное необходимо признать этот путь **важным, существенным**, он без сомнения придется по душе подавляющему большинству населения. Сегодня молодежь, зачастую, требует жить “по чесноку”, т.е. честно. А механизмы его осуществления окажутся делом техники и технологии. На этом пути будут консолидироваться все честные люди земли, а после первых успехов за ними пойдет и большинство населения независимо от религиозных или атеистических традиций и убеждений. Ведь, по словам Герцена, западников и славянофилов разделяла лишь “церковная стена”, а во всем остальном они были едины, т.е. и те и другие мечтали и теоретизировали о построении справедливого, честного человеческого сообщества. Если люди будут придерживаться прежде всего совести, взаимного уважения, товарищества и любви, у них все может получиться. И все институты: и религиозные, и советские по пути к добру, красоте, истине и справедливости, любви и товариществу очистятся от скверны предыстории и недочеловеческого состояния общества.

Выводы

1. Без воспитания людей, детей и взрослых, в духе честности, порядочности, взаимоуважения друг к другу добротного, светлого будущего в России и на Земле не будет.
2. Морально-нравственное здоровье человека, нации, человечества еще более важно, чем физическое здоровье.

Только в этом случае человек может овладеть своей собственной достойной сущностью.

3. Для построения достойного будущего человечества необходимо перераспределить силы и средства с преобладающего сейчас предметно-технологического прогресса в пользу прогресса человеческого фактора, развития душевно-духовных качеств человека.

4. Достаточно развитый интеллект без соответственно развитых душевно-духовных качеств – неполноценен, зачастую является просто “безделушкой”, а то и приносит вред человечеству.

5. “Красота спасет мир“ тогда, когда истинным, высоким искусством будут пронизаны сердца и души большинства людей.

6. Если люди научатся придерживаться прежде всего совести, взаимного уважения, товарищества и любви, тогда все институты (и советские и религиозные) очистятся от пороков прошлого и обретут истинно человеческое достоинство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы книги, в основном, поразмышляли о положительных тенденциях в развитии общества, а также высказали свои опасения насчет ложных устремлений человечества (гламур, например). Следует заметить, что бешеный темп развития техногенной цивилизации многих завораживает и ослепляет, многие видят в нем залог успешного продвижения вперед, продвижения к истине. На самом деле это далеко не так. Народная мудрость гласит: торопись медленно. Компьютеры, тесты, ЕГЭ, модная одежда и косметика зачастую создают видимость, кажимость постижения научных и культурных ценностей. В массе людей с дипломами о высшем образовании культура существует только на словах и только в офисах и присутственных местах, а “по жизни”, как сейчас принято говорить, люди живут в атмосфере обыденного сознания, насыщенного завистью, ложью, лицемерием, в атмосфере совершенно незамутненной теми идеями гуманизма и красоты, которые они высказывали на экзаменах и за которые им выставались положительные оценки в зачетки.

Сколько еще блуждать человечеству по лабиринтам, выстроенным своими собственными хитростью, жадностью, эгоизмом, высокомерием, хамством, принуждением и насилием? Запретный плод, говорят, сладок. Но когда же люди поймут, что многие запреты существуют не из-за упрямства и властолюбия запрещающих? Эти запреты осмыслены и выстраданы за тысячи лет человеческой истории, эти запреты являются аксиомами достойной жизни как отдельного человека, так и общества в целом. Речь идет о том, что нельзя воровать и убивать, нельзя прелюбодействовать и быть жадным, нельзя хитрить и лицемерить, нельзя сквернословить и обижать слабых и т.д. и т.п.

Тем не менее эгоизм, чрезмерно уродливое честолюбие остаются реальными атрибутами жизни людей. Каза-

лось бы, что все претензии на мировое господство потерпели поражение. Где сейчас империи Ксеркса, Дария, Кира, завоевания Древнего Египта и Александра Македонского, Чингисхана и Тамерлана, Наполеона и Гитлера? Все они с позором провалились. Нет, ястребам неймётся. Сегодня США имеют военный бюджет превышающий суммарный военный бюджет всех остальных стран Земли. Опять претензия на мировое господство с позиции силы? Что еще, какие трагедии мирового масштаба надо пережить людям, чтобы до нас до всех дошла простая истина: “Ребята, давайте жить дружно!” А жить дружно это значит помогать друг другу, это значит радоваться успехам друг друга. Это отсутствие ненависти, лжи и насилия. Это отсутствие рукотворных трагедий, это отсутствие умышленных убийств и рабощений. Что еще, казалось бы, надо человеку? Хотите славы, известности, восхищения других – пожалуйста! Честно трудитесь в любой отрасли, которая соответствует вашей сущности, и слава найдет любого претендента.

Энергетика хамства, насилия, подлости, лицемерия, воровства еще очень сильна и в России и во всем мире. Это, конечно, удручает. Что же вселяет надежду? Во-первых, это то, что все подлые и жестокие мировые “проекты” всегда проваливались, а, во-вторых, что идеи и практика жизни в области признания прав и свобод человека получает мировое признание и частично осуществляется. Все подлые и жестокие устремления тщательно скрываются от мирового и местного общественного мнения, осуществляются в тени, скрываются от людей, или лживо “одеваются” в благородные одежды. Т.е. общий вектор развития человечества все-таки, несмотря на массовые эгоистические отклонения в сторону похоти и обмана, направлен в сторону истины, добра и красоты, хотя движение это осуществляется мелкими черепашьими шажками.

В.И. Иванов

Сведения об авторах

Арлычев Анатолий Николаевич

Доктор философских наук, профессор Московского государственного университета “МАМИ”.

Область научных интересов: социальная философия, философская антропология, философия естествознания. Контактные телефоны: 8-985-190-02-35 (м.т.), (8495) 300-44-49 (д.т.)

Электронный адрес: arlychevan@mail.ru

Борисова Татьяна Вадимовна

Доктор философских наук, профессор Самарского государственного технического университета.

Область научных интересов: социальная философия, философия культуры.

Контактные телефоны: 8-937-983-16-00 (м.т.)

Электронный адрес: BorisovaTVa@yandex.ru

Иванов Владимир Иванович

Кандидат философских наук, доцент Красноярского филиала Российского государственного гуманитарного университета.

Область научных интересов: социальная философия, глобалистика, философия религии.

Контактные телефоны: 8-905-996-33-32 (м.т.)

(8391) 220-88-61 (д.т.)

Электронный адрес: anyuta23@bk.ru для Иванова

Колмаков Владимир Юрьевич

Кандидат философских наук, доцент: ученый секретарь КрОРФО.

Область научных интересов: аналитическая философия, постмодернизм.

Контактные телефоны: 8-960-760-4913 (м.т.)

(8391)211-25-72 (д.т.)

Электронный адрес: kolmakov-vladimir@rambler.ru

Степанова Ольга Сергеевна

Преподаватель кафедры философии Самарского государственного технического университета.

Область научных интересов: социальная философия, философия культуры.

Контактные телефоны: 8-937-983-16-00 (м.т.)

Электронный адрес: GOS883@yandex.ru

Фунтусов Владимир Степанович

Кандидат философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета.

Область научных интересов: социальная философия, философия культуры и религии.

Контактные телефоны: (8914) 075-09-45 (м.т.)

Электронный адрес: socmar@vladivostok.ru

Цаплин Валерий Павлович

Кандидат философских наук, доцент Ярославской государственной сельскохозяйственной академии.

Область научных интересов: социальная философия, философия природы.

Контактные телефоны: 8-920-108-88-85 (м.т.)

Электронный адрес: tsaplinvp@gmail.com

Шубский Михаил Павлович

Кандидат философских наук, профессор. Директор Красноярского музейного центра.

Область научных интересов: социальная философия, онтология и философия искусства.

Контактные телефоны: 8-913-030-53-70 (м.т.)

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ОБ АКТУАЛЬНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
1.1. Арлычев А.Н. Необходимость и роль здравого смысла в философии, физике и космологии.....	8
1.2. Фунтусов В.С. Роль и значение конструктивистского подхода в современных российских и мировых идентификационных процессах.....	41
1.3. Шубский М.П., Колмаков В.Ю. Семантика Родины в современном искусстве	74
1.4. Колмаков В.Ю. Искусство, политика и философия – индексы ментальности.....	95
Глава 2. НЕКОТОРЫЕ ИДЕИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗ- ВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	
2.1. Борисова Т.В., Степанова О.С. Гламур – “культура” человека массы и техногенной цивилизации	113
2.2. Арлычев А.Н. Социал-гуманизм как вариант обу- ройства будущего общества.....	127
2.3. Цаплин В.П. Экономические категории в свете эволюционного процесса	172
2.4. Иванов В.И. Будущее: наука, религия, общество.....	195
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	233
Сведения об авторах	235

БИБЛИОТЕКА АКТУАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Выпуск 12

РАЗМЫШЛЕНИЯ
О НАСТОЯЩЕМ
И БУДУЩЕМ
РОССИИ И МИРА

Коллективная монография

В авторской редакции

Подписано в печать 18.11.2012.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,88.
Тираж 500 экз. Заказ 10-120.

Отпечатано в типографии «ЛИТЕРА-принт»,
ИП Азарова Н.Н., тел. 2-950-340